

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ
ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К читателям нашего журнала. — Уральские рудознатцы. Историческая повесть А. БАРМИНА. — Последний сплав. Чусовская быль М. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА. — Слепой полет. Научно-фантастический рассказ А. БЕЛЯЕВА. — Край, впервые делающий свою историю. Очерк А. БАРМИНА. — Командор Бобрового моря. Историко-географический рассказ В. А. ПОПОВА-ШТАРК. — Народы Урала в рассказах: Волчьих ног. Рассказ о манси. А. СМИРНОВА-СИБИРСКОГО. — Серый гость в чуме. Рассказ о немцах Е. ЕВЛАДОВА. — Выставка „Народы Урала“. — Географические названия Урала. Очерк М. КАШЕВАРОВА. — Из Уральской книги природы: Лосиный заказник. Очерк В. ВИНИЦКОГО. — Смерть озера. Очерк Т. РАУХБЕРГЕР. — Ледники Уральского хребта. Заметка Н. АНДРЕЕВА. — Гуси на курорте. Заметка. — уральские были (старые и новые): Хозяин приехал. Из истории Верхисетского завода В. ВОГАУ. — Быль завтрашнего дня Ф. АССБЕРГА. — Занимательная библиография: История одной географической карты. — Геологические очки. — Гнездо ветров. — Полюса разговаривают. — „На высотах Уральских гор...“ — Чукча Матлю — завоеватель острова. Географическая викторина „Уральского следопыта“. Шахматная доска „Уральского следопыта“.

К ЧИТАТЕЛЯМ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Октябрьская революция превратила Урал — этот отсталый, мало освоенный при царизме край — в один из мощных промышленных центров Советского Союза. На Урале в изумительно короткий период построены и пущены десятки новых гигантов-заводов, созданы новые отрасли промышленности, старые заводы оснащены новой техникой. Коренным образом реконструировано и сельское хозяйство. Совхозы и колхозы — вот что определяет лицо сельского хозяйства Урала. Изменялось до неузнаваемости лицо края: новые индустриальные центры возникли на месте захолустьев, новые города выросли среди степей и лесов, созданы мощные электростанции, связавшие Соликамск и Магнитогорск в единое высоковольтное электрическое кольцо. Осуществлена великая идея вождя партии Сталина по созданию второй угольно-металлургической базы на Востоке.

На огромной территории Урала от Обдорска-Вишеры до Магнитогорска — повсюду могуче расцветают все производительные силы края.

Огромные природные богатства края взяты на службу социализму.

На базе новой социалистической экономики задается новая социалистическая культура, растут ряды пролетарской интеллигенции.

Идея воплотилась в жизнь! Социализм побежден! Победила великая партия Ленина — Сталина, возглавившая героический рабочий класс Совет-

ского Союза в борьбе за построение бесклассового социалистического общества. Социализм из мечты стал реальной действительностью!

В условиях социалистической стройки приобретает необычайно важное значение познание своего края.

Недаром же совсем недавно „Комсомольская Правда“ кликнула боевой клич, выкинув два прекрасных ловушка: „Познай свою родину“ (и свой край, — добавим мы) и „Создадим движение краевых следопытов“.

Древний седой Урал-кустарь превратился в одя из передовых промышленных центров Советского Союза. Урал скинул свои ветхие одежды, преобразился и непрестанно обстраивается.

— Дашь, из чего строить? — спрашивают уральские строители.

— Разведываем! Ищем! Находим! Даем!... — откликаются молодые и старые георазведчики, краеведы-следопыты Урала.

Каков же тип истинного уральского краеведа-следопыта нашего времени? Следопыт, по выражению К. Паустовского, автора книг „Кара-Бугаз“, „Великан на Каме“ и др., сродни охотнику. Он одинаково восторгается залежами гипса и зарослями малины в уральских лесах. Он расстилает под ее кустами свой брезентовый плащ, трясет их и в один прием набирает шапку душистых ягод. Он выходит в чаще мглавший вашгерд (ящик для промывки золотого

песка) и узнает, что здесь некогда мыли золото. Молодые краеведы-следопыты — ученые и поэты одновременно. Они пропитаны запахом болот хвоя, ветра, кизеловского дыма, едких химических паров и смазочных масел. Объем их исследований очень обширен, а интуитивизм может заразить даже самого скучного человека.

Широкое развертывание следопыто-краеведческого движения на Урале может дать большие практические результаты для строительства социализма. Для этого необходима правильно организованная деятельность молодых краеведов-следопытов.

Поддержка, стимулирование и помощь в организации этого движения входит в задачи „Уральского Следопыта“.

Называя новый журнал „Уральским следопытом“, редакция имеет в виду наиболее ясно выразить профиль журнала и подчеркнуть, что он является журналом в широком смысле слова исследовательского и познавательного характера; что это — журнал занимательных по форме изложения и глубоких по содержанию знаний в области истории, географии и краеведения Урала.

Постановление партии и правительства о расширении и углублении знаний по истории и географии в средней школе возлагает большие обязанности на наш журнал, как посвященный именно этой тематике.

Если ученый краевед определяет, систематизирует, суммирует собранный материал, то молодой краевед-следопыт охотится за этим материалом. От старого до малого — всем найдется увлекательная работа в области краеведения. Краевые музеи должны оживить свою деятельность. Краеведение должно выйти из своих кладовых, наполненных собранным уже добром, под открытое небо — в горы, поля и леса. Оно должно выйти с выставками и популярными лекциями в просторные и светлые аудитории рабочих и колхозных клубов.

Вокруг музеев, наподобие юных натуралистов при зоопарках, должны возникнуть кружки юных следопытов-краеведов.

Всему этому будет содействовать „Уральский следопыт“.

„Уральский следопыт“, в свою очередь, просит уральских краеведов-следопытов насытить его страницы материалом. Его литературный жанр-

путевой очерк, занимательная научно-популярная статья, сюжетный, динамически-действенный рассказ, повесть.

Приветствуя зарождение в Свердловске „Уральского следопыта“, „Комсомольская Правда“ говорит: „Остаются пожелать, чтобы этот журнал стал инициативным, энергичным центром большой и увлекательной работы по изучению природных богатств, истории и фольклора народов края, чтобы на его страницах уральская молодежь нашла действительно увлекательные рассказы и очерки, которые пробудили бы в ней жажду познания своего края и его величайших богатств“.

„Уральский следопыт“ ставит себе эти пожелания неперенным обязательством. К активизации движения краевых добровольцев-следопытов призывает он и окажет им всякое возможное содействие. К сотрудничеству в журнале зовет краеведческие силы Урала, и не только их, но и охотоведов, лесо-и водоустроителей, селекционеров, геодезистов, горных инженеров, геологов, зоологов, ботаников, метеорологов. Словом, люди науки и практики, осваивающие Урал социалистический, должны заговорить на страницах журнала с массами трудящихся.

Журнал будет бороться за повышение классовой деятельности и на фронте краеведения и в исследовательской работе, и в образовательно-популярно-просветительной деятельности, а также за осуществление указаний партии о том, что воспитание в СССР должно вестись в духе социализма, в духе великих идей марксизма-ленинизма, в духе партии большевиков, так, как учит трудящихся славный вожь мирового пролетариата и трудящихся всего мира т. СТАЛИН.

Редакция твердо уверена в том, что только при этих условиях и общими силами нам удастся создать первый массовый историко-географический, краеведческий журнал, занимательный по форме и, вместе с тем, образовательный по содержанию.

Уральская тематика так же богата, как богаты природные ресурсы края. Эти благоприятные условия не могут не вызвать к литературному творчеству ряд новых авторов, ряд новых писателей-краеведов. Воспитать их, сплотить в круг является повседневной его обязанностью.

За работу, товарищи!

УРАЛЬСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ А. БАРМИНА

1. ДОЛОГ ПУТЬ ДО ГОРОДА

Егорушке приснилось, что его поймали. Будто драгун в синем мундире больно схватил за плечо, а заводский приказчик Кошкин наезжал конем, наклонился и прохрипел: „Держи, вяжи, души!“ Егорушка стал биться, ушиб руку — и проснулся.

Азиям сверху был сухой и теплый от солнца, а снизу холодный — роса. Егор сел, стуча зубами. Подставил спину лучам. Лес стоял вокруг полянки, тихий и зеленый. Березы пробраны насквозь утренним солнцем, на них еще неполный лист. От первых цветов шиповника тек сладкий дух.

„Это воля так пахнет“, — подумал Егорушка, и ему стало тепло. Вышел на середину полянки, попробовал траву рукой — обсохла, можно итти. „Приснилось же такое, язви его!“ Солнце на восходе, утро; значит, полдень там. И Екатеринбургская крепость там же. Туда и итти. Да вдруг обнесло голову, в глазах почернело, а в животе иголками закололо — со вчерашнего утра ничего не ел. Однако справился Егор, постоял минуту, качаясь от голодной слабости, и побрел на полдень.

Вчера было хорошо итти, сосновым-то бором. Знай, шагай по прошлогодней хвое да по хрустким папоротникам. Красные стволы высоко без сучьев, как стрелы, натканы. Посмотришь вверх — в небе дыра — шапка валится. Черный моховик сорвется с земли, захлопает крыльями и долго мелькает между стволами. И дышится легко в сосновом бору.

А сегодня начался ельник, да еще с ольховым подлеском, — ну, горе! Колючие лапы тянутся понизу, концами схо-

дятся, — открывай их, как тяжелые двери. С земли тянет прелью и гнилью. Трухлявые пни на каждом шагу — и обманывают ногу. Кто-то дрянет в сторону в густой тени — козел или волк? — так и не увидишь.

Где-то справа должна быть дорсга. Да ну ее, дорогу! Страшнее леса она. Еще нарвешься на воинскую команду, заберут. Так и шел напрямиком, сверяясь с солнцем.

А в лесу ни гриба, ни ягодки — рано еще. Нашел саранку и обрадовался, присел на корточки, бережно стал выкапывать. Старался не сломать нежный стебель с пятью продолговатыми листиками, — а то потеряешь и луковичу. Докопался — вот она. Желтые чешуйки во рту стали слизкими и мучнистыми. Вкусу никакого — как земля. И несытно. Однако дальше шел и все под ноги глядел: не видать ли звездочки в пять листков?

Портки в коленях разорвались. А тут еще начались горы. Только проберешься через вереск и шиповник на одну вершину, — глядь, впереди еще другая, еще выше.

Егор измучился, ему уж начало „казаться“: то бурую выворотку пня примет за присевшего медведя, то сухая еловая ветка покажется красными драгунскими обшлагами. В горах дорога начала крутить. Несколько раз Егор, перевалив через какой-нибудь пригорок, выходил прямо на пыльную колею. Эх, и итти бы по гладкой мягкой пыли, дать ногам отдых. Но, услышав колокольчик или крики ямщиков, Егор поспешно сворачивал в лес.

„Без хлеба пропадешь“, — тоскливо думал Егор. Придется попросить у обозных

мужиков. Не может быть, чтоб не дали. Ну, загадаю. Если еще дорога сама ко мне подвернет, дождусь первого обоза и попрошу“.

Дорога подвернула скоро. Егор стал в кустах. За поворотом кричали на коней возчики. Тяжелый, видно, обоз. Вот показалась первая дуга. Егор раздвинул ветки.

„Опять кажется, что ли? Непонятный обоз двигался по дороге. Ехали... деревья. Стройные молодые кедрь размахивали сизыми ветвями, сгибались на рывтинах и плыли над кустами. Кедрь сидели в больших чанах. Каждый чай прикручен веревками к телеге. Впереди обоза в плетеном коробе на сене развалился чиновник в зеленой шляпе и плаще. Егор насчитал за ним двадцать телег. Одна телега выехала в сторону и остановилась. Возчик камнем забивал чеку. Егор подождал, пока короб чиновника скроется за поворотом, и вышел из за куста.

— Дяденька... — сказал он так тихо, что возчик не услышал.

— Дяденька, хлеба нету?

Мужик испуганно обернулся. Лицо его было пыльно и измучено. Под желтыми бровями моргали злые глаза.

— Ты чего?

— Хлеба мне. Ну, дай... скорее.

— А вот я тебя камнем! — ответил мужик и выпрямился.

Егор покраснел от гнева.

— Я голодный, — сказал он.

— Ты беглый! — закричал зло мужик и бросил камень в пыль. — Я тебя знаю. Держи его!... — завизжал он вдруг и стегнул лошадь. Впереди останавливались возчики.

Егор без памяти бросился в сторону через кусты и камни.

Горы делались все круче. Все чаще спотыкался Егорушка. Одна гора с голый вершиной выдалась на пути особенно большая и трудная. Лез на нее Егор, задыхаясь и помогая себе руками. А долез до верхних камней, глянул вперед, — и остановился.

Каменный пояс¹ отсюда далеко виден. Горы за горами, леса за лесами лежат без конца. Дикие луга и болота, то желтые, то синие от цветов, заплатами раскиданы по зелени лесов. Обрывки какой-то реки блестят под солнцем. По небу летят облака — чистые-чистые. От них

тени пятнами бродят по разноцветной дали. И нигде ни жилья, ни дымка.

Тут только понял Егорушка, как долго ему еще идти. Ведь Екатеринбургская крепость там, за самыми дальними горами — теми, что сильнее.

Егорушка сполз с камня в колючую траву и заплакал.

2. СОЛДАТСКАЯ ВДОВА МАРЕМЬЯНА

Сегодня маремьянин черед пастуха кормить. Пастух — человек мирской: каждый день у новой хозяйки обедает.

Маремьяна утром в крепость сходила, на базаре баранины на три копейки взяла. Ходит от печи к столу Маремьяна, пастуху подкладывает. Того уже в пот ударило. Съел щи с бараниной. Съел пирог с соленой рыбой. Груздей с квасом поел. Рыгнул звонко, а от ярушников не отказывается. Маремьяна их все на стол оставила, только один себе в шестке оставила, вехоткой прикрыла. Не дай бог, — подумает, что пожалела.

— Кушай, Степушка. Квасу-то плеснуть еще?

— Не. Кислый чего-то квас у тебя... А ну, плесни...

Кто-то заскрипел половицами в темных сенках, чья-то рука нашаривала запор. Маремьяна вздрогнула. „Не Егорушка ли?“ — подумала привычно. Знала, что не может того быть, что далеко Егор, да разве мыслям закажешь.

Вошел низенький человек дикого вида — в звериной шкуре, скуластый. Снял рваную шапку, поклонился низко, черная косичка метнулась.

— Пача, пача! Поганы лепешки есть? Маремьяна рукой махнула. Уходи, мол, с богом.

— А-а, это вогул! — повернулся пастух. — Каки это он лепешки спрашивает?

— Скоромное. Блины черствые да оладьи. Они зимой больше ходят, после масленицы. Русским в пост скоромное есть нельзя, а бывает с масленки что остается. Ну, чем собакам, — им подают.

— Обнищали вогулишки. Уж и летом собираются.

Вогул поклонился еще, безнадежно помигал гноящимися красными веками и вышел, напяливая шапку. Маремьяна вернулась, было, к столу, да передумала. Кинулась к шестку, достала что-то из-под вехотки и торопливо вышла из избы.

¹ Каменный пояс — старинное название Уральских гор.

— Пожалела?— сказал пастух, когда Маремьяна вернулась.— Чего ты?.. Это ведь нелюди.

Пастух доел последний ярушник и допивал квас, отдуваясь после каждого глотка.

— Знаю... Да муж у меня и два сына на чужой стороне... Вот и думаешь: если никто странненькому подавать не будет... как им быть?

Маленькие избы слободы Мельковки рассыпались под самой стеной Екатеринбургской крепости. Избы все новые да и сама крепость только десять лет назад построена в этих лесах. Из Мельковки виден вал крепости. Он тянется на полверсты и только в одном месте прорван заводским прудом. За валом стена палисад из двухсаженных бревен. По углам стены башенки-бастионы, на них торчат часовые, блестя багинетами¹ ружей.

Тесно в крепости: много фабрик² открылось у исетской плотины — якорная, посудная, колокольная, жестяная, проволочная. Много мастерового народу свезено и поселено к ним. Стали строить слободы за крепостным валом по берегам Исети. Тут селились торговые и ремесленные люди, выкликанцы из разных губерний. Особую улочку отвели для ссыльных. А уж Мельковка сама выросла — домик к домику, без порядка притыкались бобыли-поденщики и упрямые кержаки. Кержаки соседства не ценят, у них и стройка — у каждого своя крепость, кругом высокий заплот да на окнах тяжелые ставни.

Самая маленькая избенка в Мельковке у солдатской жены, старухи Маремьяны. Построена избенка заводскими плотниками на казенный счет. На забор лесу нехватило, так и осталась избенка стоять без городьбы — маленькая и беззащитная.

— Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын, — говорила Маремьяна старинную пословицу.

Три сына было у нее, когда ее муж, солдат Тобольского полка, ушел с отрядом капитана Унковского в дальний поход. Не то к калмыкам, не то к китайской границе. Ушел да так и канул. Десять лет прошло с тех пор. Говорят, капитан Унковский уже проскакал об-

ратно в Русь, а о муже Маремьяны все слуху нет. Сама растила и поднимала она сыновей. Старший, Михаил, попал в работу на заводы Демидова, второй сын, Кирилл, поступил к казенным плавильным печам здесь же в крепости. Да оба недолго наработали. Михаил прогневал непокорством приказчика Невьянского завода, тот его и отправил с письмом пешего в Москву. В ногах у сына валялась Маремьяна, молила: „Сломай себя, повинись перед приказчиком!“ Не послушал сын, попросил только у нее благословения и ушел в осеннюю непогоду. Шесть лет прошло, не вернулся. Среднему сыну сожгли ноги жидким чугуном. Лили тогда большой колокол, торопились залившники с огненными ковшами. Один споткнулся, и ковш опрокинулся на Кирилку. Он умер в ту же ночь. Сразу постарела Маремьяна, поседела и сгорбилась. Стала жить для третьего сына. „Егорушку я сберегу, — говорила она, — отец вернется, спросит: где сыновья? Я Егорушкой заслоню тогда“.

Маремьяна делала и тяжелую заводскую работу и бабью домашнюю, — не знала усталости, старалась для сына-последышка. И рос Егор непохожий на других солдатских и рабочих детей: смелый, веселый и ласковый. Взяли его в школу при заводе. Мать радовалась: „Другая дорога будет тебе, сын. Может и в подьячие выйдешь“.

Ученье в школе шло круглый год. Летом занимались часов по двенадцати, зимой часов по шести, по семи. Только в самое темное время, около рождества, приходилось на месяц делать перерыв: не жечь же дорогие свечи ради ученья!

Но наука не очень быстро подвигалась в школе. Учеников часто отрывали для разной работы. То пошлют дрова для школы рубить, то нехватка работников на сплаве, и учеников заставляют носить чугун на суда-коломенки. Когда Егор дошел в арифметике до тройного правила, ему положили жалованье полтора пуда провианту в месяц да раз в год деньгами на платье. Матери стало полегче, она купила корову.

Перед тем как кончить Егору школу, Маремьяну с сыном выселили из-за крепостных стен в Мельковку. Но Егор недолго бегал из слободы в школу. Следующей весной кончилось его ученье. За жалованье, что получал он два года, ему полагалось служить, где заводское начальство укажет. А тут дворянин

¹ Багинет — штык.

² „Фабрика“ XVIII века соответствует нашему цеху или мастерской.

Акинфий Демидов попросил обербергамт¹ дать ему одного письмоумеющего к учетной работе на склады его Нижнетагильского завода. Обербергамт отдал ему Егора Сунгурова. И уехал Егорушка от матери. Та одному радовалась: не к огненной работе приставлен Егор, не к плавильным печам. Оттого легче ей сносить свое бобыльство.

3. ВСТРЕЧА С БОРОДАЧОМ

— Эй, парень! Ты один?

Егор поднял голову. Перед ним стоял широкобородый человек с топором в руке. Сбоку кожаная сума.

— Один,— ответил Егор, не вставая.

Бородач внимательно его разглядывал. Сам он был рослый и крепкий. Егор у его ног, как щенок, скорчился.

— Демидовский?— коротко спросил бородач.

— Да.

— Давно бежал?

— Третий день вот.

— Куда пробираешься?

— В крепость.

— Еще чище да баше! Ведь выдадут в тот же день.

Егор понурился.

— А куда мне деться? Там мать... Может, и не выдадут.

— Да ты чего бежал-то?

— Приказчика я обругал. Не стерпел.

— Это Кошкина? Нижнетагильского?

— Да.

— Та-ак...

Бородач вынул из сумы пшеничный калач, разломил пополам и протянул половину Егору. Тот стал есть, давясь и сопя.

— Так без хлеба и кинулся в леса? До крепости тут верст поболее полутораста будет. А ты за три дня, знаешь, сколько прошел? Ведь ты Черноисточинского еще не прошел.

— Дяденька, ты тоже демидовский?— спросил Егор.

— Я-то? Нет, я...— Он спохватился, прикрыл глаза кустиками седоватых бровей.— И знать тебе не по что. Ты вот чего, парень, ты про себя подумай. Как тебе через демидовские заставы пройти. Слышал про них?

— Нет.

— Эх, ты, бежать тоже задумал! Тут они верст через пятнадцать будут. Ле-

жат сторожа в траве, по деревьям сидят, под каждой дорожкой. Ты их и не увидишь, а они — нет, брат, не пропустят. Засвилятся, заушают, налетят с веревками. А тут проберешься — так за Старым заводом, где казенная грань, еще чаще заставы. По демидовским парень, землям умеючи надо ходить.

— Я от тебя не отстану, дяденька,— неожиданно сказал Егор.— Возьми меня с собой, проведи, ради Христа.

— Нет,— отрезал бородач и нахмурился.— У меня здесь дело есть. Не могу, парень.

— Я тебе помогать буду. Что хочешь, сделаю. Дяденька, не покинь меня.

— Помогать, говоришь?— Он усмехнулся в курчавую бороду и крепко задумался. Потом сказал, глядя Егору прямо в глаза.

— Провожать тебя я не буду, не проси. А вот про дорогу расскажу, так что сам выйдешь. А ты мне, верно, помоги немного... Идем-ка, дорогой расскажу.

И они пошли с горы на гору.

Всю дорогу бородач молчал. Только часа через два пути он показал Егору вниз и сказал:

— Видишь ложок? Вот по нему и пойдешь потом. Дальше там болота будут — ничего, иди по болотам, они не топкие нынче. Все держись на закат. Как перейдешь большую дорогу, сверни на полдень — там демидовские земли кончаются. Переночуешь в лесу и опять пойдешь так же, на полдень. Немного поплутаешь — не беда. Найдется покосная дорожка, и не одна еще. По ним выйдешь к заводу купца Осокина. Моя изба с краю. Спросишь Дробинина. Я рудоискателем у Осокина. Жене скажешь, что я послал. Дождись меня. А если я долго не вернусь, она еды даст на дорогу.

Егор не стал даже благодарить рудоискателя — слов не было.

— А помочь-то тебе чего?— спросил деловито.

— Помочь мне, парень, не большой труд — три раза петухом пропеть.

Егор озадаченно глядел на бородача. Тот усмехнулся.

— Верно говорю. Это такой поклик у демидовских сторожей. Тревогу означает. Мы сейчас поднимемся на эту гору. За ней, в ложке, люди работают. Надо мне их пугнуть и поглядеть, чего они делать станут. Тебя я оставляю на горе, а сам кругом обойду и с другой

¹ Обербергамт — правление казенных заводов.

стороны в кустах засяду. А ты, как крикнешь, так и беги к тому ложку. Сгоры-то оно быстро, не догонят. И уж меня не дожидайся.

Они полезли выше. В одном месте полезли на животях. Выбрались на каменный гребень. Дробинин стал говорить шопотом.

— Стой! Вот он, ложок. Видишь?

Егор посмотрел вниз. Уже косые лучи солнца освещали один склон ложка, покрытый кустарником. Другой был в тени. От костра подымался высокий голубой столб дыма. Маленькие люди копошились около ручья. Одни носили ящики из новых белых досок, другие гребли землю лопатами. Жеребенок с боталом на шее валялся вверх ногами на траве.

— Собак не видно?— шопотом спросил Дробинин.

— Нету, ровно бы.

— Ну, тогда славно. Ты подожди час, пока я обойду и — три раза. Ну, счастливо тебе. Вот, возьми-ка еще на дорогу.— Он сунул Егору вторую половину калача.— Запомнил, как итти?

Дробинин, согнувшись, пошел по хребту, Егор остался один. Выжидал время, отщипывал крошки от калача. Внизу все так же работали маленькие люди. Тень уже двигалась к половине склона.

„Порал!“— подумал Егор, и тут ему стало страшно. Ведь криком он выдаст себя. Может, по его следам кинется погоня. Но вспомнил, что Дробинин ждет, и три раза громко прокукарекал. И не побежал сразу к своему ложку, а свесился с камня и глядел на людей у ручья. Они забегали, засуетились. Три всадника показали из кустов и помчались вдоль ложка. За ними, громыхая боталом, побежал жеребенок.

Неожиданно раздался голоса совсем близко — на самом гребне. Кто-то звал: „Федоров, Федоров!“ Егор сломя голову кинулся по склону. Подошвы скользили по гладким камням и мху. Склон был очень крутой. Деревья торопились навстречу.

Один раз Егор обернулся. Увидел белый дымок на гребне — и в тот же миг хлопнул выстрел. Пуля провизжала поверху.

Егор больше не оглядывался и не останавливался, пока не добрался до своего ложка. Здесь, в густом осиннике, он перевел дух.

4. НОЧНЫЕ ТАЙНЫ

К вечеру следующего дня Егор вышел к заводу Осокина.

Маленькие заводы все похожи один на другой. Пруд. Узкая плотина, заваленная шлаком. Под плотинной дымящие плавильные печи. В беспорядке разбросаны низкие домики рабочих, с окнами, затянутыми бычьими пузырями и промасленной бумагой.

Завод был безлюден и тих. Только за длинным забором рудных и угольных сараев грохали гири о железные площадки весов.

Кругом завода вырубка — голые, низко отпиленные пни. Вдали, над болотистым лесом, раскинулась на четверть неба желтая заря.

Егор боялся итти по избам спрашивать. Выжидал, сидя на камне у городьбы. К счастью, мимо пробежали две босоногие девчонки.

— Дробинина которая изба?— крикнул им Егор.

— Вон энта, с березой.— И помчались дальше.

Двор выложен ровным плитняком. Над колодцем береза. Собака на привязи не залаяла, машет хвостом. Видать, не злые люди живут. Постучал в оконницу — со слюдой окошко — никто не выходит. Еще раз в двери стукнул, вошел.

Молодая девушка выжимала тряпку над ведром — пол мыла. Испуганно глянула на Егора, выпрямилась, кинула русую косу за спину. В избе чистота не крестьянская. Егор прикрыл поскорей драные колени полами аязмчика.

— Жена Дробинина дома?

Девушка молчала, дуги бровей подняты высоко, словно припоминала что-то.

— Меня Дробинин послал.

Сразу опустились брови, поласковели глаза, тихо прошептала:

— Я жена. Лизавета я.

Егор подивился. Первое, волосы девичьи непокрыты; второе, уж очень молода. Дробинину лет пятьдесят, не меньше поди.

Лизавета опять принялась за мытье.

Без стуку открылась дверь, вошел сутулый мужичок в темном староверском кафтане. Долго молился мимо образов. Косясь на Егора, спросил:

— Не вернулся еще?

Вздыхнул, сел на лавку.

— Ты брось, хозяйюшка, мыть-то. Чисто.— И, почти не понижая голоса, Егору:

— Третий день вот так-то моет. Полу-дурье она, должно, хозяйка-то. Я третий день Андрея Дробинина жду, как ни зайду — либо пол скребет, либо посуду мытую перебивает. А ты откуда будешь?

Егор не приготовился к вопросу, помедлил и выговорил с трудом:

— Из крепости иду. В Невьянский завод...

— Так, так. А я с Ляли, с казенного завода. Насчет рудного дела к Дробинину. С паспортом отпущен вот. — Порылся за пазухой, не достал. — И уши, целы оба. — Мужичок визгливо захихикал, завертел головой. Был он юркий, с лисьей мордочкой. Чалая бороденка торчала вбок.

— Хозяюшка, хозяйюшка, ты помнишь как меня звать?

Лизавета виновато ответила:

— Забыла я.

— Вот! — Мужичок в восхищении повернулся к Егору. — Вот, парень, я ей раз десять уж сказывал, сегодня утром сказывал, как меня звать. Ничего не помнит. Хозяюшка, а деревья помнишь, что на телегах-то ехали?

— Деревья помню. — Лизавета начала всхлипывать. — Связали их веревками, повезли к царице... Кедрики милые!..

Она уже горько плакала.

— Только и помнит, что про кедрики. Да еще про Андрея своего.

— Кедры и я видел, — сказал Егор. — Встретил я третьего дня обоз с деревьями. Живые. Куда их везли?

— Она верно говорит: в царицын сад повезли, в Петербург. Казенный лесничий, господин Куроедов сопровождает. Мужички кручинятся — до Перми им гужом доставить надб. По Чусовой бы сплавить их, по-настоящему-то, да барок, вишь, нет, все с караванами ушли. А от генерала велено — нынче же немедля подарок доставить в Петербург. Ученые они, им виднее. Только, парень, по худому моему разуму, не так бы надо. Не так. Под Соликамском, на самой на Каме, этих кедров видимо-невидимо. Барки там сделать, прямо на барки высаживай деревья да вези. Скорей бы оно вышло, право.

Он снова с визгом засмеялся.

— Ну, пойду. Прощай пока, молодуха, еще заверну попозже. Дело у меня такое...

Ушел. Егора клонил сон. Он спросил хозяйку, можно ли остаться ночевать. „Подушку?“ — спросила Лизавета и при-

несла белую перовую подушку, положила на лавку. Егор осмелел, попросил поесть чего-нибудь. Хозяйка охотно его накормила. Тогда Егор забрался на полати, свернул азиячик себе под голову — подушки он не взял — и заснул камнем.

Проснулся ночью. На полати летел дух мясного варева. Слышались поочередно два мужских голоса. Один гудел, другой сладко выпевал. Егор глянул сверху. Над корытцем с водой горела лучина. На столе стеклянный штоф, обгрызенные кости у деревянных тарелок. Дробинин беседовал с лялинским. Хозяйка спала на широкой лавке. Егор стал слушать разговор.

—...А восемь годов тому руда кончилась... — рассказывал лялинский. — Генерал приезжал, велел завод на стеклянный передельывать. Дули посуду, да плохая, хрушкая получалась и дорогая. Тогда генерал объявил: „Кто близ заводу руду вновь обыщет, то не токмо тот от заводских работ, но и дети его от службы рекрутской освобождены будут“. Я отпросился руду искать. До того никогда на поисках не был, да понадеялся на счастье. И не зря пошел. Далеконько только, по Лобве-реке, на высокой горе нашел медную руду. Показал штейгеру Лангу. Послали меня к генералу в крепость. Испытали руду. Генерал меня похвалил: „Молодец, Коптяков. А мои рудознатцы пачкуны“. Это его любимое слово было. Блажной был немец. А теперешний — русский, да лютей какой. Татишев теперь. Все крепости строит.

— Ну и что, освободили тебя тогда от заводской работы?

— Как же. С год по вольному найму считался. А тут моя руда и кончилась. К тому времени припас я другое место по Лобве же, Конжаковский рудник. А теперь, вишь, я рудоискателем числюсь. А какой я рудоискатель — так, слушаем на те жилы натакался. Ежели конжаковская руда кончится, заводу опять остановка, а меня, боюсь, в работы пошлют. Надо новое место найти. Вот и пришел к тебе, Андрей. Научи меня искать по-настоящему. Возьми с собой на поиск.

— Неподходящее дело. Я осокинский работник, ты — казенный. Ежели Осокин Петр Игнатьич узнает...

Коптяков завздыхал, полез в свою котомку и поставил на стол новый штоф. Пили, ничем не закусывая.

Коптяков встал с лавки, отошел, оглядываясь, шага на два и поклонился Дробину земным поклоном.

— Науци, Андрей Трифонович,— с тоской сказал он.— Богом тебя молю. Ты, говорят, слово такое знаешь, что тебе руды открываются.

Дробинин нахмурился и нагнулся над столом. Потом вдруг расхохотался.

— Есть такое слово! Хочешь, скажу? Глюкауф! Вот какое.

— Глюк-ауф?—недоверчиво повторил Коптяков.

— Это я от казенного лозоходца перенял. Был такой в Екатеринбурге. Гезе его звать. Лозой руды искал. Не знаю, уехал, нет ли. Плохо что-то у него выходило...

Егор опять заснул. Его разбудил осторожный стук в окно. В избе было темно, все спали. Хозяин долго не просыпался. Наконец, встал, крихтя и отплевываясь. Подошел к окну.

— Кто там?.. Юла, ты?.. Сейчас.— В голосе Дробинина послышалась тревога. Он торопливо подошел к дверям и брякнул деревянным затвором. Кто-то вошел. Шлепнул на пол невидимый мешок.

— Чужие есть?

— Есть один, лялинский. Спит.

— Разбуди его, пусть выйдет. Да огня не вздувай.

— Эй, Влас, пробудись-ко...— Дробинин растолкал гостя. Тот вышел.

— Ну, теперь одни. Сказывай, что у тебя. Как это ты опять в наших краях очутился, Юла?

— Сказ у меня короткий. Вот держи в узелке — тут три камня. Руда. Положи в сохранное место и береги пуше глазу.

— Что за руда?

— То тебе лучше знать. Ну, вздуй огонь, посмотри. Мне охота твое слово знать.

Затрещала лучина. Егору с полатей видно лицо ночного гостя — оно изуродовано клещами палача. Вместо носа — дыры разорванных ноздрей.

Хозяин повертывал на ладони каменные куски.

— Не признаю. Не видал еще такой руды. Где нашел?

Юла захохотал.

— Думаешь, Юла тоже рудоискателем стал? Нет, не собираюсь. Да и эту не я нашел. Мое дело, сам знаешь, друное. А ты только похрани ее до моего сиросу.

— Куда теперь пойдешь?

— Лишнего не спрашивай. Жив буду — и до тебя слух про Юлу дойдет.

— Ладно. Хлеба, поди, надо?

— Давай. Да спрячь наперво камнито. И свет погаси.

Юла сам вынул лучину из светца и сунул пламенем в воду.

Утром Егор свесил с полатей ноги, смотрит, куда прыгнуть, а тут в избу вошел Дробинин. Их глаза встретились.

— А, знакомый! Слава богу, значит благополучно. Как дошел? Давно ли здесь?

— С вечера.

— Со вчерашнего?— Мохнатые брови рудоискателя сдвинулись.— Спалось как? Мы тут долго с лялинским баяли, не слышал?

— Не слышал, спал крепко.— Егор соврал с легким сердцем: он понял, что Дробинин будет недоволен, если кто подслушал ночные беседы.

— А потом сосед приходил. За жаром. Это уже перед утром. Тоже не слышал?

— Не, ничего.

— Ну и ладно. Еще бы не спать после такой дороги.

Егор вышел во двор. Утро было ветреное, но солнечное. Собака валялась на боку, натянув цепь, и, лежа, лениво помахала хвостом. Егор достал ведро воды из колодца и стал умываться.

К нему подошел Коптяков.

— Ты в избе спал, не слышал ли, о чем хозяин с приходим баяли, вот когда меня из избы выгнал? — спросил он шопотом.

— Не слышал.

— Экой ты какой! Хоть как зовут-то его, не говорили ль?

Егор перестал мыться. Он в самом деле забыл имя ночного гостя.

— Гуляй... не Гуляй, — вспоминал он. — Или Юла...

— Юла, говоришь? Ну-у.— Коптяков просиял.— Это, братец ты мой, такое дело... Он оглянулся на дверь избы.— А о чем, хоть словечушко, ну-ка, ну-ка!

— Не слышал, сказано.

— И не надо, господь с тобой. А слышал, так забудь. Спал и все. Ишь, Дробинин-то на хозяйку ревет в избе. Это что про тебя забыла сказать. Я про нее узнал вчера, отчего она полудурка беспамятная. Ее маленькую башкирцы в полон взяли, потом среди степи кинули, а Андрей подобрал. Такую хоть

пытай, хоть ты что — ничего не вспомнит. Вот и ты также, забудь, коли что слышал.

Завтракали молча. Дробинин с треском сокрушал сухари. Коптяков макал свой сухарь в квас и сосал. У Лизаветы глаза заплаканы, но она уже улыбалась своей всегдашней тихой и виноватой улыбкой. После еды Лизавета убрала со стола, но мужики остались сидеть, беседовали. Дробинин, должно быть, выжидал, что гость распрощается и уйдет, а тот тянул время и все старался повернуть разговор на что-то свое. Говорили, что на Руси голод, второй год неурожай, много оттуда беспашпортных прибегает. Говорили, что наши крепости все дальше выдвигаются в Башкирь — за землей, за лесом, за богатыми рудами. Говорили про Кошкина, нижнетагильского приказчика, от которого сбежал Егор.

— Да-а... — пел Коптяков и крутил свою бородадку, — бога не боятся эти приказчики.

— А нешто и у вас на Ляле про Кошкина слышно? — спросил хозяин.

— Все они одинаковы, бога не боятся, — повторил Коптяков. Глаза его лукаво засверкали. — Совести не имеют. Да-а.. А вот одного человечка они боятся.

— Кого это? — Дробинин махнул бровями на гостя.

— Есть такой, надежа крестьянская. Сказать, что ли? Да ты, Андрей, поди, лучше моего знаешь?

— Никого я не знаю, — буркнул Дробинин.

— Ну-у? Зовут его Макаром, а по прозвищу...

— Замолчи!

Дробинин встал, шагнул к гостю.

— Ты, ты чего?.. Ты, Влас, меня просил, чтоб я тебя на поиск взял... Да выдь-ка лучше сюда.

Он вышел из избы. Коптяков мигнул Егору и тоже вышел.

Егор стал собираться в путь. Затинул потуже опояску, нашел под лавкой шапку. Азямчик надел в рукава — хоть и жарко будет, да портки уж очень драные. Спасибо Андрею, добрый мужик — вывел, накормил. А оставаться больше неохота, все тайны, перешепты какие-то. Домой бы поскорее! И зачем сказал лялинскому про Юлу?.. С хозяйкой надо проститься по-хорошему. У нее сухарей, видал, большой мешок насушен.

— Ты никак в путь готов? — прогудел Дробинин. — Вот чего, парень. Мы с Власом сегодня в Башкирь на рудный поиск махнем, так и тебя захватим. Тебе с нами ловчее. Почти к самому Екатеринбург приведем. Ну-ка, хозяйка, собирай нас. Недели на две.

— Андрей, опять уходишь? — тоскливо спросила Лизавета.

— Эй, Лиза! Наша жизнь такая. Рудоискателя, как волка, ноги кормят.

5. ЖЕЛТАЯ РУБАХА

— Сынок, сынок...

— Да ты слушай, мать. Еще заставлял меня красть и в ведомость неверно записывать. Отлучаться со склада никуда не велел, запирали меня, сколько ночей я на кричах спал. Я сам сказал приказчику, что, видно, мне бежать пора. Приказчик заругался. „Собака ты, — кричит, — сквернавец смелотчаянный!..“ и еще по-разному. „Попробуешь бежать, так узнаешь, какие в Старом заводе тайные каморы есть!“ Я не стерпел, тоже его худым словом обозвал. Ну, тогда мне ничего не было — отправляли железо на Уткинскую пристань, некогда было, Кошкин сам на Утку уехал. А потом вернулся. Я стал думать — посмею убежать или не посмею? Думал, думал, да к утру за Фотеевой оказался. В Осокина заводе меня рудоискатели с собой взяли. Они меня дорогой кормили и научили разные камни узнавать. Только руд хороших никаких не нашли. Так и пришел.

— Ты себе, сынок, худо делаешь.

В избе полумрак, окно закрыто ставнем, хотя на улице белый день. При всяком стуке Маремьяна торопится к дверям и долго слушает. Егорушка, чистый и сытый, сидит в углу. Ему совсем не хочется думать об опасности, о том, что завтра будет.

— Корова-то цела?

— Цела, как же! Слава богу. Вот ужо пригонят. Ой, да ведь ты парного не любишь, а утрешнего не осталось.

— Значит, сама опять никакого не ешь. Кому продаешь?

— Ну, как не ем, я всегда сыта. Много ли мне надо. А что лишку — продаю немцам, по грошу за крынку дают. Скоро петровки, а они и в пост брать будут.

Маремьяна открыла зеленый сундук. На Егорушку пахнул знакомый запах красок старой неношенной ткани.

— Вот, сынок, рубашка тебе есть. Глянется?

Развернула ярко-яркожелтую рубаху. Уж и темно в комнате, а по крышке сундучка словно сотню яиц разбили.

— Глянется,— сказал Егор.

— Исподнего наготовила. А это...— Она зубами растягивала узелок на платке.— Это на сапоги. Хотела послать тебе в Тагил; думала, долго еще не увижу.

Слезы покатались градом. Старуха бережно положила платок с неразвязанным узелком в сундучок и водила по лицу маленькой сморщенной ладонью.

— Ой, боюсь я, Егорушка. Строгости здесь надмерные, а пуще всего за самовольство. Генерал теперь новый. Он строг, а его помощники и того лютее. Ссылного одного за побег засекали до смерти. Похоронили за валом, на Шарташской дороге.

— Так я не ссыльный, а школьник.

— Все равно, за ученье служить должен, где прикажут. Что же теперь делать, Егорушка? Ведь обратно пошлют или что того хуже сделают.

— Не знаю. Только завтра я в обербергамт пойду и объявлюсь. Надоело мне прятаться. И врать ничего не буду. Скажу, как есть.

— Пожалуй, с повинной итти всего лучше будет. Первая вина, да неужели не простят! Только не надо в бега. Страшно: беглых, как звери зверей, ищут. Весной, на самой страстной неделе, сбежали из тюрьмы в крепости разбойники. Их на работу вывели, подвал винный рыть у крепостной стены. А они, трое их, бревно из палисада вывернули, цепи с одной ноги сбили, через ров, и в лес кинулись. Сюда, в Мельковку, солдаты прибегали, по дворам шарили, сено у нас кинжалами тыкали. Не поймали. Те, бают, на Горный Щит ушли.

— Что за разбойники?

— Читали потом на базаре указ о поимке. Главный-то у них народный злодей считается. Прозвище ему — Макар Юла.

— Юла?!

— Да. Слышал про него?

— Н-нет. Ничего не слышал.

В ворота крепости Егорушка шагнул, как в тюрьму. Теперь, если самому не объявиться, все равно увидят, узнают, арестуют. Шел по улице, густо и мягко

усыпанной угольным порошком, и боялся поднять глаза. Перед ним шла его длинная утренняя тень.

Мать заставила надеть новую рубаху. Это было всего хуже. Итти в обербергамт таким одуванчиком! Егору хотелось сжаться, стать невидимым, а тут кто и не хочет, так посмотрит, что за щеголь? Но нельзя и обидеть мать. Может, в последний раз видятся.

Город был шумен — за плотиной, на Торговой стороне, кончился базар. Бабы несли корзины золотистых карасей и торопливо поругивались. Степенные кержаки поглаживали на ходу бороду и никому не уступали дороги. Прорысили кыргызы, приросшие к коротконогим лошадам. Вогул в звериной коже уже уныло нес туесок прошлогодней клюквы — видно, никто не купил.

По широкой плотине везли пушку, новенькую — пробовать будет, значит. Слева, внизу, где Исеть скрылась под крышами фабрик и мастерских, — лязг, скрежет, грохот. А справа — спокойный пруд, пахнувший тиной и рыбой. По берегу пруда, в садах — дома берг-начальства. Вот и каменный обербергамт.

Егор поднялся в канцелярию. Первая палата, длинная и светлая, тесно уставлена столами. Копиисты, пищики, канцеляристы, подканцеляристы трещат перьями, стучат кругляшками счетов. „Горные люди“ и просители обступили столы, журчит приглушенный гул разговоров. Над всем плавает вонь чернил, сургуча и горелого свечного сала.

Только несколько ближайших людей оглянулись на яркую рубашку Егора, да и те сразу отвернулись от него, занятые своими делами. Как тут будешь спрашивать, куда обратиться беглому школьнику? Егор потолкался по палате, вышел обратно в сени, — он совсем растерялся.

В сенях трое немцев курили трубки и громко разговаривали. Толстый купчина встал на цыпочки в дверях и делал знаки канцеляристу в дальнем конце палаты.

Немцы дружно расхохотались над чем-то своим, и один из них шагнул в канцелярию.

— Глюкауф! — громко сказал он и, не глядя ни на кого, прошел мимо всех столов в следующую палату.

На знаки купчины вышел в сени старый канцелярист. Они зашептались.

— Ну как, не удастся сегодня доложить?

— Порядок такой, что ни о ком не докладывают. К его превосходительству до полудня прямо идти можно. Да это только так говорится. В той палате сколько народу сидит, дожидается. А они, запершись, сидят с советником Хрущовым. Пока не кончат, никому нельзя. Дальше — вызванных много. Немцы все. Опять же сегодня шихтмейстеров на частные заводы отправляют. Вы уж завтра наведаетесь.

Купчина вздыхал, крикая, и опять шептал совсем на ухо канцеляристу, а тот глядел в пол и разводил руками.

Егор неожиданно для самого себя сорвался с места, пробрался через толкучку первой палаты и оказался во второй, поменьше. Здесь вдоль стен сидели горные чиновники в париках, в мундирах. Они развалились на стульях, в позах терпеливого ожидания. Прямо — большая закрытая дверь с блестящей медной ручкой. Не замедляя шага, Егор подошел к двери, взялся за ручку, потянул — дверь открылась.

Худое, обтянутое желтой кожей лицо, с калмыцкими глазами, с жестокими тонкими губами в рамке большого парика, — только и видел Егор перед собой. Остальное расплывалось в тумане. Он стоял перед главным командиром уральских и сибирских горных заводов Василием Никитичем Татищевым.

— Кто таков? — быстро и невнятно спросил Татищев.

Словно со стороны услышал Егор свой ответ:

— Егор Сунгуров, арифметический ученик.

— Ну?

— Ваше превосходительство... я... беглый...

— Будешь бит, — быстро сказал Татищев, и тут удивление и гнев немного раскрыли его глаза. — Почему ко мне? А? В полицию. К Арефьеву. Марш!

Егор пошатнулся и окаменевшими ногами сделал три шага к дверям.

— Какого завода? — слышалось ему вдогонку.

— Нижнетагильского, ваше...

— Врешь. Как, с Демидова завода? Стой. Ты же казенную школу кончил?

— Да, здешнюю.

— Почему попал на демидовские заводы?

— Я не знаю... Назначили.

— Из обербергамта? При генерале Геннине?

— Да.

— Кто был учителем в школе?

— В словесной господин Ярцов, а в арифметической поручик Каркадинов.

— Ярцов?.. Иди-ка сюда.

Три шага обратно.

— Вот тебе задача: девять возведи в зензус, а потом в кубус.

— Зензус будет восемьдесят один.

— Так, а кубус?

Егор пошевелил губами: „единожды девять девять...“

— Кубус девяти — семьсот двадцать девять.

— Изрядно. Мультипликацию знаешь. А что есть радикас?

Пухлый учебник Леонтия Магницкого всплыл в памяти школьника. Он мысленно перелистал страницы, увидел на левом развороте начало главы о радикасах и с честью ответил.

— Ладно. Посмотрим, можешь ли слагательно писать. Бери перо. Это. Сядь вон там. Изложи прощением, — как попал к Демидовым, что делал, почему бежал. Четыре минуты.

И без промедления Татищев обратился к третьему бывшему в комнате человеку:

— Так ты полагаешь, Андрей Федорович, что колыванские заводы...

Егор кончил писать, покосился на Татищева. Тот продолжал разговор. На столе перед ним стояли часы. Егор положил перо на подоконник, посмотрел в широкое окно и удивился — почему лес видно? Посмотрел еще. Вот так перемены! Западной крепостной стены не было. Там, где взгляд всегда упирался в высокий вал с палисадом, с полубастионом над воротами — было гладкое расчищенное место. Далеко видны лесистые холмы, и меж ними дорога на Верхнюю плотину. Копшатся сотни рабочих, роют канавы, возят камни, тешут бревна...

— Дай сюда.

Егор подал исписанную бумажку. Главный командир заводов только раз взглянул на нее, словно одним взглядом все прочитал. Отложил в сторону.

— Так. „Близко году...“ Значит, книжные шалости демидовские внятно узнал. А обербергамта больше нет. Понял?.. Есть главное заводов правление. Иди, позови Ярцова и сам с ним вернись.

Егор не решился спросить, где ему искать Ярцова. „В канцелярии спрошу“. Но первый, кого он увидел в ожидальне, был его учитель.

— Сергей Иваныч, вас... — Егор пока-

зал на дверь кабинета.—Идите сюда.

Берг-офицеры с изумлением смотрели на парня в яркожелтой рубашке, который выполнял обязанности секретаря его превосходительства.

— Инструкцию получил?— встретил Татищев Ярцова.— Нет? Возьми там. Ты назначаешься шихтмейстером на заводы Демидова — Шайтанский и новый Баранчинский, и на Билимбаевский Строганова. Жить будешь на Шайтанском. Главная твоя должность — иметь надзор, чтоб в книги правдивая запись была. Чтоб с выплавленного чугуна десятина в казну исправно поступала. Это раз. Второе — чтоб лес не губили задаром. Остальное все в инструкции най-

дешь: чтоб беглым приюту не было. Если раскольники-пустоверы в приписных числятся, так платили бы за них двойной подушный оклад. А письмо умеющим тебе в помощь — вот, Егор Сунгуров. Не взыщи, какого сам выучил. Твой ученик?

— Мой, ваше превосходительство. До правила субстракции в словесной школе обучался.

— Ну, он потом у Каркадинова был. Ничего, годится. Забирай его с собой.

— Когда прикажете выехать из Екатеринбурга?

— Завтра же. А только вот что: нет Екатеринбурга... Не понимаешь? Зачем немецкие звания? Есть Катеринск.

(Продолжение следует)

Егорушка перед Татищевым

Последний сплав

Историко-революционный рассказ М. Зуева-Ордынца

1. МОГИЛЬНАЯ И ЗАРЕЧЬЕ

Запоздавшая весна пришла быстро и шумно, как приходит гость, которого задержали дома перед уходом. Теплый за ребтовый ветер, дышавший весенней лаской, ударил влажными крыльями в лицо Матвея, и старик сказал раздумчиво:

— Зима шибко спесивая была. Зато, смотри-ко, весна какая дружная!

Капралов не ответил, глубже надвинул на лоб ватный с меховым околышем картуз. А Матвей вздохнул и вдруг взмахнул рукой, захватив в широкий жест и бесконечный размет лесов, и изгибы Чусовой, и прибрежные горы:

— Краса-то какая, а! Эх, зачусовская наша сторонка, раздолье вольное! Погляди-ко отсюда, душа радуется!

Чугунный бас Матвея дрожал скрытой лаской. Таимое это волнение дошло и до Капралова, он поднял голову, увидел простор горных лесов, прихотливые извивы Чусовой, облака, лебедями уплывающие вдаль, но снова ничего не ответил, встал и посмотрел внимательно, будто впервые, на памятник, у подножья которого они сидели.

Тяжко давил землю массивный постамент, а на нем, раскинув могучие лапы, лежал громадный якорь, опутанный толстейшими, в руку, цепями. Постамент опоясывала затейливая славянская вязь:

„Его Императорское Высочество, государь Цесаревич, Наследник Всероссийского престола, Великий князь Александр Николаевич, удостоил своими руками носить сей якорь в якорной мастерской при посещении своем Шавдинского завода, мая 1837 года“.

— Удостоил. Своими руками носить!— заговорил неожиданно и раздраженно Капралов.— Батька мой видел, как он, это самое, удостоил! Рабочие волокля, а он изволил одним пальчиком в белой перчаточке прикоснуться. Вот тебе— своими руками носил. И всюду у них, у чертей, обман!

Капралов помолчал и вдруг закричал сварливо:

— А я вот носил! Своими руками. Тоже удостоил! Целое торжество было. Сначала молебен, а потом мы, литейщики, поволокли его сюда, на Думную гору. На своих горбах волокля! Начальство так приказало. Для большей торжественности. Им торжество, а у нас кишки через глотку полезли. В ем, в якорьке-то, триста пудов с хвостиком! Я через него до гроба грыжу нажил, калекой стал. Это уж при последнем из них было, при Николае. При нем же в девятьсот седьмом году последние караваны по Чусовой прошли,— вспомнил Матвей.

Капралов стянул к переносью густые меховые брови:

— Ты все о своей Чусовой? Надоел ты мне, лосман!

Литейщик поднялся на постамент памятника и, прислонившись к якорю, посмотрел вниз. Лес, прибрежные горы, тишина. А меж горами горит электрическими огнями завод, заревом доменных печей бросается в потемневшие вечерние облака.

Речка Безымянка, что пала в Чусовую, и заводской пруд делили завод на две части. По левому берегу Безымянки, у подножья Думной горы, разметались недружно избы рабочей слободки Могильной. Все знают, что прозвана она так по заводскому кладбищу, прильнувшему к крайним избам слободы. Но никому неизвестно, почему обитателей Могильной, заводских рабочих и рудничных шахтеров, издавна кличут „гамаюнами“. Какими путями залетела в эти раскосые бревенчатые улицы вещая птица, кто и когда именем¹ ее окрестил голодных, нищих и безвестных обитателей Могильной слободки? Не персидские ли тучнобородые и жирнощечкие купцы, издревле плывшие вверх по Волге и Каме за уральским чугуном и железом, прозвали так, в издевку, поротых, битых, закандаленных

¹ Гамаюн — вещая птица персидской мифологии, символ славы и богатства.

„кузюков“?¹ Возможно, что так оно и было!

А правый берег, высокий и сухой, захватило Заречье—где дома служащих, главная контора, где церковь, полицейский участок, казенка, почта, частная аптека и облупленные колонны гостиного двора.

С времен петровских и екатерининских, со дней строгановских и демидовских враждовали между собой Заречье и Могильная. Но была эта лютая вражда глухую и затаенную. Лишь в день крещения на льду пруда в костоломной кулачной „стенке“ выплескивались наружу обоюдные злорадия и ненависть, презрение и страх. И били тогда нещадно—и под ребра, и под душу, и в челюсть.

Так жили Могильная и Заречье, близкие и далекие одновременно, ибо разделяли их не только хилая Безымянка и пересыхающий заводский пруд, но и ненависть глубокая, неуемная, как море.

А завод, его цеха и печи, легли между слободой и Заречьем тотчас за плотиной пруда, на скате ущелистого оврага, в котором ломали на флюсы белый сахаристый кварц. Еще дальше, в широкой долине, вгрызся в земляную утробу штреками, квершлагами и гезенками рудник Неожиданный. Отсюда руда по заводской железнодорожной ветке шла в домны. Ветка эта соединяла не только рудник с заводом: перекинувшись мостом через Безымянку, обходя брезгливо Могильную, она выходила у разъезда на магистраль, стальными нитками рельсов связывая завод и с красной РСФСР и с белой Сибирью.

...Старый литейщик смотрел пристально вниз, на завод. Могильная была тиха и безлюдна. На кривых загогулинах ее улиц, освещенных редкими фонарями, лишь вякнет недужно дряхлый пес или стукнет калитка под неосторожной рукой. Заречье тоже притихло, лишь трескотня сторожевой колотушки долетала оттуда. Но Капралов не верил этой обманной тишине и безлюдью.

— Притаились. Ждут,— сказал он, ни к кому не обращаясь.

Тогда Матвей тоже встал, распрямив длинную волчью спину, расставив короткие ноги, и тоже поднялся на памятник. Одет он был в домотканый сермяжный армяк, на ногах — незашнурован-

ные, с загнутыми носами австрийские ботинки, а на голове торчала нелепо сине-голубая студенческая фуражка. Лоцман сел на изгиб широкой якорной лапы и сказал горько:

— По десять, а то и все двенадцать тысяч пудов, бывало, на каждую коломенку грузили. Это как по-твоему, а? А в караване по полтысячи и более барок плыло. Если шибко грамотный, сосчитай, насколько это потянет! Одних бурлаков тысяч двадцать—тридцать на сплаве кормилось. Да-а, все было и все в Каму сплыло!

У подошвы Думной, на заводской ветке взвизгнул пронзительно паровоз. И Матвей сорвал с головы студенческую фуражку, ударил ее пропаще о землю, закричал отчаянно:

— А теперь конец тебе, лосман! И тебе и Чусовой конец! Сожрала вас чунгуна проклятая!

— Не шаперься, лосман,— скучно сказал Капралов.— Надоел, говорю, ты всем со своей Чусовой. Прошло ваше время!

— „Не шаперься... Лосман!“— передразнивал насмешливо Матвей.— Ан, буду шапериться! Слушай-ко.

Матвей протянул руку куда-то в темноту, и, словно повинувшись его приказанию, из темноты прилетели чавканье и тарарабы топоров.

— Слышишь? Коломенку в поход ладят. Станки заводские сплавлять будем. До Перми. От Колчака спасаемся. Вагонов, поди-ко, нехватило! Последний, чай, сплав будет на моем веку.

— Далеконько собрался, лосман!— сказал недобро Капралов.

— Далекое? Нищему деревня не крюк,— серьезно ответил Матвей.— Я ведь не даром. Большевички пять пудов ржи посулили, картуз вот дали и ботинки жиганские.

Он пошевелил загнутым носком ботинка и добавил:

— Но коли сапог не выдадут, не соглашусь барку вести! Вот те крест!

— Ты что же, за сапоги революции служишь?— спросил спокойно Капралов, а Матвей, не видя, знал, что густые брови литейщика стянулись к переносью.— Видали вы таких стервецов? Рабочий за новую жизнь борется, а он... А он с сапогами тут вертится! Ты что же, и для Колчака барку поведешь, ежели он тебя сапогами пожалует?

— А чего не вести? Кто накормит, на того и работать буду.

¹ „Кузюк“ — старое уральское прозвище рабочих (крепостных) казенных заводов.

— А если тебе винтовку в руки дадут, кого стрелить будешь? Чего головой трясешь? Ни в тех, ни в сех отсидеться думаешь? Или...

Горячий выкрик литейщика оборвался. В Заречье бухнул вдруг колокол, спугнув вечернюю тишину, и заколотился лихорадочной дрожью набата. А затем взмыла крутая вспышка заводского гудка.

— Тревога!.. Айда, лосман. Бежим!..

Капралов по-молодому прыгнул с памятника на землю и побежал под гору, туда, где завод, как филин, смотрел горящими глазами окон.

А Матвей нашарил, не спеша, валяющуюся под ногами студенческую фуражку, с трудом напялил ее на голову и тоже начал спускаться с Думной. Но шел он не к заводу, исходившему тревожными гудками, а к Чусовой, бывшей в тесные берега по-весеннему крутой и звонкой волной.

2. СЕКРЕТНЫЙ ЭШЕЛОН

Удар был неожидан и свиреп.

Белые ударили от железной дороги, нацелившись на Могильную. На темно-зеленых английских шинелях колчаковцев были нашиты восьмиугольные раскольничьи кресты. Колчаковское командование знало, что среди шавдинцев много раскольников разных толков: часовенные, поморцы, липаки. Но „гамаюны“ выбрали эти кресты прицелом для своих ружей. И только после упорного боя малообученные „гамаюны“ оставили самодельные окопы и отступили в горы. В слободку они не вернулись, и в горах стало больше одним партизанским отрядом.

А Заречье весело готовилось к встрече долгожданных гостей. Зареченский поп, молодой смешливый отец Анисим, готовил крестный ход; владелец зареченской аптеки, господин Лейзе; готовился поднести победителям букет искусственных шелковых роз; зареченские дамы спешно утюжили бальные платья.

Торжественная встреча была отложена на три дня, когда фронт отодвинулся от Шавды на десятки километров, а на завод прибыл штаб бригады. Командир бригады, генерал-майор с царскими свитскими аксельбантами, проследовал в автомобиле прямо в Заречье, не остановившись в слободке. Он приложился к кресту и подошел под благословение отца Анисима. Затем принял букет шел-

ковых роз от мадам Лейзе и приложился к ее ручке. Вместе с генералом, в одном с ним автомобиле, вернулся на завод бежавший от красных бывший директор завода мосье Лялайг.

Первым приказом генерала было — арестовать семьи рабочих и шахтеров, ушедших в горы, в партизаны. Сотню стариков, старух, детей заперли в бывшем полицейском участке. Партизаны ответили на это лихим налетом на Заречье. Целые сутки развевалось на зареченских заставах партизанское знамя — длинный шест с красным лоскутом.

Генерал решил проучить взбунтовавшихся „гамаюнов“. В окрестные леса и в горы была послана карательная экспедиция.

Каратели находили в горах шалаши, теплую еще золу костров, лесное безмолвие. Но партизан не встречали. И вдруг прокатывался длинный выстрел берданки или шомполки и падал в смертельной потяготе солдат, украшенный восьмиконечным крестом. И снова — безмолвие.

Пока каратели ползали по горам, „гамаюны“ произвели второй налет — на железнодорожный разъезд, где заводская ветка соединялась с магистралью. На разъезде стояли десять товарных вагонов с новенькими пломбами и с надписью: „Секретно“. Они пришли из глубокого тыла и ждали отправки на фронт. Отбить секретный эшелон партизанам не удалось; они отступили, унося своих раненых. Но перепуганный комбриг приказал передать эшелон на заводскую ветку. Вагоны были передвинуты через мост в Заречье и поставлены в безопасном месте — между казенкой и церковью.

Партизаны, догадывавшиеся о грузе секретного эшелона, поняли, что эта добыча ускользнула из их рук.

3. ВЗРЫВ

Шествие открывал гостеприимный хозяин — директор завода мосье Лялайг, веселый и галантный старичок, на ходу приплясывающий и припевающий, за что заводские рабочие прозвали его „тетей Лялей“.

За мосье Лялайгом двигался бригадный генерал, окруженный свитой из офицеров. В свите, среди безотрадно серых русских шинелей, нежно голубели французы в шинелях небесного цвета. За военными выступали дружной стайкой

„лучшие люди“ Заречья: отец Анисим с попадшей, господин Лейзе с женой, гостинодворские купцы с семьями.

— Сюда, мосье и мадам!— расшаркивался и пританцовывал „тетя Ляля“.— Вот наше маленькое хозяйство, вырванное из рук захватчиков и грабителей нашими доблестными защитниками!

„Маленькое хозяйство“—огромные, выстроившиеся в ряд цеха с новенькими заграничными станками, гигантские склады для угля, руды, готового литья, мартены и грациозно приподнявшиеся на чугунных лапах домны—произвело на всех гнетущее, тяжелое впечатление. Здесь, как в заколдованной сказочной стране, была кладбищенская тишина, было мертво и безлюдно.

— Простите, мосье Лялайг, но почему здесь такое... такая тишина?— очень правильно по-русски спросил один из французов, с пятью золотыми нашивками полковника на рукаве.— Почему завод стоит? Где рабочие?

— В горах!— тихо и скорбно ответил приунывший директор.— В партизанах.

После этих горьких слов общее настроение заметно упало и вновь поднялось лишь в „стегальне“, хотя ничего особенного здесь не было—обычная, правда, очень старая изба, широкий двор, на дворе невысокий столб. И „тетя Ляля“ объяснил, что к этому столбу когда-то привязывали беглых или провинившихся „гамаюнов“ и стегали кнутом. Отсюда и название— „стегальня“.

— Это замечательно!—восхитился генерал и кинул адъютанту:— Запишите, поручик. Этот добрый старый обычай надо воскресить!

Поручик, восторженный и суетливый юноша, с румянцем на щеках, старательно записал: „Возобновить стегальню“.

У поручика было богатое воображение, и он, глядя на стегальный столб, живо себе представил: тонко, по-зменному свистит ременный кнут и тугим, раскаленным обручем обвивает обнаженную поясницу со следами незаживших еще рубцов. Хохотнул лукаво и перевел веселый, восторженный взгляд на горы, сжавшие завод. Внимание привлекла гора оригинальной формы, с памятником—якорем на вершине.

— Как называется эта гора?— обернулся поручик к „лучшим людям“.

— Это Думная, господин офицер,— ответил отец Анисим, считавший себя краеведом.— А названа так потому, что

древние насельники края—чудь, собирали на ней свои вече, думные сходбища.

— Неправда!—сказал кто-то непочтительно.— Думной она названа по причине бывшего на ней сходбища для соглашения между собою взбунтовавшихся рабочих нашего завода.

Все оглянулись и удивились, что это маленький невзрачный старик в надвинутом на лоб ватном картузе.

— Ну, и как?—спросил с ехидцей отец Анисим.— Удачный был бунт?

— Нет! Начальство заводское и поп заманили всех рабочих в церковь на молебен, а при выходе из церкви перехватили коноводов и сослали в Сибирь, на каторгу. Потому не удался бунт! Не добились рабочие своих прав!

Отец Анисим прикусил раздраженно губу. Поручик потер растерянно румяный, как яблоко, подбородок. Не растерялся только генерал:

— Ты кто такой? Большевик?

— Рабочий здешний,—ответил мирно старичок.— Семен Капралов, литейщик.

— Записать!—шепнул генерал поручику.

Восторженный поручик записал поспешно в блок-нот:

„Рабочий Семен Капралов. Тайный большевик“.

Прочитал предыдущую надпись и подумал восторженно: повидимому, этого самого Капралова на этой самой стегальне первого и отлупцуют.

— А теперь, дорогие гости и защитники,—поспешил замять общую неловкость „тетя Ляля“,— нам осталось осмотреть только рудник, и—обедать!

Чтобы попасть на рудник Неожиданный, пришлось вернуться к железнодорожной ветке. Когда шли вдоль полотна, увидели десять вагонов с новенькими пломбами и надписями: „Секретно. Огнеопасно“. Сценщик, подняв тяжелую петлю стяжки, прицеплял к вагонам паровоз. Мощный декапод храпел, как застоявшийся конь, сдерживаемый толстым кучером.

Генерал хлопнул ладонью по стенке вагона.

— Прямым сообщением на фронт! Пасхальный подарок красным! И, как всякий подарок, держится в секрете.

Восторженный поручик захохотал первым. Остальные поддержали его дружно и весело.

...Мосье Лялайг решил показать гостям самое интересное—проходку новой шахты. Он подвел их к черному жерлу

шахтного ствола, а сам встал на отвал пустой породы, поднятой из шахты, вытянул руки, прося внимания, но земля вдруг тяжело охнула, содрогаясь. „Тютю Лялю“ швырнуло вниз, и он съехал с отвала к ногам попятившегося оторопело генерала.

В наступившей свинцовой тишине все услышали: на ветке кричит испуганно и громко паровоз. А потом закричал истерично господин Лейзе:

— Это взорвался мост через Безыменку! Видите — дым, и эшелон стоит!

— Поручик, немедленно узнать и доложить! — приказал отрывисто генерал. Поручик побежал вприпрыжку по шпалам в сторону Заречья. Вернулся он через полчаса, верхом, и доложил:

— Мост через Безыменку взорван! Секретный эшелон невредим, но остался по эту сторону реки! Задержано пять человек. Их ведут сюда!

Задержанных привели. Один крепко и часто вытирал ладонью глаза, залитые кровью из раны на лбу; перебитая рука второго висела плетью; третий был почему-то в одном лишь грязном и закоптевшем белье (от взрыва загорелась его одежда, и он сам сорвал с себя пылающие лохмотья); четвертый прихрамывал и морщился, держа за бок; пятый был здоров, весел и дерзко разглядывал генерала круглыми, чуть на выкате глазами:

— Бунтовать?.. Взрывы устраивать? — подбежал генерал к арестованным. — Кто?.. Кто такие? Откуда?

— Крепильщик, — сказал человек с глазами, залитыми кровью.

— Бурильщик, — сказал тот, что в одном белье.

— Известно кто, шахтеры! — крикнул здоровый, веселый и озорной. — Шахтеры, отсюда, с Неожиданного!

— Шахтеры? — пошел на него генерал, расстегивая револьверный кобур. — Шахтеры, говоришь?

Веселый шахтер попятился и встал на краю шахтного ствола. Внезапно похолодевшей спиной, дрогнувшими ногами почувствовал сзади себя бездну, пропасть. А по лицу генерала, как мимолетный взблеск, пролетела судорога ярости, и он надвинулся на шахтера вплотную.

— Шахтер, говоришь? — спросил для чего-то еще раз и тихо и тяжело уронил набухшие злобой слова. — Прыгай в шахту, если шахтер!

Шахтер понял, озорные его глаза погрустили, но он не шевельнулся.

— Прыгай! Сейчас же! — гаркнул взбешенный генерал, поднимая на него револьвер.

— Ладно, — тихо ответил тот, — сейчас прыгну.

Он глубоко вздохнул и повел вокруг снова дерзкими глазами. Большое рыжее солнце падало за горы. Плавилась медные стволы сосен на их вершинах. Над Заречьем летали, играя крыльями, белые и синие голуби (попович гоняет). На взгорьях глухо брякали боталами пасущиеся лошади. Шахтер вздохнул еще раз глубоко и медленно, цедя сквозь зубы сладкие запахи весны и, подпрыгнув смешно, по-детски, исчез в черном отверстии шахты.

Женщины истерично вскрикнули. Маленький и пухлый рот поручика округлился, стал рыбьим. А генерал, переvedя револьвер на второго шахтера, раздетого, вновь крикнул:

— Прыгай!.. Прыгай, св...

Но тот в свою очередь крикнул свирепо:

— Прыгну... Только блендочку давай! Без блендочки не согласен!

— Какую блендочку? — растерялся генерал.

— Лампу, лампу шахтерскую просит, — шепнул ему Лялайг.

Генерал поглядел удивленно на директора, испуганно на шахтера, отмахнулся и пошел прочь, безнадежно, старчески сгорбив спину...

Остальные четверо были повешены около церкви на нагих еще, черневших грачиными гнездами березах. Порывистый ветер с Чусовой раскачивал удавленников, и перепуганные грачи носились с карканьем над березами, над церковью, над Заречьем. От их злоевого карканья зябко, пугливо ежились зареченские обыватели в теплых своих, толстостенных домах.

...Капралов встретил Матвея около церкви. Лоцман стоял, привалясь спиной к белой, как сахар, березке, и, казалось, внимательно прислушивался к мрачному, встревоженному карканью грачей. Злой ветер с Чусовой раскачивал повешенных и трепал, закидывая за плечо могучую седую бороду лоцмана. Литейщик посмотрел внимательно на Матвея и удивился: в глазах лоцмана стеклом стояли слезы. Матвей, заметив Капралова, краем бороды вытер глаза и крикнул:

— Ну и ветрище! Как из трубы, дует. Из глаз слезу вышибает...

— О ветре после поговорим!— обрвал его сурово Капралов и показал на повешенных.— Это как понимаешь?

— Эх, грачи-то разорались,— будто не слышал Капралова лоцман.— Вот нечисть!

— О грачах кому другому рассказывай!— прикрикнул литейщик и снова показал на повешенных.— Значит, что Василий или вот Сеня, покойнички, что „тетя Ляля“ или генерал,— для тебя одно и то же. Так, что ли?

— А иди ты к нечистому, старый пес!— заорал злобно лоцман.— Чего липнешь, чего по пятам бродишь? Отвяжись, не то солдата крикну!

Лоцман плюнул под ноги Капралову и зашагал к поселку. Литейщик долго следил за высокой, плечистой фигурой лоцмана. И вдруг вздрогнул, стиснул кулаки.

Матвей поднялся на крыльцо главной конторы.

4. «СОВЕТ НА ФИЛЯХ»

Дом главной конторы, занятый под штаб бригады, стал страшен и недоступен. В комнаты никого не пускали, зловеще выли там зуммеры полевых телефонов и сидели затынутые сигарным дымом угрюмые, озабоченные офицеры. Не только „гамаюны“,— зареченцы тоже обходили этот старинный стильный дом с портиком, украшенным колоннами.

Но сегодня двери главной конторы принимали гостей одного за другим. Уверенно поднялся по знакомым ступеням мосье Лялайг, со смиренным достоинством прошествовал отец Анисим, пробежал торопливо господин Лейзе, по-двое — по-трое проходили купцы и бывшие чиновники. Их приглашали на второй этаж, в огромный двухсветный зал, усаживали за огромный, покрытый зеленым сукном круглый стол. Со стен зала смотрели на „лучших людей“ грудастая Екатерина, плосколицый курносый Павел, длинноногий Александр I и, в траурной раме, румяный рыжебородый Николай II.

„Во главе“ стола сел генерал, по левую его руку — „тетя Ляля“, по правую — французский полковник в черном кителе и широких красных бриджах с черными лампасами. За креслом генерала встал восторженный адъютант. Отец Анисим и господин Лейзе, оба коротень-

кие, сытенькие, смешливые, сели рядом. И когда адъютант разложил на столе перед генералом огромную, как скатерть, аккуратно склеенную карту-трехверстку, Лейзе шепнул отцу Анисиму:

— Прямо-таки... совет на Филях!

— Только не против французов, а с французами!— тоже шопотом ответил поп, и оба фыркнули так, что все остальные участники совещания посмотрели на них удивленно и укоризненно.

Генерал откусил щипчиками кончик сигары, закурил и спичкой начал вымерять расстояния на лежавшей перед ним карте. Двое суток глядит он на эту проклятую карту, и двое суток она отвечает ему одно и то же: секретный эшелон, который штаб корпуса требует немедленно продвинуть к фронту, попал в ловушку.

Мост через Безыменку восстановить в короткий срок невозможно: береговые скалы круты, обрывисты, высоки. Как же перебросить эшелоны на магистраль, к развезду? Генерал придумал было неплохое средство. Со стороны магистрали, к взорванному мосту паровоз подал десять пустых вагонов. Из Могильной выгнали всех, от мала до стара, для ручной перегрузки секретного эшелона. Но люди без толку простояли у взорванного моста весь день и всю ночь. Через Безыменку, вздувшуюся от таяния снегов в горах, не было ходу ни в брод, ни на лодках. Обычно смиренная, сейчас она бешено ревела и несла на своих пенных волнах где-то снесенные деревянные мосты, сорванные плетни, смытые будки, бани, целые сараи... Ручная перегрузка не удалась. Оставалось одно — Чусовая, сплав. И баржа имеется — была заготовлена красными для эвакуации заводского оборудования. Но кто возьмется провести ее по коварной Чусовой до линии фронта?

Генерал отложил в сторону сигару и, поднявшись, изложил перед собравшимися свои затруднения. Но говорил он бодро, энергично, бодростью слов и тона стараясь заглушить наползающие сомнения и опасения.

— Вы — лучшие люди России! Вам мы доверяем вполне!— закончил свою речь генерал.— Советуйте! Помогайте!

Затем поднялся французский полковник и на чистейшем русском языке сообщил, что на данном направлении войска верховного правителя Колчака вступили в район французских концессий.

Кроме Шавдинского завода, здесь расположены: Анонимное общество золотых приисков, платинопромышленная компания, Камское акционерное общество, золотые прииски Шарля Бруар и т. д., и т. д. Поэтому данным участком фронта особенно интересуются генерал Жанен¹, поэтому и он, полковник Пишон², присутствует здесь. И он должен, к сожалению, предупредить тех, кого это касается, что если через два дня секретный эшелон не будет переброшен на фронт, то генералу Жанену будет сообщено, что...

Полковник не кончил и обвел присутствующих недобрым взглядом. Его глухие, без блеска глаза давили, и все, а особенно генерал, почувствовали себя глубоко виноватыми и перед полковником Пишоном и перед генералом Жаненом.

Первым нарушил тяжелое, гнетущее молчание отец Анисим:

— Позвольте мне высказаться, ваше превосходительство, как местному аборигену, знающему край... Конечно, не боги горшки обжигают, но провести груженную барку по Чусовой — дело сугубо трудное. Во-первых, — бойцы, береговые утесы. Ну, там, Востряк или Сосун, или Омутной, например. Если ударит о них барку, — вдребезги! Во-вторых, изволите ли видеть, подводные камни, по-местному говоря, — „таши“. Эти, фигурально выражаясь, подводные резак, враз барже брюхо распорют! Опытный глаз нужен, чтобы „таш“ под водой заметить. Только зыбь малая, да воды кружение его обличают. А кроме того, пороги, или, по-местному говорится, переборы. Для примера возьмем Коноваловский, Ревень или Носиху. На них скорость течения верст двадцать — тридцать в час. Прямо-таки водопад! В миг барку опружит, перевернет. Вот теперь вы знаете, господа, какова наша Чусовая! — с гордостью закончил отец Анисим.

— Спасибо, батюшка, утешили! — взорвался бешено генерал. — Плел-плел, слушать тошно! Значит, сплав по Чусовой невозможен? Так, выходит?

— Опытный лоцман нужен, — робко пролепетал отец Анисим.

Но в этот момент наклонившийся к уху генерала адъютант шепнул что-то,

¹ Жанен — глава французской военной миссии при Колчаке.

² Пишон — французский военный агент при Колчаке.

и генерал, просияв внезапно, крикнул обрадованно:

— Зови, зови немедленно! Вот кстати, чорт поберит!

Глаза сидевших за круглым столом с удивлением уставились на вошедшего в зал огромного плечистого старика в седых кудрях, с пышной, тоже кудрявой седой бородой и почему-то со студенческой фуражкой в руках. Он согнул в поклоне широкую, как печка, спину и громыхнул басом:

— Мир господам почтенным!

— Ну и голосок у тебя, только рыбу глушить! — засмеялся приподнявшийся генерал. — Как фамилия-то твоя, старик?

— По имени Матвей, а по фамилии будем Майоровы.

— Благородная фамилия, военная! — снова засмеялся генерал.

— У них, ваше превосходительство, вся свобода такие фамилии носит, — вмешался почтительно Лейзе. Майоровы да Генераловы, Капраловы да Полковниковы. Предки их были произведены в эти чины Пугачевым, которому они сдали завод без боя и даже пушки для него отливали.

Генерал посмотрел на старика и, помрачнев, подумал, что ему весьма подошла бы пугачевская опояска — белое с красными концами полотенце через плечо.

— Ты что, никак раскольник? — спросил строго отец Анисим, заметив, что седые кудри старика подстрижены в кружок — „под горшок“.

— Так, милостивец, старой веры держусь! — поклонился попу Матвей.

А генерал снова просиял, вспомнив раскольничьи кресты на шинелях своих солдат, и снова приветливо спросил:

— Ну, что хорошего скажешь, милый?

— С просьбишкой к тебе, ваше благородие, или как тебя называть, не знаем. Хомута на шею ищем, работенки, значит. Узнал я, что ваша железная дорога не ходит, потому как краснопузики мост через Безыменку попортили. Вот и прошу я, разрешите ваш груз на барке по Чусовой доставить. В последний раз сплавил бы барочку. Больше-то, видно, не придется!

— А почему тебя, Майоров, интересуем наш груз? — слегка, вскользь спросил полковник Пишон.

— Я с тобой, ваше французское благородие, буду, как говорится, душа на распахку, сердце на ладоньке. На

чистоту!—ответил лоцман искренне, но скопил опасливо на француза медвежьими глазами.—Бедность одолела, барин милый, заработать хочется. Видишь, я какой, как турецкий святой, сам в лу-же, а пуп наруже!

Матвей распахнул сермяжный армяк и показал голое, грязное брюхо. Все захохотали.

— А сколько вы хотите за свои труды, Майоров?—спросил деловито Лейзе.

— Лишнего не попрошу,—заторопился ответом Матвей и начал загибать пальцы на руке.—Перво-наперво—муки крупчатки „два ноля“, красного клейма, ну... десять пудов. Затем, старухе на сарафаны ситцу, тоже аршин десяток. Мне на портки холста аршин пять. Кроме того, господа милостивые, у меня зимнего обряда нет...

— А не много ли запрашиваешь, Матвей?—спросил в шутку отец Анисим.

— А ты не суйся не в свое дело, поп!—обозлился лоцман.—Барки по Чусовой водить—не кадилом махать! Сам знаешь, чай, Чусовую. Бедушная река, похоронная! Не даром пословица сложена: „На Чусовой простишься с родней“. А трудов-то сколько! С наблюдательной скамейки не сойдешь, не присядешь. Бурлаки кашу расхлебать не успевают, куском хлеба живут. Легко ли, батя? Потому и прошу еще одежду мне, полушубок овчинный, шапку теплую и обувь тоже. Только мне жиганских ботинок не надо!—поднял он ногу в ботинке с загнутым носком.—Мне сапоги-полуваля подавай! А еще...

Матвей вдруг лукаво сощурился и блудливо шмыгнул носом:

— Чаю я не пью, табаку не курю, одно у меня удовольствие—водочка! Прошу еще водочки полведра, чтобы ходил я целую неделю веселыми ногами. Вот и все! Коли согласны, господа милостивые, прикажу старухе, чтобы затирала подорожники. Завтра утречком и тронулись бы, со господом. Ишь, буйствует весна, дружно идет! Еще денек—два, и конец паводку. Обмелеет Чусовая!

Генерал молчал за время всего разговора, изучая пытливо лоцмана. Забывая, нагоревшая сигара струила голубые ленты легкого душистого дыма. Генерал спохватился, сунул сигару в рот и ударил крепко ладонью по столу:

— Ладно! Я согласен! Но вот тебе, старик, и наше условие!..

— Кончается благополучно наш совет на Филях,—шепнул Лейзе отцу Анисиму.—Не забудьте, ваше преподобие, отсюда прямо ко мне. Заложим по маленькой, и в проферансик.

Всю ночь не спало Заречье.

Солдаты руками подавали вагон за вагоном к пристани. А там, под мокрым снегом и ветром, шла возня, слышался приглушенный говор, слова команды. Снимали с вагонов пломбы, откатывали двери, волокли на пристань какие-то ящики.

5. ОТЧАЛ БАРЖИ

Утром прошел первый теплый дождь, и пристань пропиталась тихими, мирными запахами древесной плесени и водяной свежести. Так пахнут старенькие купальни где-нибудь на даче. И мирные эти запахи успокоили восторженного поручика, измученного недобрыми предчувствиями. Его, с полувзводом солдат, генерал отправил конвоировать барку. Это и было генеральское „наше условие“.

Солнце еще не вставало, а пристанский берег был усыпан народом. Вся Могильная, непонятным образом перебравшаяся через Безыменку, пришла на проводы баржи. Даже ребятишки облепили человечьей икрой прибрежные кусты и скалы.

Чусовая, злая и взъерошенная, играла в лучах зари синими и малиновыми струями. И без того вздувшаяся вешними водами, река совсем освирепела от прошедшего дождя, крутила ошалело водоворотами и выбрасывалась на берег злою, рассыпающейся в пену волной. По стержню реки неслись оторвавшиеся лодки, мостовые брусья, бревна. Вот водоворот завертел неохватный мостовой брус, с сосущим свистом втянул его под воду и выбросил снова на поверхность так, что брус вылетел стоймя, словно кто ударил по нему снизу.

Поручик покачал головой и посмотрел пугливо на барку.

У края пристани, в затоне пришвартованная стальными канатами, стояла коломенка, огромная баржа из „коломенных“—столетних сосен. Толстые, десятисантиметровые ее борта, тщательно подогнанные и проконопаченные, возвышались над водой метра на три.

Палуба коломенки, в сорок метров длиною и восемь шириною, покрыта попережною крышей, кроме кормы.

Чусовая била в борта коломенки тяжелыми волнами, как чугунами молотами, но барка едва заметно покачивалась от этих могучих ударов. У громадной пятиметровой рукояти барочного „пера“ (руля) стоял десяток солдат. При быстроте и силе течения Чусовой только десяток дюжих парней справился бы с барочным рулем.

Бесконечная вереница подвод разгрузалась на коломенку. По сходням бегали солдаты и добровольцы из зареченцев, волокли ящики с иностранными клеймами и русскими надписями: „Владивосток“, „Мерв“, „Пешавер“.

Усталые солдаты, тащившие длинный, похожий на гроб ящик, споткнулись, и выпавший из их рук ящик ударился о камень. В грязь посыпались новенькие английские карабины Ли-Энфильд.

— Гляди-ко, ружья!—загудел недобро берег.—Против наших!..

И вдруг смолкли разом говор, крики, ругань; лишь одинокий ребячий голос прозвенел недетской ненавистью:

— Лосман идет! Матюшка-предатель!

От Заречья к пристани спускался Матвей Майоров. Был он в новом, угольно-черном, с расшитой грудью, романовском полушубке, несокрушимых, подкованных бахилах и заячьей шапке-ушанке. Полушубок его был подтянут английским офицерским ремнем с крючками вместо пряжек.

— За полушубок душу продал! Иуда!—крикнули из толпы. Матвей посмотрел из-под пригоршни в сторону крика, но крикнувший сам шел на него. Это был Капралов.

— Совсем, гад, захолуился!—еще издали, горячо заговорил литейщик.—И нас и их предаешь, старая собака!

— Прости, брат! Нужда одолела. По неволе к полю, коли лесу нет!

— Поневоле? Врешь! Ты нам сусоли не размусоливай! Таких гадов, как ты, надо натло уничтожать!—крикнул визгливо, со слезами Капралов и, поднявшись на цыпочки, ударил лоцмана кулаком по лицу. Новая шапка-ушанка Матвея упала в грязь.

— Не сметь!... Не сметь драться, мерзавец!—выдернув из кобура револьвер, побежал к старикам поручик.—Застрелю.

— Стрели ладом!—сказал сурово Капралов.—Промашки, гляди, не дай!

— Грозишь, старая ветошь?—взвел курок офицер.

— Погоди, барин!—загородил Матвей Капралова.—Подъявый меч от меча погибнет! Ничего, я стерплю. Господь терпел и нам велел.

И, поклонившись низко Капралову, сказал смиренно:

— Спасибо, брат. Давно бы так! Поделом мне.

Затем повернулся к барже и, сразу сменив смиренный елейный тон, загромыхал своим басом:

— Управились, молодцы? Айда-те, трогаем. Отдай канаты!

Свернутые канаты грохнулись на палубу. Коломенка, почуяв свободу, вздрогнула всем своим громадным телом, скрипнула о доски пристани и медленно тронулась.

— Клади руль направо!—рявкнул снова Матвей.

— Направо!—вростяжку, хором ответили солдаты-рулевые, наваливаясь на рукоять. Нехотя повернулась коломенка кормой к пристани, носом к середине реки. Так, боком, несло ее до стержневой струи, и тогда опять запел лоцман:

— Руль на конь!¹

-- На ко-онь!—навалились солдаты.

Коломенка, несмотря на свою громоздкую неуклюжесть, легко повернулась, встав вдоль течения, приподнялась носом на волне и всей своей громадой плавно ринулась вперед, забирая ходу.

6. ЧУСОВАЯ

Свободные от вахты солдаты пели складно и задушевно:

Реве-ела буря, дождь шуме-ел...

Чусовая тоже пела, звенела веселой весенней волной. С левого низкого берега несло сладкими клейкими запахами распутившихся берез. А правобережье вздыбилось серыми скалами гранита и белыми известковыми стенами — „иконстасами“. А на гребнях прибрежных скал, высоко-высоко, погляди — шапка свалится, темнеет еловый и сосновый лес. Между двумя этими несхожими берегами Чусовая крутила такие „петли“, как говорят здесь, на какие неспособна ни одна река в мире. Иная „петля“ тянется километров на двадцать, а пешеходу, в узком месте „петли“, по перешейку достаточно метров триста пройти.

¹ Руль на середину.

— Ну и силища же в ей! — улыбался довольно Матвей.

— В ком? — не понял поручик.

— Да в Чусовой ж! На вид, словно озеро, не шелохнется, а погреби навстречу — тогда узнаешь. Сила! Никакому вашему пароходу не совладать.

Слова эти окончательно успокоили поручика. Он убедился, что на таком стремительном ходу, каким мчалась коломенка, ее на лодках не перехватить. Да и не справится гребцам с ярым чувовским течением. А к берегу коломенка не пристанет до конечного причала, до линии белого фронта — так и приказал генерал.

И поручик лег на разостланную доху. Под мягким весенним солнцем, под ласковым ветерком думал в полудремоте... Чусовая! Древний путь из Азии в Европу. Эти прибрежные скалы эхом откликались на разгульные песни новгородских ушкуйников. Иногда ватаги новгородских „пробойных промышленников“ клали свои головы и кости в уральских ущельях и лесах, но чаще робкие „не воистые“ уральские дикари — пермь, пещора, югра или чудь — покорялись новгородским воинам-купцам и платили дань „господину великому Новгороду“.

Так основывались на Урале первые русские колонии.

А потом иные, невеселые песни услышала Чусовая. Заблестела месяцем на чувовских берегах беспощадная строгановская секира, выросли на берегах вольной реки Чусовские Городки, со стен которых мрачными жерлами глядели пушки, а у запалов дежурили недремлющие пушкарки. И под тяжелой строгановской рукой застонала Чусовая безрадостной крепостной и кабальной песней. Под защитой секир и пищалей выкачивали отсюда Строгановы соль и „мягкую рухлядь“ — драгоценные меха.

И песни ермаковой сарыни слышала Чусовая. И ермаковой коломенки носила гульбявая чувовская волна. Из Чусовой „заворуй Ермак“ поднялся по ее притоку, речке Серебряной. А затем

По Серебряной шли — до Журавлика дошли.
Оставили они тут лодки-коломенки,
На той Баранчинской переволоке...¹

Так и сейчас еще поют на Урале.

По Баранче, азиатской уже реке, Ермак сплыл в Тагил, потом в Туру, Иртыш, и так в самое сердце кучумова царства,

¹Близ теперешнего Баранчинского завода; Журавлик — приток Серебряной.

к сибирской столице — Искер. И не даром именем ермаковым названы по Чусовой и урочища, и пещеры, и бойцы...

...Мысли поручика прервал тревожащий, беспокойный шум.

— Что это шумит? — приподнялся он на локте.

— Чусовая о боец бьется! — взволнованно и бодро ответил лоцман. — Готовься, ребята!

Все ближе грохот бьющейся о камни воды, и вот из-за поворота показался боец, грозно нависший над рекой, а у подножья окантованный белой тесьмой беснующегося прибоя. Чусовая подхватила, как перышко, коломенку и понесла ее на боец.

— Перо влево!.. Круче забирай!.. — крикнул Матвей.

Но барка на обезумевшем течении не слушалась руля. Поручик зажмурился, как испуганный ребенок. Ему показалось, что угрюмый боец оторвался от берега и летит на коломенку.

— Спускай лот! — скомандовал лоцман. И тотчас с кормы бултыхнулся в воду на толстом канате „лот“ — чугузная плаха в полтонны весом... Лот, скользя по дну реки и цепляясь за его неровности, затормозил ход барки. Она пошла тише и стала послушнее на руль. Кроме того, лот от тяжести своей скатился в борозду реки и, увлекая за собой корму, снова поставил барку на фарватер. Перед самым бойцом она нырнула носом в стремнину, словно поклонилась насмешливо утесу, и, обогнув его, вышла на спокойное плесо.

— Ловко, чорт возьми! — восхитился поручик и засмеялся облегченно.

— Тридцать годов на этом стою! — самодовольно расправил бороду Матвей. — Знаю, что с Чусовой не шути, головой ответишь! А мне еще пожить хочется, винца с хлебом попить!

И снова завернулся беззаботно в теплую доху поручик и вздремнул сладко. Вздремнули и солдаты тоже. И никто не заметил, что барка нацелилась носом на середину реки, где вода кипела ключом. Громыхнула вдруг барка, заскрипела всеми бревнами, что-то заскребло по ее дну. Затем она накренилась на левый борт и остановилась, мелко вздрагивая от бьющих в корму волн, как загнанное, испуганное животное. И тотчас тишина на барке сменилась криками и воплями:

— На камни напоролись!.. Тонем!.. Камни!..

— Тихо-о! — подмял вопли и крики тяжкий бас лоцмана.— Перо вправо клади!

Барка помедлила, словно раздумывая, и медленно двинулась, попрежнему вздрагивая.

— Пошла-а! — закричали на палубе.— Иде-ет!

И тогда барка судорожно тряхнула кормой. Послышался треск. Румпель приподнялся кверху, с висящими на нем солдатами-рулевыми, затем рванулся вправо, разбросав их по палубе.

— Спускай лот!..— закричал пропаще лоцман.— Второй спускай... третий!

Третий лот спустили так быстро, что из-под каната, от трения о борт, вылетел клуб дыма. И это спасло барку. Волоча за кормой полуторатонную тяжесть трех лотов, она отвернула нос от подводных „ташей“ и нацелилась на берег. Ее подхватило какое-то странное течение.

Люди затаили дыхание, не веря своему спасению. А коломенка медленно подходила к правому гористому берегу.

Лоты подняли, баржу прикрутили канатами к береговым деревьям. Лоцман на лодке осмотрел руль и вышел на берег сумрачный.

— Вдребезги разнесло перо о таши. Ночевать придется. С утра чиниться начнем, а пока заваривай, ребята, кашу!..

7. ЕРМАКОВА ГОРА

Поручик крутился по берегу. Вынюживал. Высматривал. Прислушивался. На дне его сознания затаилась жуткая уверенность, что эта случайная авария грозит ему бедой. Но он еще бодрился. На берегу — ничего подозрительного. И поручик начал разглядывать внимательно гору, к подножию которой они причалили.

— Ты чего вихляешься, как козел непривязанный? — подошел к нему лоцман.— Слезим-ко лучше на гору. Взглянем, нет ли поблизости чего-нибудь такого, что нам с тобой не по вкусу. Чуешь, о чем речь?

Они начали подниматься по голым гранитным утесам к заросшей лесом вершине.

— Как эта гора называется? — посмотрел поручик на карту.— Не знаешь?

— Как не знать, Ермакова гора! А почему так — вот слушай-ко. Давай сядем, я выше не пойду, ноги не держат. Старость не радость!.. Здесь, внутри го-

ры, прежде люди жили, чудь волшебная, заклятая. Они и доселе в горе живут, иной раз слышно, как они промежду собою разговаривают. А Ермак, бают, в Сибирь тремя войсками шел, тремя путями!¹ Одно войско, и Ермак с ним, здесь по чусовскому берегу шло. А тут, видишь, тропа только одна, ее никак не минуешь. Попало ермаково войско на эту тропу, а чудь волшебная и почала сверху камнями бить! Ермак видит, не совладеть ему с чудью клятою — давай, говорит своим молодцам, назад подадимся. Как бы в роде по-вашему, повоенному, отступление устроили. Отошли они назад, а тут вечер, тут ночь, а чудь по ночам силы не имеет. Ну... заклились они и колдовством своим в гору ушли. А Ермак подглядел, сквозь какое место они в камень ушли, да на том месте крест и высек. И посейчас этот крест виден, ежели выше по тропке подняться. Так волшебные люди чудь за этим крестом и сидят, и выходу им теперь нет. Слышно, иною ночью, как они там плачут, жалуются: гу-гу-гу!.. — гудят в горе.

— Хороша сказка! — улыбнулся бледно поручик.— К ночи лучше не рассказывать. Но только чудь волшебная нам не страшна. Других надо опасаться! Я выше пойду, до вершины поднимусь.

— Ну что ж, гуляй! Гляди, однако, волчья свадьба не сожрала бы. У них, у серых, сейчас самое гульливое время. Яруют! — засмеялся лоцман нутряным, затаенным смешком.— А я вниз поплетусь, кашу хлебать.

Поручик расстегнул кобур и пошел медленно вверх по тропке. Справа попрежнему голые угрюмые камни, слева — обрыв к реке, и внизу маленькая, как игрушечная, барка. А вот и крест, грубо высеченный на скале каким-нибудь раскольником-отшельником. „Чудь! В какую чушь верят эти дикари!..“

Крепким ароматным настоем распустившихся деревьев и трав ударило в ноздри. Исчез голый камень скал. Кругом, и справа, и слева могучий лес и высокая сочная трава. Дюжие сосны, пихты и ели, молодые липы, и клен, и корявый илем, унизанный цветами, похожими на шишки хмеля. На опушке — трубчатые листья черемухи и яркокрасный пион, или, по-местному, марьин корень, которого так боятся гадюки.

¹ Это, конечно, неверно. Ермак шел в Сибирь одним путем, который был описан выше.

Где-то лепечет студёный родник... Поручик стоял на вершине Ермаковой горы.

Спрятавшись за толстую сосну, чуткими стеклами бинокля прощупывал окрестность. Обтаявшие и зазеленевшие вершины гор и хребтов спокойными, могучими волнами уходили вдаль, в кипящее золото заката. Нигде ни признака человека: ни крыши, ни дымка, ни собачьего лая.

Пустыня!

Поручик сел на поваленное бурей дерево. От быстрого подъема кровь била в виски, шипела в ушах. И шум этот начал приближаться, разрастаться, и слышались в нем осторожные крадущиеся шаги, глухие, словно подземные голоса: гу-гу-гу!..

Поручик вскочил. Что это?.. Чудь в горе разговаривает?! Отплюнулся раздраженно:

— У страха не только глаза, но и уши велики! Чорт... неужели трушу!

Сдерживая поднимающуюся изнутри неумную дрожь, прислушался.

Чусовая плескалась в берега, шумно вздыхала бурунами у бойцов и на „ташах“. В прибрежных кустах хрипло залаяла лиса, в глубине леса забормотал тетерев, на ближайшей отмели густо загоготали гуси.

Пустыня!

Поручик огляделся еще раз. Дыбятся горы. На потемневшем небе рассыпались крупные, как орехи, звезды. Костры, разложенные солдатами на берегу, длинными огненными столбами отражаются в воде. А кроме — ни луча, ни искры.

Пустыня!..

Но спускаясь с горы, пугливо оглядывался, вздрагивал от каждого шороха и злился на себя за бабью нервность.

Лег на носу барки, завернувшись в доху. Решил не спать до рассвета. Глядел на темный, загадочный силуэт Ермаковой горы. Каменная ее громада вдруг заколыхалась, подпрыгнула к ярким звездам, и поручик опустился незаметно в бездонные глубины сна.

8. ЧУДЬ

Сквозь теплую дремотную лень услышал лишь тревожные крики:

— Где поручик, чтоб ему лопнуть!.. Господин поручик!.. Что же делать будем?..

А когда выпростал из теплого меха голову, тогда только услышал далекие и близкие выстрелы и еще страшный,

грохочущий шум. На рассветном и побледневшем, словно усталом небе, четко вырисовывалась злобная Ермакова гора. Над нею трепетно светилась одинокая запоздавшая звездочка. А на склонах горы копошились неясные быстрые тени и вниз летели огромные камни, целые утесы — как показалось поручику. Камни скатывались к солдатским кострам, тушили их, опрокинули и расплющили пулемет, разбросали стоявшие в козлах винтовки, как живые, гонялись за разбегающимися солдатами.

— Чудь!.. Чудь волшебная!.. Чудь из горы вышла!.. — вскрикнул дико поручик и, спрыгнув на берег, побежал навстречу каменной лавине..

...Матвей лежал в растяжку на палубном настиле. Он припадал испуганно к доскам головой при каждом выстреле, снова робко приподнимал ее и неожиданно увидел поручика.

Офицер бежал, неумело прыгая через камни. Правый его погон, сорванный пулей, свесился на грудь. За поручиком, шлепая по лужам валенками и размахивая кремневой шомполкой, скакал по козлиному старый Капралов. Литейщик остановился, прицелился в поручика и выпалил. Но упал не поручик, а Капралов, сбитый крепкой отдачей кремневки. Он шлепнулся в лужу, задрав ноги в размокших валенках. Тогда остановился поручик и поднял револьвер, целясь в лежащего литейщика.

— Не смей, стервь! — крикнул испуганно Матвей, одним прыжком очутился около офицера и ударил его кулаком по голове. Поручик упал, уронив револьвер к ногам Матвея.

Капралов подошел несмело. Сказал конфузливо, отряхивая грязь:

— Не шомполка, а шлепалка! И вперед и взад бьет!

— Да уж навозный из тебя вояка! — заухал смехом, как филин, лоцман.

— Грыжа мне воевать мешает. Говорю, грыжу нажил, когда тот чорт якорь царский таскал, — начал сердиться Капралов и кивнул на лежащего поручика. — Насовсем убаюкал? Ну и кулачищи у тебя!

— Оклемается. Я ведь с расчетом бил, чтоб не до смерти. А вы как? Расчербарили колчаков? Во-время успели. Еще бы чуть, и опоздали. Днем вам бы их не взять.

— Ты маленько виноват! — продолжал сердиться Капралов. — Чего раньше не упредил, дурак старый? По делом я тебя

по уху звизданул, там, на пристани. Хотя и за другое бил. А как отошел я от тебя к людям, в толпу, тут меня старуха твоя и поймала. Все твои слова в точности передала. Ну, я само-собой мерина под седло, и в горы, к нашим, к „гамаюнам“. Едва успели!

Густая тесьма его бровей шевельнулась вдруг ласковым изгибом.

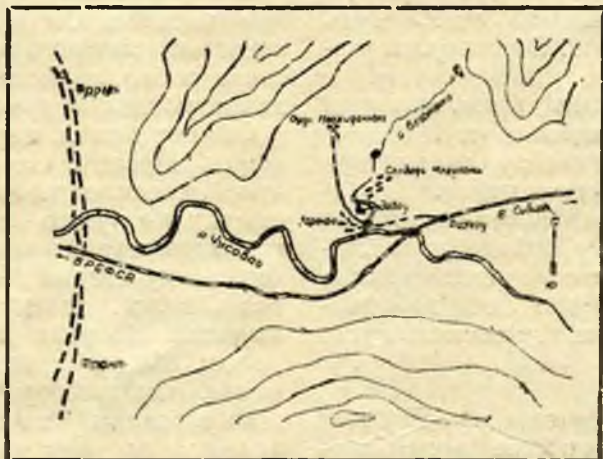
— А ты как, старый леший, доспел дело? Перо, бают, нарочно сломал?

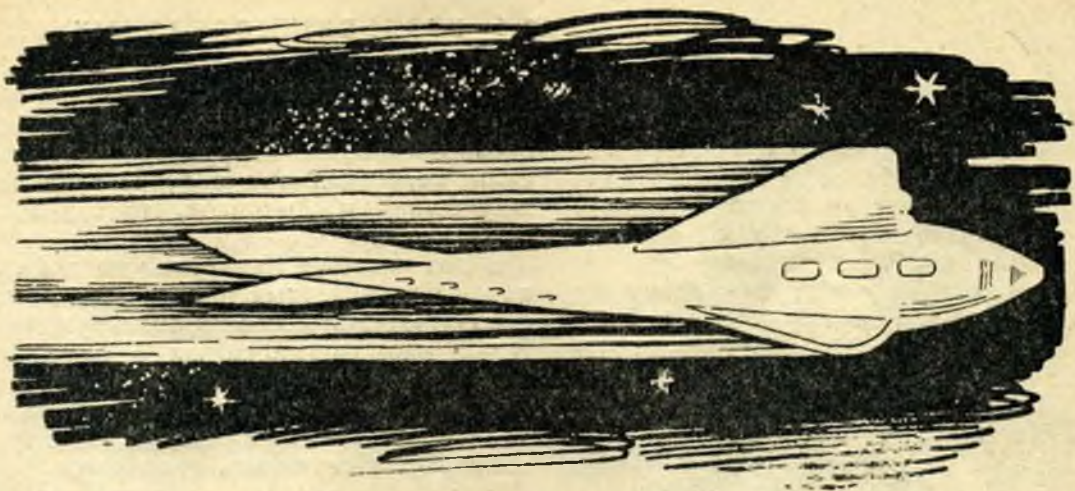
— Я все могу! Я Чусовую, как свою запазуху, знаю!— распушил Матвей бо-

роду и поглядел свысока на подходящих „гамаюнов“.

Портизаны были вооружены старенькими берданами, охотничьими дробовиками, самодельными пиками, даже вилами-тройчатками.

— Оружьешко у вас, вижу, хреновое,—покачал он головой и кивнул на барку.— Айдате, коли так. Получайте новенькое, самолучшее! В целости и сохранности доставлено, как генералу было обещано...

С Л Е П О Й П О Л Е Т

Научно-фантастический рассказ А. Беляева

Рис. И. Холодова

Закон причинности — это бесконечно сложный механизм из зубчатых колес и шестерен. Кто бы мог подумать хотя бы о такой связи явлений: в Свердловске молодой ученый Меценко предложил своему другу — летчику Шахову осмотреть его лабораторию. Шахов осмотрел ее, похвалил работу товарища и ушел. Только и всего. А из-за этого визита старший радист на острове Гонолулу едва не сошел с ума. Редактор „Нью-Йорк трибюн“ разбудил по телефону

среди ночи сотрудника, ведущего отдел „Новости науки и техники“, заставил его писать статью, которую потом еще и не принял. Советские граждане Барташевич и Зубов целые сутки ужасно волновались, а с самим летчиком Шаховым случилось такое, чего он всю свою жизнь не забудет.

1. ЛОВЕЦ СИГНАЛОВ БЕДСТВИЯ

Если вам придется побывать на острове Гонолулу, то вас наверно познакомят с мистером Кемпбеллом. Кто же в Гонолулу не знает Джона Кемпбелла? Может быть, он пригласит вас выпить с ним чашку ароматного кофе на открытой веранде ресторана „Под пальмами“, что возле порта и радиостанции.

Любуйтесь прибором, слушайте рассказы Кемпбелла, — он интересный рассказчик, — но остерегайтесь одного: не задавайте Кемпбеллу вопроса: что случилось с ним второго ноября, или: что это такое „летучие сигналы бедствия“, иначе он сразу погаснет, расплатится молча за кофе и уйдет, не пожав вам руки и не оглядываясь. Вы навсегда потеряете его расположение.

Джон Кемпбелл был старшим радистом морской радиостанции США на острове Гонолулу. Молодые помощники называли Кемпбелла „гражданином эфира“. С таким же основанием Джона можно было назвать „гражданином мира“. Большую часть суток он витал в эфире.

Знал позывные всех дальнедействующих радиостанций мира. Virtuозно отстраивался и настраивался. Имел эфирные знакомства во всех частях света. Для него не существовало границ и

А. Р. Беляев, автор рассказа „Слепой полет“ и известных романов: „Человек — амфибия“, „Остров погибших кораблей“, „Прыжок в ничто“ и мн. др.

Кемпбелл быстро определил место кораблекрушения

местного времени. Он жил во всех широтах и долготах. На протяжении одной минуты он успевал излучить своим друзьям и „доброе утро“, и „добрый день“, и „добрый вечер“, и „добрый ночи“. И никогда не путал, где сейчас на земном шаре день, где ночь, где утро.

Но особенным специалистом он считался по пеленгированию¹. Услышит сигнал бедствия, тотчас снесется со своим партнером в Сан-Франциско, определит углы, произведет „засечку“, и в пять минут готов треугольник, в котором Гонолулу и Сан-Франциско являются углами при основании, а вершиной служит место скрещения излучений, оно же и место бедствия. И вот Кемпбелл уже сообщает „всем, всем, всем“ точную долготу и широту гибнущего судна. Первенства в ловле сигналов бедствия он не уступал никому. И за свою многолетнюю службу спас не одно судно.

Таков был Кемпбелл до второго ноября — даты пятидесятого года его рождения. И вот что случилось с ним в этот день.

¹ Особые приемы для определения местонахождения излучающей радиостанции.

Утром морская метеорологическая обсерватория США сообщила, что в Тихом океане проходит тайфун чрезвычайной силы, пересекая три морских пути между Азией и Америкой. Приходилось быть на-чеку.

В два часа дня Кемпбелл уже поймал первый характерный писк „SOS“¹ и быстро определил место кораблекрушения. В три часа новый сигнал о бедствии. Кемпбелл успел сообщить в Осаку, прежде чем там узнали о крушении парохода возле японских берегов. Но с третьим „SOS“ случилось непонятное.

Было восемь часов вечера. Небо безоблачное. Только необычно сильный грохот прибоя напоминал о том, что где-то в океане свирепствует шторм.

„SOS“ — вновь запищало в приемнике. Призыв о помощи несся из района острова Карагинского вблизи мыса Лопатки (южной конечности Камчатки). И Кемпбелл радировал об этом карагинской радиостанции.

Оттуда ответили: „У нас штиль. Гидропланы летят на разведку“.

Через час карагинская „рация“ сообщила, что нигде тонущего корабля не обнаружено. Что они там подумали о Кемпбелле — радисте из Гонолулу?.. Скандал!

В десять вечера Кемпбелл услышал тот же сигнал, но уже из района Берингова моря, с 180° восточной долготы.

Сам „Моряк-Скиталец“ не мог лететь с такой чудовищной скоростью! Более полутора тысяч километров в час, если учесть „сдвиг“ местного времени.

Кемпбелл проверил расчеты. Все оказалось правильно. Но первый раз в жизни он воздержался сообщать „всем“ о принятом сигнале бедствия.

В двенадцать часов ночи тот же сигнал, но уже на полтора градуса восточнее. Несмотря на удушющую жару тропической ночи, Кемпбелла прошиб холодный пот.

— Что это, мистификация? Радисты сговорились подшутить над ним? Но сигналами бедствия не шутят. Или у него в мозгу неладно?

Кемпбелл просидел без смены всю ночь. Но этих сигналов больше не было слышно. На утро Кемпбелл подал начальству рапорт, прося отпуска по болезни.

Так до конца своих дней Кемпбелл и не разрешил задачи: кто же посылал

¹ Международный сигнал бедствия на море и на суше.

тогда сигналы бедствия, летя с запада на восток быстрее урагана. Эта неразгаданная загадка осталась больной занозой в мозгу заслуженного радиста.

2. ТАИНСТВЕННЫЙ БОЛИД

„О. Кадык 3. XI. Четыре часа ноль минут местному времени островом Кадык пролетел болид ослепительной яркости направлении запада восток тчк полет сопровождался орудийным гулом тчк телеграфные деньги исходе жду аванса тчк—Дельтон“.

Вечное перо в руке ночного редактора „Нью-Йорк трибюн“ быстро прыгало по бумаге. Золотой клюв ручки, как дятел на стволе дерева, долбил телеграфные строки, оставляя темносиние следы. Через полминуты телеграмма была обработана.

„О. Кадык. 3. XI. В два часа утра над островом Кадык пролетел огромный болид такой ослепительной яркости, что все окрестности были освещены, как прожектором. Полет болида сопровождался оглушительным гулом, напоминавшим канонаду. Гул был слышен в порте Руперта и Эдмонтоне“.

Редактор подумал секунду, сделал заголовок: „Небесный гость“, зачеркнул, сделал новый: „Необычайный болид“, сбоку приписал: „п е т и т, 6 полоса“. Левой рукой бросил телеграмму машинистке и принялся за новую — о морских вооружениях Японии.

Редактор расправлялся с телеграммами, как с наседавшими врагами. Он разил их острием пера и бросал машинистке, а стопка не уменьшалась. Новые телеграммы падали на стол.

Через три часа редактор читал:

„Ситка. 3. XI. Четыре часа утра Ситкой пролетел большой ослепительной яркости...“

— Еще один болид! — удивился редактор. — Что они так разлетались сегодня! — И вспомнил, что во вчерашнем номере газеты была заметка о том, что в середине ноября ожидается большой звездный поток леонид, появляющихся каждые тридцать три года. В этот прилет они запоздали, — имели неосторожность пролететь слишком близко возле какой-то большой планеты, — кажется, Юпитера, — потеряли на нем часть своего роя

и несколько изменили свою орбиту. Это интересно!

Редактор сорвал телефонную трубку, разбудил заведующего отделом „Новости науки и техники“ и заказал ему к семи часам утра новую статью о леонидах. На телеграмме сделал заголовок: „Первые ласточки звездной стаи“ и пометку: „Объединить телеграммы о болидах. Дать в отделе „Н. Н. и Т.“, перед статьей“.

Редактор усиленно курил. Глаза слипались после бессонной ночи. Часы пробили семь. В кабинет быстро вошел заведующий отделом „Новости науки и техники“, небритый, невыспавшийся, злой и бросил на стол готовую статью о леонидах.

Рядом со статьей упала новая телеграмма. Редактор прочитал ее, подумал. В ней сообщалось о болиде, пролетевшем в семь часов утра над озером Атабаска.

— Можете взять свою статью о леонидах. Она не пойдет! — сказал он редактору „Н. Н. и Т.“

— Как не пойдет? Почему не пойдет? Но за каким же дьяволом вы разбудили меня и заставили работать всю ночь?

— Статья будет оплачена! — сухо ответил ночной редактор и, обратившись к секретарю, крикнул: — Подберите и дайте мне телеграммы о болидах!

— Вот, извольте судить сами, — сказал ночной редактор, протягивая телеграммы. — Прочитайте эти две — из Кадыка и Ситки, а вот и третья, только что полученная из Нью-Фаундленда. Сравните время, обратите внимание на направление полета — с запада на восток. Может ли быть такое совпадение? Имеем ли мы три болида или же один болид? А если один, то может ли вообще болид, — вам

Корабль, гибнущий у японских берегов.

это лучше знать,— пересечь пол-Америки на одной и той же высоте, в пределах земной атмосферы, не сгорев и не упав на землю?

— Что же вы предполагаете?— осторожно спросил редактор отдела „Новости науки и техники“.

— Я полагаю, что это — „болид“... земного происхождения. Быть может, ракета, реактивный стратоплан, торпеда, чорт его знает что...

— Но скорость! Почти космическая. Скорость вращения Земли... Положим, теоретически, для стратопланов, не говоря о звездолетах, такие скорости возможны...

— Не „положим“, а так оно и есть. Не вы ли сами давали статью о тайных вооружениях Германии, о реактивных снарядах, о воздушных торпедах, управляемых по радио. Необходимо сейчас же написать новую статью на эту тему. Садитесь! Мы еще успеем к дневному выпуску.

Редактор подобрал все телеграммы о болидах и сделал новую пометку: „1-я стр., к о р п у с. После статьи „Таинственный болид“.

3. ПРОПАВШИЙ СТРАТОПЛАН

Бригада молодых изобретателей Свердловского авиазавода готовила стране большой сюрприз: сконструировала и построила первый советский — и первый в мире — стратоплан. Директор завода Барташевич, инженер-конструктор Зубов и опытный летчик Шахов любовались своим детищем.

Крылатая рыба идеально обтекаемой формы имела винто-моторную и реактивную тягу. З-1 мог летать в тропосфере, как аэроплан, а в стратосфере — по принципу ракеты. „Мог летать“, но еще не летал. Первый пробный полет должен был совершить Шахов. Решили, что полетит он один. Хорошо механизированное управление вполне допускало это, тем более, что полет Свердловск— Хабаровск, по расчетам строителей, должен продолжаться максимум пять часов. Небывалая скорость!

Герметически закрывающаяся кабина З-1 отапливалась и освещалась электричеством и была снабжена кислородом и горючим на сутки,— максимальная вместимость баков и баллонов. Большей и не нужно было, так как за сутки стратоплан мог бы облететь вокруг земного шара.

В стратоплане были установлены аппараты для определения скорости, высоты, направления полета по „слепому методу“. Все до мелочей рассчитано, испытано, выверено в лабораториях. Всякая случайность исключалась.

Старт произошел второго ноября в шесть часов утра безвсякого торжества. Не было ни газетных репортеров, ни блеска юпитеров, ни суетливых кинооператоров, ни оркестра, ни речей. Все напоминало будничные облеты нового аппарата. Присутствовала только бригада, создавшая З-1.

Летчик Шахов, в кожаном костюме и шлеме, высокий, здоровый, подошел к кабине. На бритом лице спокойная улыбка. Крепко пожал руку товарищам, быстро взобрался по лесенке и захлопнул за собой дверь. Через минуту заревели моторы, метнулись и превратились в трепещущие, прозрачные круги пять пропеллеров. З-1 легко отделился от площадки аэродрома и начал круто забирать высоту. Рокот моторов затихал в звездных просторах неба.

— Долетит!— уверенно сказал Зубов, когда стратоплан скрылся.

— Долетит!— как эхо, отозвался Барташевич.

А через десять минут они уже разговаривали с Шаховым по радио, как будто и не расставались с ним.

— Алло, Шахов! Летит?

— Лечу! Все отлично. Аппараты действуют безукоризненно.

— Ну-ну, Шахов, делай шах королю,— острит Барташевич.

Полет продолжался. Шахов от времени до времени сообщал:

„Высота двенадцать километров. Перехожу на дюзы“.

„Высота двадцать пять. Скорость — тысяча километров в час“.

„Миновал Омск... Красноярск... Высота тридцать километров“.

„Пролетел над Витимом“.

И вдруг радиопередачи прекратились. Потекли минуты напряженного ожидания. Зубов начал нервно вызывать Шахова. Ответа не последовало. Тревога росла. Лица Зубова и Барташевича словно постарели в несколько минут. Они избегали смотреть друг на друга, чтобы на лице другого не прочесть своих собственных черных мыслей.

Время шло. Зубов нетерпеливо поглядывал на часы.

— Он уже должен бы опуститься в Хабаровске...

Посидели еще несколько минут в гнезущем молчании. Позади послышался тяжелый вздох. То незаметно вошел старый мастер Бондаренко.

— Так вызывайте же Хабаровск, — сказал он раздраженно, словно простуженным голосом. Его сумрачное лицо передегивала нервная судорога.

Зубов хотел и боялся вызвать Хабаровск. Наконец, вызвал.

„Не прилетал. Ждем с минуты на минуту“, — был ответ.

Старый мастер снова шумно вздохнул.

— Ждут!.. Авария, не иначе. Надо сообщить на Алдан, чтобы выслали самолеты на поиски.

Да, больше ничего не оставалось.

Настал день, — тяжелый день... Зубов и Барташевич перед этим не спали уже несколько суток, готовя З-1 к полету. И теперь они шатались от усталости, но о сне не могли и думать. Ждали вестей, каковы бы они ни были. Мучила неизвестность.

Через несколько часов алданские товарищи сообщили, что в месте предполагаемого пролета обыскано все по радиусу в пятьсот километров, никаких следов не найдено, что многие жители слышали в это утро глухой, громopodobный гул, прокатившийся с запада на восток.

По запросу Зубова с Камчатки сообщили, что и у них слышался вечером, около шести часов, „гул и гром“, и также от запада на восток.

Зубов и Барташевич с недоумением посмотрели друг на друга.

— Это он! Значит, Шахов не погиб! — вздохнув с облегчением, сказал Зубов.

— И пролетел дальше, — задумчиво прибавил Барташевич. — Но почему? Что с ним произошло?

— Быть может, порча аппаратов... Не мог остановить работу дюз.

— Невероятно! — возразил Барташевич. — Все испытано, проверено. И потом, не могли же сразу испортиться и реактивные двигатели, и винтовая группа, и радио. — Барташевич помолчал и сказал сквозь зубы: — А может быть...

Зубов посмотрел на хмурое и вдруг ставшее злым лицо Барташевича и понял его мысль, его подозрение: „измена родине...“

— Не может этого быть! — горячо воскликнул Зубов.

Барташевич стукнул кулаком по столу.

— Но тогда что же, что?

Зубов только вздохнул.

Прибежал рыжий радист, с красными от усталости глазами.

— Морская радиостанция на Гонолулу, — задыхаясь возбужденно заговорил он, — принимала сигналы бедствия в продолжение трех или четырех часов с Берингова моря...

— А почему же ты не слышал? — набросился на радиста Барташевич.

— Я принимал Алдан, Хабаровск, Сахалин...

— Это Шахов! — воскликнул Зубов. — Конечно, у него какая-то авария... А ты говорил!.. — прибавил Зубов, с упреком посмотрев на Барташевича.

— Я ничего не говорил, — смущенно ответил тот. — Я только подумал. А мысли всякие — и непрошенные — в голову лезут.

„Лучше смерть с честью, чем бесчестье измены!“ — подумал Зубов и сказал:

— Сигналов больше не было. Значит, Шахов погиб в Беринговом море у берегов Северной Америки или на самом континенте.

Зубов и Барташевич опустили головы. После острых волнений наступила реакция. Зубов едва сидел на стуле. Барташевич оперся руками на стол, положил русую голову и сонно сказал:

— Надо послать радио на Аляску... В Америку... В США...

Кто-то хлопнул его по плечу:

— Уснул, что ли? Читай! — Бондаренко положил на стол вечерний выпуск „Уральского Рабочего“.

Барташевич вздохнул, словно пробуждаясь от глубокого сна, поднял голову, протер глаза, начал читать и вдруг взволнованно и громко заговорил:

— Он жив! Он еще жив! Летит! Конечно, это снова он, Шахов! — и протянул Зубову газету, в которой была напечатана телеграмма ТАСС из Нью-Йорка о „таинственном болиде“.

Нервное напряжение прорвалось у Барташевича смехом:

— Шах королю! Задали мы им загадку... Да и себе тоже, — прибавил он задумчиво и сильно тряхнул головой, выбрасывая снова лезшие непрошенные мысли. — Уж не задумал ли Шахов самовольно совершить кругосветный полет?

— Шахов достаточно дисциплинирован, чтобы не делать таких мальчишеских выходов, — снова возразил Зубов. — И потом, зачем в таком случае ему было посылать сигналы бедствия?

— А почему он замолчал?

Зубов и Барташевич снова посмотрели друг на друга. Если бы оба не были так утомлены и озабочены, они рассмеялись бы — до того комично-обалделыми были их лица.

4. СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

Шахов, как и его друзья, снимаясь с аэродрома, не сомневался в удаче полета. Пропеллеры тянули великолепно. З-1 быстро набирал высоту. На потолке тропосферы и даже субстратосферы моторы, благодаря компрессорам, работали безукоризненно, перекрывая запроецированный потолок. Только поднявшись в стратосферу, они начали „задыхаться“ от недостатка кислорода и давать перебои. Но это было явлением нормальным и заранее предусмотренным. Шахов выключил моторы и пустил в ход дюзы. Он полетел быстрее звука и уже не слышал громовых раскатов взрывов. Лишь при каждом ускорении, — при каждом новом броске вперед, — он чувствовал, как спинка кресла толкает его в спину, при этом сжималась грудь, становилось немного трудно дышать и кружилась голова — реакция кровообращения.

Но сильный организм Шахова легко справлялся с этими легкими недомоганиями. В общем Шахов чувствовал себя хорошо. Сверхскорый полет, сам по себе, был неощутим. В кабине тихо, тепло, светло, воздух насыщен кислородом, который пьянит и веселит, как вино. Ни малейшей качки. Можно подумать, что стоишь на месте. Только подрагивание и склонение черных стрелок на белых циферблатах измерительных приборов говорили об огромной высоте и скорости полета. На карте черный карандаш в рычажке отмечает курс. В этом слепом полете Шахов чувствует себя спокойнее, чем в обычных полетах. Весело напеваает. Смотрит сквозь толстое стекло окна на аспидно-черное небо с яркими немигающими звездами и радужным полотнищем млечного пути. Черная линия уже приближается к Кяхте. Шахов сообщает и об этом друзьям. Радио под рукой. Можно разговаривать, не отрываясь от пульта управления.

Шахов проголодался. Вынимает плитку шоколада и подносит ко рту.

И вдруг чувствует такую невыносимую, режущую боль в глазах, что вскрикивает и закрывает их. „Что такое? Слово сухой горчицы в веки насыпали“. С трудом открывает глаза. В кабине со-

вершенно темно. Почему лампочка внезапно погасла? Шахов шарит рукой, находит выключатель, поворачивает — темно, поворачивает еще раз — темно. Достает лампу рукой и ощупывает. Горяча. Лампа светит! Значит, он ослеп! Сильнейшие, режущие боли в глазах не прекращаются.

Шахов был летчиком уже второй десяток лет. И в первый раз почувствовал нечто похожее на страх. Нервный клубок застрял в горле, холодок пробежал по спине, задрожали руки.

Что теперь будет с ним? Положим, он сумеет сообщить по радио, но что могут сделать его друзья? Другого стратоплана нет, ни один самолет не поднимется на такую высоту и не имеет такой быстроты полета. На лету Шахова не снять. Хорошо еще, что столкновение невозможно — на такой высоте никто не летает. Он жив, пока летит, а летит — пока хватит горючего, то-есть сутки. Снизиться он не может. Никакие аппараты слепому полету не помогут, если сам летчик слеп. И при посадке он неминуемо разобьется вместе с машиной.

Если бы можно было набрать скорость километров восемь в секунду, то З-1 стал бы вечно носиться вокруг Земли, как ее спутник, преодолев земное притяжение. Но такая космическая скорость для З-1 недостижима. Да это и не спасло бы Шахова. Всего через сутки кончатся запасы кислорода, и Шахов задохнется.

Радио... но где же оно?.. Шахов шарит, находит аппарат, пытается давать сигналы бедствия. Задевает рукой за провода, питающие от аккумулятора лампы накала. Разрывает провода. С трудом находит, связывает, снова дает сигнал. Что-то портится в аппарате. Ощупью старается найти повреждение. Ему как будто удается еще раз оживить радиостанцию, но затем она безнадежно портится.

Последняя связь с миром оборвалась. Он — пленник стратосферы...

Который час? Сколько времени прошло с тех пор, как он летит „слепым“ полетом? Шахов бессильно откидывается на спинку кресла, опускает руки, задумывается. Глаза болят нестерпимо, — словно они выжжены раскаленным железом... Встает, находит воду, промывает глаза — не легче. Снова садится в кресло. Тишина... неподвижность... слепой полет навстречу смерти!

Проходит час за часом. Шахов сидит молча, подавленный. Где он летит сейчас? Быть может — над Америкой, а может быть уже над Атлантическим

океаном, приближаясь к берегам Европы... День или ночь?..

...Нет, это невозможно! Надо что-то делать, искать спасения... Жажда жизни берет свое. Шахов поднимается. В движении, в действии он хочет найти выход напряжению нервов. Надо узнать, работают ли еще дюзы... Шахов пробирается в машинное отделение. Щупает руками стенки дюз. Несмотря на термоизоляцию, во время работы дюз стенки бывают теплыми. Но сейчас они холодны. Дюзы не работают и уже успели остынуть. З-1, быть может, уже летит камнем с головокружительной высоты... Бензин в баках еще должен быть. Надо запустить моторы... Это он сможет сделать и вслепую...

Загудели! Работают без перебоя! Очевидно, стратоплан уже в тропосфере. Спасает идеальное автоматическое управление — машина сама выправляется. А вдруг она перейдет в штопор? Сумеет ли аппарат самостоятельно выйти из штопора? Расчеты говорят — да, но что окажется на деле? А стратоплан начинает покачивать... Что делать?

...Остается одно — „вслепую“ выбраться на парашюте...

И Шахов лихорадочно начинает готовиться к смертельному прыжку. Привязывает парашют, раскрывает окно... Чувствует, как ледяной ветер жжет лицо и руки...

5. «А ЗЕМЛЯ-ТО КРУГЛАЯ!»

Вконец истомленный, Барташевич, не раздеваясь, свалился на кушетку и тотчас уснул.

— Вставай! — будил его Зубов. — Шахов летит!

Барташевич поднялся и тупо посмотрел на Зубова.

— Говорю тебе, летит! Получено от него радио. Идем скорей на аэродром!

Радостно-взволнованные, ввалились они на автомобиль и помчались к аэродрому, глядя на восток, откуда должен был появиться стратоплан.

На аэродроме они полчаса напрягали зрение и слух. Неожиданно рокот моторов послышался с запада. Скоро появился и З-1. Он быстро снизился и сел „по-шаховски“ — без единого прыжка.

Зубов и Барташевич побежали к стратоплану. Дверь открылась, по выкидной лесенке быстро спустился Шахов и направился к ним уверенной походкой со

своей обычной, спокойной улыбкой. Крепко пожал им руки и кратко рассказал им о том, что случилось с ним в пути.

— Я уже совсем приготовился к прыжку, как вдруг прозрел. Да, зрение вернулось ко мне так же неожиданно, как появилась слепота. Я самоопределился и, к удивлению, увидел, что нахожусь в сотне километров на запад от Свердловска.

— Почему же к удивлению? Стратоплан ведь летел без управления и мог сбиться с курса.

— В том-то и дело, что он не сбился с курса. Аппараты показали мне, что он все время летел по прямой на восток.

— А земля-то круглая, и, вылетев из Свердловска в восточном направлении, ты вернулся в Свердловск же с запада!.. — воскликнул Зубов.

— Облетев весь земной шар, — уточнил Барташевич. — Стратоплан выдержал экзамен, хотя и не выполнил задания — опуститься в Хабаровске. Но что случилось с твоими глазами? Мы уже все передумали, а о такой простой вещи, как болезнь, не подумали — уж очень ты здоров. Сейчас-то ты хорошо видишь?

— Отлично, как всегда. А что было с моими глазами — сам понять не могу. Быть может, это действие космических лучей. Ведь, в конце концов, никто еще не летал на такой высоте...

— И с такой скоростью, — прибавил Зубов. — Влияние таких скоростей также еще не изучено.

— Да, факт тот, что зрение вернулось ко мне, когда я опустился в тропосферу.

К стратоплану сбегались рабочие — его строители. Пришел и старший мастер Бондаренко, пришел и друг Шахова — молодой ученый Меценко. Шахову пришлось еще раз рассказать историю своей внезапной слепоты и выздоровления.

— Ты все-таки сходи к доктору, — посоветовал Бондаренко.

— Ни к какому доктору ходить не надо! — возразил Меценко. — Каюсь, я виноват! Моя оплошность!

Все посмотрели на него с недоумением.

— Помнишь, Шахов, — продолжал Меценко, — в день отлета я пригласил тебя в свою лабораторию — показать мои работы, похвалиться своими достижениями?..

— Ну и какое же это имеет отношение?

— Увы, самое близкое! Я показал тебе фотоэлементы и разные лампы... Между ними была одна с сильными ультрафиолетовыми лучами. Ты заинтересовался моими работами, и я часа два тебе рассказывал. Мы стояли как раз возле этой лампы. Я увлекся и не обратил внимания, а ты, слушая, вероятно, все время смотрел на свет лампы. Ну и получил поражение глазных нервов. Невидимый ожог, коварный уже тем, что обнаруживается он только через несколько часов. При сильных ожогах временно теряется зрение, восстанавливается же оно только через несколько часов. Да, моя оплошность!

Барташевич поднес к лицу Меценки кулак и полусхотливо-полусерьезно выругался по-украински.

— И какие же теперь выводы, товарищи?— спросил он.— Первое — летчикам перед полетами не заглядываться на лампы ультрафиолетового цвета.— И он заложил палец.— Второе — никогда не отчаиваться, не терять надежды на спасение, как бы положение не казалось безнадежным...

— Третье — никогда никого не подозревать без достаточных оснований,— вставил Зубов.

— Так ведь были ж основания, и не малые,— возразил Барташевич.— А в общем живем, Шахов? Шах королю!

„Где я лечу сейчас?“— думал Шахов,— может быть над Америкой, а может быть даже над Атлантическим океаном?“

Край, делающий свою историю

Очерк А. БАРМИНА

Рис. Д. Никитина

Здесь ягоды собирают с костром на спине. В ржавом ведре тлеют еловые шишки. Нагибается человек за черникой, за сизой голубикой, а горький дым ходит клубами вокруг него и отгоняет комаров, мошку и прочий „гнус“. Иначе нельзя — и ягоды не сорвешь, заедят.

Маленького ребенка опасно оставить без присмотра или без дымного костра около. Налетят тучи „гноса“, забьют рот, нос, глаза, закусуют насмерть.

Да что ребенка, — иной раз и медведя одолевают комары да мошки. Взбесится ослепленный зверь, с распухшей мордой кинется бежать, куда и глаза не глядят, да и грянет где-нибудь с высокого обрыва на камни. А великаны-лоси забираются от гноса в воду и стоят голодные, хлопают большими ушами — на два километра хлоп слышно.

Это летом.

А зимой здесь лютуют морозы. Вся тайга прячется под теплое одеяло снега. Глубок здесь снег и рано выпадает. А потом начинается: сорок градусов, сорок пять, пятьдесят. Без конца тянется зима. Еще в мае, когда лесорубы выберутся в верховья речек валить ели и возить их на лед к весеннему сплаву, вдруг вернутся с севера вьюги и стужи. Не редкость — тридцатиградусный мороз в „веселый месяц“ май.

Если б не снег, вымерзли бы все корни растений и не цвели бы летом по лесным полянам розовые пионы, громадные душистые цветы — зависть любой оранжереи.

Летом леса на Северном Урале, как зеленый океан. Глубины их неизведаны и опасны. Неисчислимы ели, сосны, пихты, длиннохвойные кедры, белые березы разливаются по обе стороны Уральского хребта. Ни дорог, ни городов. Редко-редко пробирается по безлюдной тайге какая-нибудь экспедиция — охотничья, геологическая, лесная. Идет с опаской, медленно через бурелом и валежник, через лесные болота.

В 1913 году ушла из Усоля на север лесоустроительная партия: лесничий, техники, рабочие — всего тридцать пять человек. Ис тех пор ни один не вернулся.

Ныробский лесообъездчик мне говорил:

— На этом участке я лесником служил пятнадцать лет, да вот уж семь лет объездчиком, а конца своему участку не знаю, никогда не доезжал. Только манси с их собаками могут леса насквозь пройти и не заблудиться.

На карте Северного Урала, очень неточной, кстати сказать, редко разбросаны кружки, обозначающие деревушки. И все по берегам рек. Кружками же обозначены такие пункты, как „Юрта Мих. Укладова“, или „Два двора“, или даже просто „Изба“. Это потому, что больше и помещать на карте нечего. Если не наносить юрты и избы, то будет сплошная зеленая краска — лес.

Живет здесь лесной народ манси (вогулы). Все манси прирожденные охотники. Их поселки — „паули“ — далеко разбросаны один от другого — нельзя охотникам селиться тесно. Каждому нужно большое охотничье угодье. Впрочем, если бы весь народ манси поселился в одном месте, получился бы только средней величины городок. И в нем собак было бы столько же, сколько людей.

Есть здесь и русское население. Это потомки беглецов из России, главным образом из Новгорода. Они сохранили старинный певучий язык с множеством непонятных слов. „Че ино лопотину-то не скидавашь? — пропоеет тебе вишерская старуха. — Не глянется у нас, ли че ино?“

Ну молодежь хоть тоже выпевает голосом, но у нее новые песни: спрашивают про радио и про калий. Даже о московском метрополитене слышали, хотя понять не могут: зачем лезть под землю, когда поверху такой простор — идишь, идишь, за неделю человека не встретишь.

Дорог здесь нет. И хорошо еще, что сквозь лесные дебри текут реки — они-то и заменяют дороги. Здесь в гости едут в лодке, на сенокос — в лодке, на перевыборы совета съезжаются в лодках же. По воде передвигаться легко, особенно вниз по течению: сама тащит и не заблудишься. И плывут по Колве, по Вишере, по Вижаю узкие долбленные из осины „душегубки“.

Вот бородатый, похожий на древнего витязя, старик-вишерец расчетливо, неторопливо рулит кормовым веслом на перекатах и порогах. Везет мешки кедровых орехов в Чердынъ.

Вот охотник-манси в унтах из оленьей шкуры отчерпывает воду берестяным черпаком.

— Эй, товарищ, куда поехал?

— Камершески клеп.

Далеко ему плыть. Только в Красновишерске есть ларек с коммерческим хлебом.

А вот против течения взбирается моторная лодка. Геологи едут. Моторка стучит, дымит серым керосиновым дымом и смердит, как сто примусов. Встала моторка. На мели, что ли? Нет, глубины достаточно, да течение такое, что не побороть. Мотор работает во-всю, вода о борта разбивается в пену, а лодка ни с места. Команда и пассажиры берутся за багры. С трудом протыкая упругую воду, упираются в дно. Багры дрожат, гнутся, как живые, в моторе рвутся шесть лошадиных сил — и только-только не сносит лодку назад. Вот она, Вишера!

Из-за поворота показывается новая душегубка. Она идет на шестах против течения. Две женщины в ярких платьях. Одна на носу, другая на корме. Обе враз выдергивают шесты, обе враз упираются. Легкая долбленка, как щука, вперед рвется от каждого толчка. Мигом моторку объехали, только и успели улыбнуться насмешливо... Это почту везут в Усть-Улс.

Есть на Вишере Писаный камень. Это целая гора, высотой с десятиэтажный дом, которая отвесно обрывается в реку. В одном месте из горы выступает узкий наклонный карниз, он начинается у самой воды и кончается вверху, на полугоре.

Писаным этот „камень“ назвали потому, что на нем видны изображения: разные фигурки и значки, сделанные красной краской. Должно быть, очень прочная это краска. Лет двести назад один пленный швед, попав на Вишеру, рисовал эти изображения. И сейчас на горе видны те же самые рисунки:

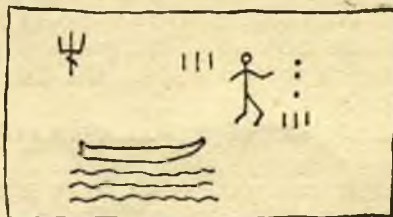
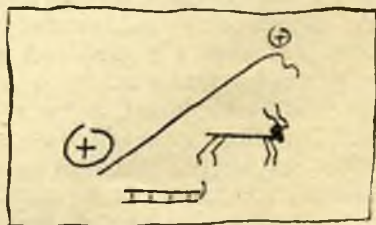
Душегубка идет на шестах против течения. Две женщины в ярких платьях. — Одна на носу, другая на корме — враз выдергивают шесты, обе враз упираются.

Я бы в них ничего не понял, да на мое счастье повстречался мне на Вишере Пушвинцев — краевед, лесовод и геолог. Он не то сдавал, не то принимал какие-то лесные участки.

Пушвинцев перевел мне картинку на понятный язык. Оказывается, левым рисунком увековечен спортивный рекорд, поставленный сотни лет назад.

Можно даже по фамилии назвать героя этого подвига. Кружок с крести-

— Вот именно это хороший пример: история всегда здесь ездила мимо, как и есаул Кольцо. Ну, проехал. Ручаюсь, что в такой же точно осинової душегубке, какая и вас везла. И так же варил уху из хариузов. Проехал, а леса остались. Белки по елкам. За белками манси охотятся... А потом и мимо ездить перестали — нашли другой путь в Сибирь, покорооче, поудобней. Совсем тупик образовался. Там где-то уж па-

Рисунки на вишерском Писаном камне.

ком это тамга (родовой знак) манси Бахтиаровых. Их потомки и сейчас живут на восточном склоне хребта. А хвостик сбоку тамги обозначает женщину. Значит, рекорд поставила женщина из семьи Бахтиаровых. Что же она сделала? Она въехала на нарте, запряженной оленем, на самый верх карниза и благополучно спустилась вниз.

Мне стала понятна старинная легенда, которую я слышал на Вишере, о мансийской княжне, полюбившей богатыря и брошенной им. Она, будто бы, запрягла в нарту шестерку белых оленей, завязала себе „шары“ (глаза), помчалась по карнизу и „сдунулась“ с обрыва в реку. Конечно, легенда должна быть всегда красивее были. Но только на шестерке оленей уж никак не въехать на узенький карниз.

На другом рисунке рассказана печальная история шести пловцов и трех собак, на которых напали разбойники.

Давно сделаны эти рисунки. Наверно еще до того, как проехал Вишерой есаул Иван Кольцо по пути из Сибири в Москву. А ведь это когда было! — Кольцо вез царю Ивану Грозному известие от Ермака о покорении сибирских городов.

Я спросил у Пушвинцева:

— Что же, изучает кто-нибудь из краеведов историю Вишерского края?

— Историю? — переспросил Пушвинцев и улыбнулся. — Да ведь нету у нашего края истории.

— Ну как нет? Вот все-таки Иван Кольцо...

ровоз, скажем, изобрели или телефон, а здесь все те же непроходимые леса да комары. Десять лет или сто лет — здесь все равно. Поверите ли, и сейчас некоторые охотники с кремневыми ружьями бродят.

Я вынул записную книжку и записал: „белки по елкам“.

— Начиналась однажды здесь история. Французы ее начинали. Это было в конце XIX века. Загремела, было, Вишера на весь мир. В верховьях, у самого хребта, золотоискатель нашел железную руду. Да какую! — почти чистое железо, лучший в мире железный блеск. В Париже образовалось акционерное общество, оно скупало рудники. На Кутиме построили домны, рабочие поселки, от Кутима до Вишеры проложили железную дорогу. В большую воду пароходы увозили железо на Каму. Народ сюда потянулся — казанские татары, пензяки, туляки. Ну, нашумели, навывпускали там, в Париже, акций, устроили какую-то биржевую штуку, да и прикрыли лавочку. Домны взорвали, рельсы сняли, пароходы увели. Народ, понятно сам разбился.

— Что же теперь в Кутиме?

— Опять лес вырос, молодой, пятого бонитета. Живет там одна семья — Ширинкины. Охотятся за белкой. Младший Ширинкин, как вернулся из Красной армии, женился на мансийсе, на Бахтиаровой. И ушел с манси за хребет кочевать.

— Да, — согласился я, — трудновато истории в ваших лесах.

Пушвинцев, видно, только этого и ждал. Он засмеялся торжествующе и показал на реку:

— Не было бы лесу, не было бы и новой истории. Вот она плывет, история... И уж не мимо. Видите?

Я посмотрел. По воде, толкаясь и переворачиваясь, спешили „баланы“ — еловые бревна. Заканчивался сплав, шла „зачистка“.

— А что тут весной делается!.. Ух ты!.. Бревен больше, чем воды. С берега на берег посуху перейти можно. И то сказать — Вишхимзу на год надо четверть миллиона кубометров. Вы были на Вишхимзе?

— Нет. Хочу на обратном пути осмотреть.

— Ну так я вам ничего не буду рассказывать. Посмотрите сначала Вишхимз.

И вот я на Вишхимзе — основном предприятии города Красновишерска. И завод и город одинаково молоды. Оба выросли в непонятно короткий срок — в семнадцать месяцев. Еще ни на одной карте не найти города Красновишерска. А он вот — передо мной. Настоящий город — с улицами двухэтажных домов, с парком культуры и отдыха, с гостиницей и больницей, с клубом и магазином. В парке у фонтана гражданин в шляпе читает газету „Красная Вишера“. У ларька на пристани — очередь за ком-

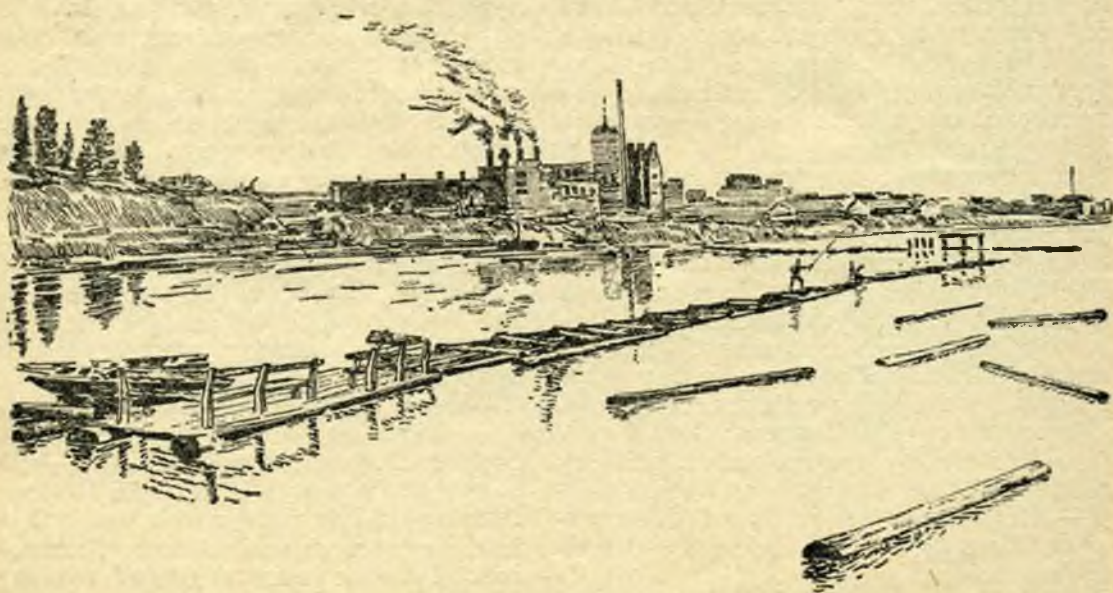
мерческим хлебом. Важно стоят, опираясь на палки, длиннородые, похожие на древних витязей, старики-вишерцы. Слышна певучая новгородская речь. „Цо-инооо!..“ „Не дают-де“.

Мало кто слышал о городе Красновишерске. Но бумагу, изготовленную Вишхимзом, знают многие. На ней печатаются романы и учебники. И этот очерк написан на бумаге из вишерской ели.

„Баланы“, плывущие по реке, не уходят дальше лесной биржи Красновишерска. Здесь они выползают на берег, взгромождаются в штабеля и ждут очереди, чтобы попасть либо в топки под варочными котлами, либо в самые котлы. Половина сплавного леса сжигается, чтобы из другой половины получилась плотная глянцевиная бумага.

Эго совсем не так просто — получить из дерева бумагу. Тысячи рабочих заняты в разных цехах бумажного комбината. Бревно надо распилить, ободрать с него кору, вырубить сучки. Потом оно попадает в урну, где в одну минуту превращается в мелкую щепу. Воздух засасывает щепу в трубы, несет вверх к котлам.

Котлы — громадны. Я поднимался из этажа в этаж, и все уходило от меня за потолок железная стена котла. Только в пятом этаже я увидел круглую крышку котла. Четырнадцать часов варится древесина. Потом откроют люки, и жидкая желтая кашлица хлынет в „сцезу“.

Вишхимзавод на реке Вишере.

Когда смотришь издали на трубы счежи в момент выпуска, то кажется, что густые белые облака пришли из-за гор и плывут над комбинатом. Я не раз принимал пар счежи за настоящие облака.

Дальше каша идет в цеха очистки и отбелки. В нее добавляют белую глину, канифоль, соль, глинозем, синьку. Наконец, каша стала видом, как сметана. Тогда она течет в зал получения бумаги. Жарко в нем. Воют моторы. И работает удивительная машина — длиной восемьдесят метров. Струя „сметаны“ льется на ее барабаны и на глазах превращается в бумагу.

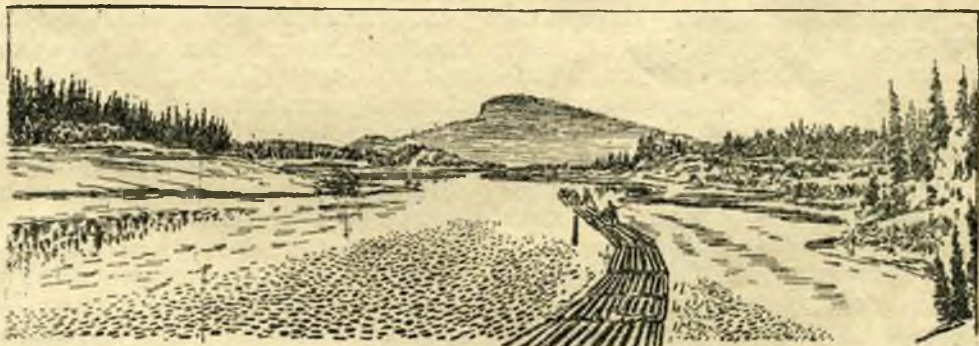
Машина капризничает, лента бумаги шириной в пять метров рвется, ее безжалостно срывают, бросают под ноги. Уборщица подхватила громадный белый ворох, раза в три больше ее самой, и легко несет куда-то.

Бегают мальчишки, похожие на цирковых фокусников, снова запроваляют

ленту. Но руку не сунешь на пять метров между барабанами. И мальчишки дуют на оборванный конец сжатым воздухом из невидной в руке кишки. Бумага слушается, загибается вверх, льнет к барабану, и опять идет непрерывная белая полоса горячей бумаги.

В конце зала бумага свертывается в рулоны или складывается в кипы и идет в паккамеру. Ящик за ящиком выкатывают из паккамеры на тележках, а чудесная машина готовит все новые порции. В минуту она изготавливает сорок пять килограммов — это тысяча печатных листов. За год дает двадцать тысяч тонн.

От пристани Красновишерска уходят пароходики и баржи — они везут бумагу для типографий Союза. Торопятся пароходики — надо успеть вывезти запас бумаги до мелководья. Река обмелеет — и стоп. Ни в город, ни из города. Кроме реки Вешеры, других дорог в крае нет.

Река Вишера вблизи Красновишерска

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ УРАЛА

ОЧЕРК М. КАШЕВАРОВА

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Было время, когда Зауральская равнина была заселена другими народами. Памятниками о народах, обитавших в нашем крае, служат городища, многочисленные курганы и предметы, находящиеся в этих курганах, географические названия и некоторые строки греческих, арабских и других историков и документы русских правительственных учреждений, относящиеся ко времени русской колонизации Зауралья.

Географические названия Зауралья состоят из смеси слов финского, тюркского и русского корней. Финские и тюркские названия, переведенные на русский язык, служат дополнительными указаниями на то, кто действовал на сцене зауральской старины. Интересно то, что чем дальше на север, тем меньше можно встретить тюркских названий; там преобладают названия мест, составленные из слов финских корней, с окончанием, главным образом, на „ва“, „ма“, „га“. Наоборот, большинство названий крупных географических мест южной части Зауралья, составляющей бассейн притока реки Оби — Тобола, имеют тюркские корни. На долю русских досталось только дать названия более мелким урочищам. Так, названия рек: Ольховка, Березовка, Каменка, Мокрая, названия озер: Коровье, Подвальное, Подборное и ряд других названий не требует доказательства их русского происхождения.

Даже беглое знакомство с географическими названиями Зауралья говорит нам о том, что на равнинах его издавна обитали народы финской или уральской семьи монгольского племени и постепенно оттеснялись на север народами алтайской семьи того же племени, и, наконец, среди моря русских колонизаторов Зауралья образовались маленькие этнографические островки из манси, пермяков, татар, башкир и других народностей. То, что в русском языке остались географические названия тюркского и финского корней, подтверждает,

что на первых порах русские жили совместно с прежними насельниками края.

Появление названий урочищ в нашем крае на тюркском языке относится к кочевой жизни тюркских народов. Весь круг слов пастушеской группы народов ограничивался хозяйственными ее потребностями. Простейшие сочетания слов, определяющих пастушеские понятия, остались нам в наследство от этих времен. Слова: есть, вода, озеро, пища, лошадь и другие, в соединении с прилагательными и глаголами, — составные части названий.

Судя по географическим названиям, татарам была известна вся Сибирь, и она в их понятии представлялась в виде человеческого тела, обращенного головой к западу.

Земля на татарском языке выражается словом „джир“ или „йр“ (мужчина — просто „ир“). Слово „йр“ является составной частью очень многих названий.

Это слово мы находим в словах: башкиры, Ирбит, Иртыш, Иркут.

Народ башкиры, занимающие территорию на самом западе татарской населенности, в переводе на наш язык означает: голова (баш) земли (ир), Ирбит — земли (ир) лицо (бит), Иртыш — земли (ир) зубы (тешь), Иркут — земли (ир) задняя часть (кут).

Хорошая или плохая земли — тоже находят свое отражение в географических названиях. Возьмем Катарач. Этим именем называются две речки в системе реки Пышмы, одна в Камышловском, другая в Талицком районах. Разложив слово Катарач, получаем: каты — твердый, ир — земля, ач — голодный.

Значит, земля по берегам этих рек не отличалась плодородием и как твердая, неплодородная земля не могла служить местом для пастбы табунов кочевников. Вблизи же от этих мест находим названия: Ирюм — мягкая земля, от слов: ир — земля и юшмак — мягкий; Ертарское, от слов: ир — земля, тар — узкий, что предполагает узкую полосу земли между двумя водоемами или узкую лесную поляну; Балаир, от слов:

бол — мед, ир — земля. Один из правых притоков реки Тобола носит название Суер, что значит — водянистая земля. Думается, что и название Урал содержит в себе эту частицу и произошло от слов: ир — земля, ал — золото.

РЕКИ И ОЗЕРА

Все крупные реки южной части Зауралья имеют тюркские названия. Рек и речек с названиями тюркского корня в Зауралье насчитывается около сотни.

На татарском языке „су“ значит — вода. С прибавлением этой частицы можно привести несколько названий. Так, не могло быть случайным название притока Исети — Суварыша. Если предположить, что буква „б“ перешла у русских в „в“, то Суварыш можно разложить на три слова: су — вода, бар — есть, ыш — работа, что будет значить „быстрое течение воды“ или вода течет. Название речки Шувакиш разлагается также на три слова, первое и последнее из которых содержится в названии предыдущей речки. Здесь „су“ искажено в „шу“, а татарское гортанное „а“ при выговоре слова русскими сопровождается прибавлением впереди буквы „в“. Слово „эш“ в Суварыше искажено в „ыш“, а в Шувакише в „иш“. Таким образом разница в названии Суварыш и Шувакиш заключается только в среднем слоге, а все слово можно перевести, как „вода белая работает“, т. е. вода белая течет. Название речки Суэтка произошло от слов: су — вода, эт — собака, собачья вода, а название речки Суяз, в районе города Троицка, от слов: су — вода, аз — мало.

Приведем еще ряд географических названий с объяснением их происхождения.

Карабаш и Башкарка, от слов: кара — черный, баш — голова.

Бутка — каша, смешанная с густой грязью вода.

Маук: май — масло, юк — нет.

Сарабайка, от слов: сара — желтый, бай — господин.

Ук — нет, тус — соль. С названием Уктус существует еще село, расположенное на одном из притоков реки Тобола, в бывшем Ишимском округе.

Тобол — от слов: туб — дно, ал — золото.

Берсуат: бир — дай, су — вода, ат — лошадь.

Караболка — черный мед (бол).

Картубай: кара — черный, туб — дно, ай — луна.

Исеть — от слов: ис — запах, эт — собака, собачий запах.

Канаш — приток реки Исети, впадающий в нее в одном километре ниже Шадринска, происходит повидимому от слов: кан — кровь, аш — пища.

Кровь, не выпущенная при резке лошади, дает красную окраску сваренному мясу.

ОЗЕРА

Наблюдается в Зауралье и обилие озер с тюркскими названиями.

В тех местах, где встречаются озера с тюркскими названиями, нет никаких признаков татарского жилья. Разберем коротенько названия нескольких озер. Слово „куль“ (озеро) в некоторых названиях искажено в „гуль“, а в других в „киль“, но такие названия встретятся редко, в особенности последнее искажение можно обнаружить только в названии озера Бишкиль, что значит — пять озер.

Довольно часто встречается название озер Теренкуль. Слово „тирян“ — глубокий. С этим названием существует два озера в Новосельском сельском совете, Камышловского района, по одному озеру в Исетском, Бродокалмакском и Подовинском районах. Существует еще другое определение глубокости озер, выраженное в названии озера Тюбук. Тюб — дно, юк — нет. „Дна нет“, — говорят о глубоком озере русские.

Название села Тамакул (Далматовский район) происходит от слов: томак — горло, куль — озеро. При таком объяснении озеро должно иметь продолговатую форму с пережимом посредине, при чем не нужно брать теперешнюю форму, так как село заведено при озере того же названия в 1686 году, и за 250 лет очертание берегов значительно изменилось. С названием Тамакул есть одна деревня в Каргопольском, а другая в Викуловском районе.

Касаргуль — два озера в Катайском районе, в отличие одного от другого называемые Большим и Малым Касаргулем, — происходит от слова „гусь“. Потатарски гусь называется „каз“. Множественное число на татарском языке выражается приставкой в конце названия предмета частицы „лар“. Название озера должно выговариваться Казларкуль, т. е. гусиное озеро.

В названии озера Беликуль (Щучанский район) — бели от слова биль — поясница. Название это предполагает, что это озеро лежит между окружающими озерами или, иначе говоря, должно быть поясным.

Еще ряд названий озер можно объяснить так:

Шуранкуль — щучье озеро, от слова чуртан — щука.

Иткуль — мясное озеро, от слова ит — мясо.

Каракуль — черное озеро.

Чебаркуль — пестрое озеро. Чубар — пестрый. Пестрое озеро может быть названо от камышей, которые окаймляют его берега, или рассеяны по островам среди озера.

Олакуль — полосатое озеро. Полосатость озера можно объяснить расположением камышей полосами.

Эткуль — собачье озеро.

Сунгуль — последнее озеро.

Акчакуль — денежное озеро.

Сарыкуль (Троицкий район) — желтое озеро.

Кошкуль — птичье озеро.

Но есть и такие названия озер, в которых отсутствует частица „куль“. Возьмем Куяш — солнце, Уктус — нет соли, несоленое озеро; Шарташ, от слов: сары — желтый, таш — камень, Алабуга (Щучанский район), окунь-озеро.

ГОРНЫЕ БОГАТСТВА

Горы в Зауралье обозначены так же тюркскими названиями. Названия, начинающиеся или оканчивающиеся словом „тау“, обозначающим гору, можно найти повсюду, начиная от Волги до Байкала.

Алтай — золотая гора, Сары-тау (отсюда Саратов) — желтая гора, Жука-тау (Саткинский район) — тонкая гора, Яман-тау (на Южном Урале) — плохая гора — говорят нам о распространенности этого названия. Названий, имеющих составной частицей искаженное название горы, у нас в Зауралье насчитывается около десятка. Так, в пределах Камышловского района в речку Дерний впадает маленький ручеек, называемый Имандай. В данном случае, иман переделано русскими из татарского слова „яман“ — плохой, а дай — из „тау“. Берег речки Дерния в этом месте несколько выше, чем в других местах, и открыт для ветров. Может быть этим и объясняется плохое качество, приписываемое горе своим названием. В Верхотурском районе есть

речка Актай — белая гора. Название станции Таватуй разлагается на три слова: тау-ат-уй. Второе слово „ат“ обозначает название лошади, третье — мысль. Переведя все это на русский язык, получим: гора — лошадь — мыслящая, или, вернее, гора умной лошади.

Слово „ал“ (золото) пестрит в географических названиях не только Зауралья, но и всей Сибири. Алапаевск — от слов: ал — золото, апай — хозяйка, приветливая женщина; Алтын-ай (озеро в Сухоложском районе) — золотая луна; Урал — земля золотая; Алтай и многие другие названия проливают свет на знакомство татар с таким драгоценным металлом, каким является золото.

В некоторых случаях географические названия могут явиться указателем природных богатств нашего края. Для примера возьмем название лога Барташ, по которому течет пересыхающая речка того же названия, приток речки Крутихи, впадающей в реку Исеть в пределах Далматовского района. Бар — есть, таш — камень. Только при тщательном знакомстве с местностью можно дать правильное толкование этому названию. Оказывается, что верховья этого ручейка подходят к селу Першинскому, где в большом количестве залегают кварцевый порфир. Этот камень, залегающий в земле, и послужил названием для определения местности. Не говорит ли о наличии железной руды название речки Темир-Куба, в Нагайбакском районе? По-татарски темир — железо, куб — много.

КОЧЕВОЙ БЫТ

Лошадь в хозяйственном быту татарина-кочевника играла большое значение. На лошади татарин совершал свои кочевые переезды в поисках лучших пастбищ; мясо лошади кочевник употреблял в пищу; из молока кобылиц он приготовлял живительный напиток — кумыс. Неудивительно поэтому, что слово „ат“, т. е. лошадь, является составной частью многих географических названий нашего края.

Атлыкуль — лошадиное озеро (Каменский район). Сугат, урочище в Камышловском районе, происходит от слов: сук — бить, ат — лошадь. Атяш, Большой и Малый, в Ольховском районе — от слов: ат — лошадь, аш — обед, т. е. обед, приготовленный из лошадиного мяса. Озера Сараткуль и Параткуль, в

том же районе, имеют разницу только в первых словах: пара—две и сара—желтый, второе слово в обоих названиях—лошадь, а третье куль—озеро. Калата значит: саврасая (кола) лошадь (ат). Речка Аткуб, вблизи Карабаша,— лошадей много.

В быту кочевника-тюрка корова не была распространенным животным, поэтому в географических названиях корова, по-татарски „сыйр“, не отражена. Овца у татар не играла также большой роли, поэтому название ее „сарык“ обнаруживается только в названии Аксариха (речка в Камышловском районе), ак—белая.

Стоянки после кочевых переходов также отражены в названиях урочищ. Так, слово: ял-утур (Ялуторовск) обозначает в переводе на русский язык: „отдых—садись“.

При отсутствии поселений кочевники-татары делали запасы из продуктов растительных. Не имея возможности возить с собой запасы, они оставляли их в условленном месте, в пределах своего кочевья, зарывая в землю. Яма, приготовленная для хранения продуктов, т. е. погреб, по-татарски называется „баз“, продукт питания—„азык“. Так по монастырским записям называлась вначале речка Басказык в Катайском районе.

Места по реке Исети и ее притокам служили очень удобным местом для татарских кочевий. Ко времени появления географических названий, водораздел реки Исети и Пышмы был границей между степью и лесом, следовательно, и границей снегов. Известно,

что в степи снега лежат тонким слоем и скоро стаивают, а в лесных местах снег лежит значительно дольше. Местность в 60 километрах к северу от Далматова, бывшие Четкаринский и Буткинский районы, и в настоящее время покрыты громадными лесными массивами, отчего и получается разница в климате. В дореволюционное время крестьяне окружающих Далматов селений, управившись со своими посевами, уходили на отхожие заработки в эти районы и успевали проработать еще 10—15 дней до окончания полной уборки хлебов. Поэтому название села Четкаринского переводится на русский язык как „сторона (чит) снега (кар)“.

Обилие речек с названием Шайтанка, от слова шайтан—чорт, говорит о том, что среди татар была развита вера в чорта. Речки с этим названием встречаются в Шадринском, Мехонском, Тагильском, Первоуральском, Висимском, Белозерском и других районах.

Разгадывать географические названия нерусских корней—вот интересная задача для уральских следопытов!

Общими усилиями они смогут раскрыть значение еще целого ряда, на первый взгляд ничего не говорящих, названий и тем пополнить древнюю, до-русскую, историю нашего края.

А разгадка названий, которые указывают на залегание полезных ископаемых, в иных случаях, может помочь георазведчикам в определении местонахождений этих руд или минералов.

КОМАНДОР БОБРОВОГО МОРЯ

Историко-географический рассказ Вл. А. Попова-Штарк

Иллюстрации В. Голицына

От кончика зазубренного ножа полуострова Аляски, врезающегося в самую северную часть Тихого океана, по направлению к камчатским берегам, полукругом тянется ожерелье островов.

Это ожерелье — Алеутские острова. Они настолько четко отделяют самую северную часть Тихого океана, что представляют собою как бы отдельное море. И называлось оно прежде Бобровым, а позже Беринговым морем.

Между последними островами алеутской цепочки, называемыми Ближними, и Нижнекамчатском — на берегу полуострова Камчатки, — оторванным звеном этой цепочки лежат знаменитые своими морскими бобрами и котиками Командорские острова: Медный и Беринга.

Они являются как бы ключом к Беринговому морю, а первый из них — местом

вечного успокоения знаменитого командора Беринга и многих его спутников.

Дальше, к северу, на рубеже двух великих материков Азии и Америки, находятся врата Арктики — Берингов пролив, разделяющий эти два материка. Вот место действия настоящего рассказа.

Витус Беринг, которого по-русски звали Иван Иванович, был родом датчанин и родился он в 1680 году в Ютландии, по профессии был моряк. В молодые свои годы он плывал в Остиндию. Петр I, набиравший в эпоху созидания своего флота чужеземных моряков, пригласил в 1704 году на службу в Балтийский флот молодого Беринга.

Больше двадцати лет прослужил Беринг в русском флоте, но ничем особенным не прославился. Это был честный служака и, как утверждают близко знавшие его люди, добрый человек, но отличался нерешительностью, как покажут дальнейшие его дела и поступки.

Вообще бывают исторические имена, которые звучат чрезвычайно громко и пользуются большой славой, а когда исследуешь жизнь и дела человека, имя которого окружено таким ореолом, то на проверку выходит, что слава эта совершенно не заслужена.

Таким ореолом пользуется имя Витуса Беринга, в честь которого названы и пролив, разъединяющий два великих материка, и самый северный бассейн Тихого океана, и бухта на западном побережье Аляски. Громки и славны географические полярные исследовательские экспедиции, происходившие под общим начальством Беринга, но, оказывается, что дело-то делали другие люди — участники экспедиций, имена которых незаслуженно забыты.

Помимо своей большой нерешительности, приводившей ко многим неудачам и несчастьям с людьми, вверенными руководством капитан-командора, Беринг

Витус Беринг

(Портретов Беринга не сохранилось. Имеется 2—3 апокрифических, написанных после его смерти. Здесь дан один из них)

проявил изумительное безразличие и невнимание к научно-исследовательской стороне этих экспедиций, что мы увидим также в дальнейшем течении рассказа.

1. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

Передовые для своего времени идеи Петра I, как известно, сложились главным образом под влиянием иностранцев. Немцы и голландцы были его первыми советчиками. Еще живя в Москве, в Немецкой слободе, юный Петр дружил в особенности с голландскими моряками и с жадностью слушал их рассказы о заморских странах.

Среди этих моряков находился голландский корабельный мастер Брандт, лично побывавший в Индии. Он особенно много рассказывал Петру об этой сказочной стране, которой бредили многие головы эпохи. Поэтому Петр рано оценил все политическое и торговое значение стран Востока и в течение своей жизни сделал целый ряд попыток отыскать кратчайший морской путь в Индию.

Однако на юге ни через Хиву и Бухару, ни через Персию водного пути, конечно, найти ему не удалось, а сухопутные дороги были затруднительны и опасны. Ведь не даром военная экспедиция в Индию Бековича-Черкасского, в которую было наряжено до двух тысяч солдат, была окружена и истреблена хивинцами.

Оставалось искать морские пути, а так как Петру были известны попытки англичан и голландцев найти этот путь на восток через Ледовитое море, он решил проникнуть в Индию через север.

Два кандидата в то время были у Петра, подходящих, по его мнению, для того, чтобы возглавить эту экспедицию: шведский моряк Вильстер и датский — Беринг. И тот и другой были способными и знающими дело навигаторами, но ни тот и ни другой не решались предпринять рискованного плавания северо-восточным путем, который в то время совершенно еще не был исследован. Да прежде чем снаряжать такую экспедицию, надо было еще убедиться сначала, существует ли на самом деле этот проход, а именно — соединены ли материка Азии и Америки или они отделены проливом.

И вот тогда возникла мысль снарядить две экспедиции: одну под начальством Вильстера через Балтийское море и Атлантический океан в Индию и Китай, а другую — под управлением Беринга для разрешения географической загадки о раздельности или слитности Азии и Америки.

23 декабря 1724 года последовал указ о снаряжении экспедиции Беринга, а 6 января 1725 года, за три недели до своей смерти, Петр собственноручно написал Берингу инструкцию. В ней говорилось, что следует построить на Камчатке один или два бота с палубами и отправиться искать соединения материков или же пролива, их разъединяющего. Эту инструкцию Беринг получил 5 февраля, уже после смерти Петра.

В состав этой первой камчатской экспедиции входили, кроме Беринга, лейтенанты Алексей Чириков и Мартын Шпанберг, мичман Петр Чаплин и свыше 60 человек матросов, солдат и мастеров разных цехов.

Алексей Чириков был один из лучших офицеров своего времени — образованный, умный, решительный и вместе с тем нечестолюбивый.

План экспедиции был таков: через Сибирь сухим путем до Охотска, отсюда через Охотское море на судах в Камчатку и дальше морем „проевдывать, соединяется ли Азия с Америкой“.

С большими трудами, лишениями и потерями в людях, конском составе и грузах только в январе 1727 года экспедиция прибыла в Охотск.

„Идучи путем,— говорит Беринг,— оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаную“.

Еще до приезда Беринга в Охотск здесь для экспедиции было построено судно северного беломорского типа, которое было названо „Фортуной“. На нем предстояло пересечь Охотское море и достигнуть восточных берегов Камчатки.

Но Беринг не решился обогнуть на нем мыс Лопатку, которым заканчивается полуостров, а вместо этого 30 июня 1727 года отправил „Фортуну“ с грузом продовольствия под командой Шпанберга в Большерецк на внутреннем охотском побережье Камчатки, с тем чтобы переволочь потом грузы наискось через самую широкую часть полуострова до Нижнекамчатска, на океанском берегу, на расстоянии 850 верст.

Эта операция была самая трудная, какую только можно было себе представить, а вместе с тем ее можно было бы избежать, обогнув Камчатку на „Фортуне“ с юга, мимо мыса Лопатки.

Шпанберг точно и в срок выполнил возложенное на него поручение и вер-

нулся в Охотск. Но дальнейшая переброска грузов через полуостров из Большерецка до Новокамчатска стоила многих человеческих жертв, а туземное население — камчадалов — начисто разорило: у них были отобраны все ездовые собаки под перевозку грузов. Собаки эти погибли от непосильного труда и лишений. Туземные охотники не только пропустили время для звериного промысла, но и надолго остались без своего единственного средства передвижения — собачьих упряжек. Для того, чтобы восстановить собачье племя, нужны были годы. Для прокормления же, одевания и обувания людей экспедиции у туземцев отнимали „сладкую траву“, кипрей, сарану, уток,

гусей, ушбанину, шкуры соболей и лисиц, куклянки, парки, а для подмоги — жен и детей. Камчадалы голодали и умирали, а некоторые из тех, у которых отнимали жен и детей, „давились, не стерпя таких обид“.

В январе 1728 года Беринг, пересекши Камчатку сухопутьем, прибыл из Большерецка на тихоокеанское побережье и 4 апреля приступил в Нижнекамчатске к постройке нового судна. Лес возили на собаках, смолу курили из лиственницы, покупали или отбирали олений, ловили рыбу сетями из волокна крапивы, вываривали соль из морской воды, гнали водку из „сладкой травы“, словом, основательно готовились к морскому походу.

8 июля 1728 года судно „Гавриил“ вышло из устья реки Камчатки в дальнейшее плавание с 40 человеками команды, погрузив годовой запас продовольствия. На борту судна находились Беринг, Чириков, Шпанберг. Курс взяли на северо-восток, держась в виду восточных берегов азиатского материка. Через 17 дней плавания открыли губу, которую назвали заливом Креста. На 23-й день открыли еще один большой залив, назвав его губой Преображения, где пристали к берегу и дополнили запасы пресной воды. На 25-й день подошли к новому заливу.

Здесь к судну приехали с берега на кожаных каяках восемь человек чукчей. От них через переводчиков-коряков, бывших на судне, Берингу стало известно, что они знают на море один остров, на котором живут люди их племени, но что о других островах и землях в море они не слышали.

Встреча с чукчами дала повод Берингу назвать большой мыс, мимо которого он шел, Чукотским носом. 10 августа Беринг увидел остров, очевидно, тот самый, о котором говорили чукчи, и назвал его островом Лаврентия.

Продолжая держать курс на север, Беринг незаметно вошел в пролив, отделяющий Азию от Америки. Он не видел и, повидимому, не очень интересовался увидеть то, что лежало по правую сторону курса судна, но если бы он поинтересовался, то мог бы сделать открытие, давшее бы ему право назвать этот пролив своим именем — берегов Аляски.

Но этого не случилось, хотя ширина пролива имеет всего 75—92 километра, и до американского берега было, что называется, рукой подать.

К судну подъехали с берега на кожаных каяках восемь человек чукчей

Еще в 1648 году, за 80 лет до Беринга, спустившись в море по реке Колыме в лодке и пробравшись вдоль берегов Ледовитого моря, переплыл пролив и достиг берегов Аляски казак Семен Дежнев. Беринг же сделал заключение, что поскольку берега азиатского материка круто уходят на запад, то задача его выполнена: Азия не соединяется с Америкой... У Беринга нехватило одного, очень маленького, но необходимого свойства всех настоящих путешественников и мореплавателей — исследовательской искорки. Напрасно капитан Чириков, с которым Берингу в инструкции приказано было „в плавании все чинить с общего согласия“, уговаривал его:

— Мы не можем знать о разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды. Того ради надлежит нам непременно по силе данного указа итти к устью Колымы.

Необходимо заметить, что лето 1728 года было исключительно благоприятно для плавания в проливе. Он был чист ото льдов. Но Беринг решил, что, пройдя более 200 миль к северу от Чукотского мыса и не увидев берегов ни на востоке, ни на западе, — с него довольно. К тому же он боялся быть застигнутым полярными льдами, которых еще нигде не было видно... Поэтому 16 августа этого же года он решил повернуть обратно в Нижнекамчатск, чтобы там зимовать. На возвратном пути наткнулся на острова Диомиды, лежащие в самом горле пролива.

— Берега Америки не столь далеко отстояли от Камчатки, — твердили ему во время его зимовки местные промышленники. И у Беринга затеплилась робкая мысль достигнуть их в навигацию следующего года. И действительно, приблизительно через один год, 5 июля 1729 года, Беринг вышел в море с намерением достигнуть американских берегов, взяв курс на юго-восток. Но, пройдя сотню миль... раздумал. Он усомнился, по замечанию Чирикова, в том, что „его слабое судно с дурным такелажем в состоянии было бороться с крепким ветром, подувшим на море“. Словно море только и доступно для плавания при легком игривом ветерке, лишь наполняющем парус!

Тем кончилась „первая камчатская экспедиция Беринга“.

1 марта 1730 года Беринг вернулся в Петербург. В своем донесении он говорит: „... а 15 дня того же августа пришли в ширину (широту) северную 67 градусов 18 минут. Рассуждал, что по всему видимому и по давней инструкции (все) исполнено, почему земля более к Северу не простирается, а к Чюкоцкому, или к Восточному углу земли никакой не подошло, и потому возвратился“.

Таким образом Беринг не решил до конца поставленную ему географическую задачу, ибо, как указывал Чириков, „мост“ между материками мог находиться где-нибудь к западу от того курса, которого держалось судно Беринга. А между тем для решения этой основной задачи экспедицией было потрачено ни больше ни меньше, как пять лет.

Интересно, почему же и кем был назван этот пролив, открытый не Берингом, а Дежневым, именем первого? Ведь сам Беринг ничего не напечатал о результатах своего первого плавания. По возвращении своем в Петербург, он представил лишь карту и краткий отчет, из которого мы заимствовали фразу, приведенную выше.

Оказывается, что эти два документа кружными путями попали в четырехтомное „Описание Китая“ французского миссионера дю-Гальяда, вышедшее в Париже в 1735 году. Несомненно также, что замечательный английский мореплавец Джеймс Кук имел эти или позднейшие сведения о первом плавании Беринга, потому что именно Кук, прошедший во время третьего своего плавания эти врата Арктики 50 лет спустя (в 1778 году) после беглого и поверхностного его осмотра Берингом, назвал и пролив и Бобровое море Беринговым проливом и Беринговым морем и под этим названием нанес их на карту. Но капитан Кук не знал, что не Берингу принадлежала честь открытия пролива, а казаку Дежневу.

2. БЕРИНГ ОПАЗДЫВАЕТ „ОТКРЫТИЕМ АМЕРИКИ“

К чести Беринга надо отнести то, что он сам сознавал скудность результатов своей первой экспедиции 1728 года, и, чтобы поправить дело, вскоре же по своем возвращении в Петербург составил и подал проект второй камчатской экспедиции. Как ни как, а ему все же хотелось „открыть Америку“. У него накопилось не мало данных, говорящих о близости этого материка от Камчатки.

Так, ему было известно, что вдоль берегов острова Карагин, лежащего у перешейка полуострова Камчатки со стороны Тихого океана, временами морским прибоем выбрасываются стволы огромных елей и сосен, каких нельзя встретить на Камчатке.

Туземцы острова Карагин утверждали, что этот плавник приносит обычно к их острову восточный ветер. И действительно, в эти широты (57—58° северной широты) выкидной лес может попадать только из устья реки Юкона. Проходя по лесистым областям Аляски, эта река выбрасывает в океан упавшие в нее деревья, а восточные ветры гонят их через море к берегам Камчатки и острова Карагина.

Известен был Берингу и рассказ туземцев о том, что в начале XVII столетия (в 1715 году) на Камчатке жил некий иностранец, который рассказывал, что он много лет назад приехал с несколькими земляками на кожаном каяке с земли, лежащей на восток от Камчатки. В этой земле есть большие реки, впадающие в океан, леса там огромные, а кедровые деревья высоки, и орехи на них гораздо крупнее камчатских. По высадке их на Карагинский остров, земляки его были убиты туземцами, а он сам, оставшись случайно в живых, ушел с острова на Камчатку.

Все это — большие леса, реки, кожаные лодки — указывали на Аляску и эскимосов.

Выставлял Беринг в своем проекте и другие мотивы для организации второй экспедиции: исследование Японских островов, устья реки Амура, берегов Сибири от Оби до Лены.

В апреле 1732 года последовал указ о снаряжении второй экспедиции на Камчатку, снова под общим руководством Беринга. На этот раз экспедиция была задумана широко, и в нее, наряду с моряками, вошел целый ряд ученых специалистов от Академии наук. В ней были намечены три основные группы, из которых каждой давались самостоятельные задания: одна — американская, другая — сибирская, третья — японская.

Во главе первой стояли Беринг, Чириков, а впоследствии к ней присоединился натуралист Стеллер.

Последуем за первой группой, так как нас интересует судьба Беринга.

Экспедиция была рассчитана на шесть лет и насчитывала до 570 человек участников. Отправилась она из Петербурга в феврале 1733 года.

Прошло семь лет со времени отбытия экспедиции из Петербурга, а Беринг еще не ушел в плавание, хотя давно уже находился в Охотске. Даже „черепашья“ Адмиралтейств-Коллегия, и та возмущалась медлительностью Беринга, ставила это ему на вид и лишила его добавочного жалованья.

Весною 1740 года в Охотске были закончены постройкой и спущены на воду два пакетбота — „Петр“ и „Павел“. Только о сенью, 8 сентября, суда вышли в море, и не прямо на восток, на розыски берегов Америки, а опять в Большерецк, а затем, обогнув Камчатку, — в Авачинский залив на океанском побережье, куда пришли лишь к началу октября.

Таким образом плавание, можно сказать, началось с зимовки в Авачинском заливе, в губе, представляющей собой лучшую гавань на Камчатке. Беринг и зазимовал здесь, назвав ее в честь своих судов Петропавловской. Впоследствии на месте зимовки экспедиции Беринга и возник известный город — Петропавловск-на-Камчатке.

Но вот, наконец, и весна 1741 года. „Петр“ и „Павел“ выходят 4 июня в Бобровое море для выполнения давно поставленной перед экспедицией задачи. На „Петре“ находится сам Беринг и натуралист Стеллер, прославившийся впоследствии открытиями в области „натуральной истории“; на „Павле“ — Чириков и ученый астроном Делильде-ла-Кройер.

Как только командор попадал в открытое море, так маятник его воли начинал раскачиваться все сильнее и сильнее. Вопреки убеждению всех участников экспедиции, что новые земли надо искать к востоку от Камчатки, Беринг отдал распоряжение взять курс на юго-восток для поисков заведомо фантастической земли Гама, существование которой опроверг еще два года назад своим плаванием соратник Беринга — капитан Шпанберг, который, выполняя задания своей группы, ходил к Японским островам. Спутники Беринга приписывали впоследствии все дальнейшие неудачи своего плавания этому неправильно выбранному курсу.

Беринг шел впереди на „Петре“, имея на борту 77 человек команды, за ним, милях в пяти позади, следовал на „Павле“ Чириков с 75 человеками команды. Но с полудня 6 июня Беринг приказал Чирикову переменить места и вывести „Павла“ вперед, как будто отда-

вая преимущество его навигаторской опытности, хотя судам не грозило никакой опасностью.

В последующие дни корабли часто меняли курс, пока, наконец, 20 июля, во время свежего ветра и тумана, не потеряли друг друга из виду.

Коллебаясь некоторое время, искать ли ему Чирикова или же продолжать свой путь, Беринг стал держать курс на восток — северо-восток и, так постепенно поднимаясь на север, оказался вблизи цепочки Алеутских островов и шел некоторое время вдоль них, не подозревая об их близости.

12-го, из боязни наскочить на берег, на „Петре“, по приказанию командора, стали на ночь убирать паруса и ложиться в дрейф. Это создавало, конечно, большую потерю времени.

Наконец, после полуторамесячного рыскания по океану, 16 июля с „Павла“ увидели впереди залив и горы, покрытые снегом. Среди них вздымалась одна величественная гора. Эта вершина, названная Берингом горой Илии, — одна из высочайших гор Северной Америки. Окружающие командора приветствовали его с новым географическим открытием, но Беринг, оставшись после этого наедине с своими ближайшими сотрудниками, меланхолично заметил:

— Мы не знаем, где мы, как далеко от дому и что вообще ожидает нас впереди...

Впоследствии было установлено, что земля эта оказалась лесистым и низменным островом Кадьяк.

Страстный натуралист Стеллер загорелся желанием исследовать природу новооткрытой земли, на которой до их прихода не ступала еще нога европейца. Однако командор не только не проявил никакого интереса к этому, но даже воспротивился. Лишь после крупной ссоры, в которой желание Стеллера было поддержано офицерским составом, Беринг, скрепя сердце, разрешил ему сойти на берег всего только на шесть часов.

Тем не менее Стеллер успел за этот короткий промежуток времени собрать 160 видов растений, увидеть следы пребывания людей по остаткам их пищи и костров, на которых она приготовлялась, по срубленным на топливо деревьям. Он сумел даже определить по манере рубить деревья, что здесь жили туземцы, стоявшие на низкой ступени культуры, так как топоры у них были, очевидно, каменными или костяными. По снятой с деревьев коре он заключил, что невдалеке должно быть человеческое жилье. И действительно, углубившись в лес, нашел лужайку со скошен-

Несмотря на краткость времени, Стеллер успел собрать сто шестьдесят видов растений.

ной травой и прикрытый травой длинный и широкий ров-землянку. В ней оказались лукошко из коры с копченой рыбой, „сладкая трава“, очищенная кропива для плетения из ее волокон сетей, высушенная и свернутая заболонь лиственницы, служащая пищей в случае голодовки, связка веревок из длинной морской водоросли, несколько охотничьих стрел и т. д.

Все эти находки и наблюдения были чрезвычайно интересны и давали богатый материал для заключений о том, какое племя населяло остров и каков характер островной природы. Одному лишь Берингу все это было глубоко безразлично. Несмотря на то, что пытливый натуралист послал на корабль, который, стоя у берега, запасался пресной водой, казака, сопровождавшего его, с поручением передать командору собранные коллекции растений и предметов, Беринг приказал передать Стеллеру приказание немедленно вернуться на судно, угрожая тем, что если он не исполнит приказания, „Петр“ уйдет без него.

С чувством горькой и справедливой горечи отмечает Стеллер в своем дневнике, что на подготовку экспедиции было потрачено десять лет, а на научные исследования ему было предоставлено всего-навсего шесть часов, растянувшихся на десять часов, — „якобы только для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды приходили“.

Это равнодушие Беринга к научной работе экспедиции было тем более непонятным, что даже в инструкции, имевшейся у него, значилось, что он должен проведать и всесторонне исследовать новые земли и завести сношения с туземцами.

Сам Беринг мотивировал поспешность отступления от почти достигнутой цели тем, что при возвращении к берегам Камчатки их „может быть не пустит назад дасатный ветер, земля же нам незнакомая, а для зимовки нехватит провианта“. Не возбудили его любопытства и другие важные сведения, которые привез второй обследовавший остров человек — мастер Хитров, спущенный на берег в шлюпке с пятнадцати матросами.

Хитров, вернувшийся через час после вынужденного возвращения Стеллера, доложил, что нашел между островами безопасную бухту и что на одном из островов, вблизи материка, наткнулся на покинутое туземцами жилище, плотно

сколоченное из бревен и обшитое толстыми строгаными досками, и в нем целый ряд интересных предметов туземного обихода. Это была индейская „барбора“.

Рано утром 21 июля, не наполнив даже всех имевшихся бочек свежей пресной водой, Беринг приказал сниматься с якоря. Проблуждав дней двадцать вдоль американских берегов и наткнувшись на несколько островов, 10 августа он решил двинуться в обратный путь. К этому времени на „Петре“ имелось уже 26 человек больных цынгой, которой заболел и сам командор.

Пользуясь кратковременными остановками у этих островов, Стеллер собрал противоцинготные травы, как например ложечную траву, горечавку и др., и просил дать ему матроса, чтобы сделать запас этих растений для больных, но и в этом ему было отказано.

У последнего острова, по названию Нагай, было приказано добрать воды. Стеллер, ловивший время для своих научных наблюдений, увязался с матросами. Он заметил, что они брали воду из плохого источника и указал на другой, находившийся поблизости, с хорошей водой, но этому никто не придавал значения.

Обо всем этом мы рассказываем для того, чтобы понять причины трагического финала этого последнего плавания Беринга, о котором будет речь впереди.

И вот началось это, тоже непродуманное до конца, плохо подготовленное отступление. Уже в это время намечались все трещины в составе экспедиции, приведшие ее на край гибели.

! КТО ЖЕ ОТКРЫЛ ПОДЛИННУЮ АМЕРИКУ?

Но какова же была судьба Чирикова, с которым Беринг разошелся в море? Ведь оба корабля — „Петр“ и „Павел“ — являлись частями одной американской экспедиции Беринга.

А с Чириковым произошло за это время вот что.

После нескольких дней поисков „Петра“, Чириков решил продолжать путь далее на восток. 11 июля он увидел в море признаки близости материка: стали попадаться плавающие деревья, ветви, тюлени, береговые утки. И на самом деле, на рассвете 15 июля под 55° 21' широты, Чириков увидел высокие горы и леса.

Это была не островная Америка, на которую наткнулся Беринг, а „подлинная Америка“, и мыс, впоследствии названный именем Чирикова — этого опытного, хладнокровного и решительного моряка, был материковый мыс.

Чириков „открыл Америку“ в то время как Беринг плутал между американскими островами.

Но и у Чирикова на „Павле“ развивались печальные события. Не найдя хорошей бухты для стоянки, Чириков послал для обследования берега сначала шлюпку с 10 матросами под командой штурмана, а когда она после нескольких дней ожидания не вернулась, то отправил вторую маленькую шлюпку с боцманом и 3 матросами. Не пришла обратно и она. Что случилось с первой и со второй — осталось вечной тайной. Возможно, что посланных убили индейцы.

Чириков напрасно прождал их возвращения целую неделю. Так как на борту „Павла“ не было больше шлюпок, ему пришлось идти дальше с убылью 15 человек команды.

Такая убыль рабочих рук на судне, где каждая пара была на учете, равнялась непоправимой катастрофе. Это лишило его возможности продолжить обследование американского побережья и в досталь запастись пресной водой. Пришлось собирать дождевую воду. Потом на море пали густые туманы, задули противные ветры, доходившие до степени урагана. Наконец, появилась все та же страшная болезнь — цынга. Заболело несколько человек матросов, астроном Делиль де-ла-Кройер, лейтенанты Чихачев и Плаутинг. Не избежала и сама капитан Чириков. Единственный навигатор, который оказался способным управлять судном, был штурман Елагин, но и тот болел цынгой. Ближайшие помощники Чирикова — два лейтенанта вскоре один за другим скончались.

Надо было иметь волю, выдержку и терпение Чирикова, чтобы при всех этих обстоятельствах спасти оставшихся людей и безошибочно привести судно обратно к камчатским берегам.

Мужественный капитан, не вставая уже со своей койки, все время делал необходимые вычисления курса и место нахождения корабля. 10 октября измученные, больные, голодные моряки сошли на берег в Авачинской бухте. Из 70 человек экипажа вернулось лишь 49. В этот

же день на берегу скончался астроном Делиль де-ля-Кройер. Чириков через некоторое время оправился и выздоровел.

4. НОВЫЕ БЛУЖДЕНИЯ БЕРИНГА

Вернемся теперь к судьбе Беринга и обратному плаванию „Петра“.

9 сентября, в тот день, когда Чириков находился еще у бергов Америки, на „Петре“ царило полное уныние. Еще

Наконец, задули противные ветры, перешедшие в ураган. „Павел“ штормовал

накануне. 8 числа, разразился сильный шторм, Беринг со своими помощниками усомнились в том, что им удастся вернуться на Камчатку, и склонялся к тому, чтобы остаться зимовать либо на американском материке, либо в Японии.

„Петр“ находился в это время у Алеутских островов.

Шторм все крепчал, достигая необычайной силы. В течение последующих недель Берингу не удалось ни на шаг продвинуться к Западу. За пятьдесят лет, что старый штурман „Петра“ Эзельберг плавал по морям и океанам, он, по его словам, не переживал такого шторма, который разразился 27 сентября. Каждую минуту на „Петре“ ждали гибели судна. Никто не был в состоянии ни стоять, ни сидеть, ни лежать. Людей швыряло, словно щепки, а корабль, лишенный

управления, носило по морю, „ровно как колоду, оставленную во власть волнам и ветрам“. Почти половина людей были больны и совершенно подавлены этой жестокой трепкой.

1 октября шторм все еще продолжался. В природе совершались необычайные и жуткие явления. Например, на кончиках мачт и острее бушприта появлялись танцующие язычки голубого пламени... Конечно, это было всего-навсего истечение земного электричества через остроконечия и разряжение его сильно напряженным противоположным воздушным электричеством (огни Эльма), но суеверные моряки сочли это явление зловещим предзнаменованием. Движение облаков было тоже необычайным: они мчались, как стрелы, в противоположных направлениях. Это были, конечно, верхние и нижние облака. Затем вокруг судна появились стаи акул, словно они почуяли верную добычу... Потом судно попало в шторм, сопровождавшийся попеременно то снегом, то крупой, то дождем.

Несчастные моряки стали готовиться к смерти в своей пловучей могиле, захлестываемой холодными волнами. Тем временем судно очутилось в группе Крысыных островов алеутской гряды. Печальное это было географическое открытие, и Берингу было не до него. Он уповал даже не на свой опыт моряка, а на „высшие силы“, просил собрать среди экипажа деньги „на построение храма“, в случае их спасения, на месте их камчатской базы в Авачинской губе, в то время как Чириков, находившийся в тех же условиях, полагался все же только на свой собственный опыт и знание морского дела.

Наконец, утром 14 ноября бедствовавшие мореплаватели увидели перед собой землю. В эти дни „Петр“ находился в крайне бедственном положении. Ежедневно умирало от цынги один — два человека. Неопишуема была радость несчастных. Умирающие выползали на палубу, чтобы увидеть ее собственными глазами. Даже больной Беринг поднялся со своей койки.

— Камчатка! Камчатка! — кричали они, предвидя конец своим бедствиям. Но, увы, это все же не была Камчатка, хотя и до нее было вовсе уже недалеко. Это было то оторванное звено алеутской гряды, состоящее из двух островов, о котором мы говорили в самом начале

нашего рассказа. Они лежат всего на 2 градуса севернее и на 8 градусов восточнее Авачинской губы. Но беринговцы этого не знали и считали, что это Камчатка.

5. ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ НА НЕВЕДОМОМ ОСТРОВЕ

К тому времени, когда „Петра“ несло к берегам этой земли, все ванты на нем были перебиты, и никакое управление парусами невозможно. Якорь бросили прямо у открытого каменистого берега, совершенно непригодного для стоянки судна. Немудрено поэтому, что якорный канат сейчас же лопнул, и судно понесло на камни. Однако его случайно вынесло волнами в тихую бухту между каменистой грядой и берегом, и оно осталось невредимым.

Это случилось вечером 4 ноября 1741 года.

Несмотря на свою угрюмость и пустынность, земля оказалась изобильно населенной живностью. Первые же люди, съехавшие на берег на единственной уцелевшей шлюпке (это были натуралист Стеллер и офицер Плениснер), вскоре же после высадки, прислали больному командору с полдюжины куропаток и противоцинготные травы для салата.

На следующий день на берег перевели всех больных и перенесли на носилках самого Беринга. Во время этого несчастного плавания скончались 12 человек матросов, 9 человек умерли при переноске на берег и в первый же день после выгрузки. Из 77 человек экипажа „Петра“ к 1 января 1842 года осталось в живых всего 46 человек, которые и зазимовали на неведомой земле Бобрового моря.

Тяжелая это была зимовка. Люди вырыли для жилья ямы, накрыли их обрывками парусов. Хотя земля эта была и безлесная, однако в топливе не нуждались: на берегу валялось много плавника, прибитого волнами. Охота на куропаток, морских бобров, песцов, сивучей, морских коров¹ давала необходимое пропитание.

¹ Морская корова — животное, давно уже истребленное. Водилась тогда в изобилии на Командорских островах. Она называется стеллеровой морской коровой, по имени натуралиста Стеллера впервые описавшего это безобидное морское млекопитающее, родственное сиреновым — южноамериканскому ламантину и дюгону, живущему в Индийском океане.

Охота была весьма проста, так как бобры встречались целыми стаями и были так не пуганы, что не только не боялись человека, но даже приходили из любопытства на огонь костров, а куропаток можно было набить за час в одном месте до 80 штук.

Но мысль о том, где же они все-таки находятся, не давала покоя выброшенным на необитаемую землю морякам. Однажды между Берингом и Стеллером завязался такой разговор.

— Как вы думаете, что это за земля? — спросил Беринг?

— Не думаю, чтобы это была Камчатка.

— А почему вы так думаете? Ведь растительность здесь такая же, как и на полуострове... А может быть это Кроноцкий Нос?

— Так-то так, да вот морских коров на Камчатке не водится, да и животные здесь вовсе не пуганные, видно, что на них никогда еще никто не охотился.

Беринг сам сознавал, что их выбросило не на камчатский берег, но, чтобы поддержать бодрость духа экипажа, он скрывал это от команды. Однако люди, посланные однажды, в конце декабря, на разведку, вернувшись, сообщили, что земля, на которой они находятся, — остров. Они обошли ее кругом вдоль береговой полосы. Но и Камчатка, видно, была недалеко, так как они встретили выброшенные на берег остатки разбитых ботов, рубленый избяной лес от построек, сани, на которых ездят оленьи коряки. Все эти предметы были выброшены морем с камчатской стороны.

6. СМЕРТЬ КОМАНДОРА

Тем временем Берингу становилось все хуже. Он уже совсем не вставал, лежа в своей сырой земляной яме. Будь он в теплом, сухом помещении и обеспечен хорошей пищей, то, подобно Чирикову, быть может, тоже поправился. Но этого не было. Сырость, холод и однообразное питание содействовали быстрому развитию болезни. Десны его так распухли и зубы так расшатались, что командор не мог принимать пищи. К тому же, она была жесткая, а он не мог даже жевать. Зубы у него вываливались, лицо стало темным, глубоко впавшие глаза обведены темносиними кругами, все тело покрыто отеками, в суставах чувствовалась нестерпимая боль, как при остром ревматизме. Он с каждым

днем слабел и угасал. Как-то часть стенки его землянки во время землетрясения обрушилась и полузасыпала землей, словно она торопилась принять его тело в свои объятия. Окружающие поспешили к нему, чтобы сбросить с него землю.

Охота была весьма проста: бобры (морские бобры) встречались целыми стаями

— Оставьте, не трогайте, — просил Беринг, — так теплее...

8 декабря, в глухую ночь, за два часа до рассвета жизнь командора угасла. Тут же, около становища, на северном берегу острова, его и похоронили.

Смерть командора, поскольку ее не ожидали, произвела на оставшихся глубокое впечатление. Это был спокойный, приветливый, справедливый человек, и за эти черты своего характера пользовался общей любовью как среди своих офицеров, так и со стороны команды. Но его основной недостаток — отсутствие решительности, столь необходимой в трудных и ответственных экспедициях, подобных камчатским, привели к катастрофе.

Чириков, перезимовав в Авачинской губе, ничего не знал о судьбе своего командора и экипажа „Петра“. Мало того, по горькой иронии судьбы, пустившись весной в новое плавание к бере-

гам Америки для того, чтобы дообследовать открытые им берега, он прошел на „Павле“ мимо южной части острова Беринга, но ему и в голову не могло прийти, что в это время в северной его части бедствуют его товарищи по экспедиции.

Какова же была дальнейшая судьба робинзонов острова Беринга?

Еще 28 ноября, во время сильного шторма, „Петр“ был выкинут на каменистую отмель. Казалось, все пути для спасения беринговцев были после этого отрезаны. Они должны были бы все перемереть от цынги. Но именно то, что судно было выброшено на берег, дало им мысль воспользоваться его остатками и построить из них бот, чтобы достигнуть на нем берегов Камчатки.

5 мая 1742 года из этих остатков начали строить новое небольшое судно, которое было окончено лишь к началу

августа. 9 августа судно было спущено на воду и получило прежнее название — „Петр“.

Что это была за посуда, видно из того, что через два дня после выхода в море к берегам Камчатки оно дало такую сильную течь, что при переполнении его живым (46 человек!) и мертвым грузом (5 бочек солины из морской коровы и немалое количество других припасов) пришлось выбросить в море весь багаж: подушки, постели, платье.

16 августа увидели землю.

Это был Кроноцкий Нос.

Лишь на десятый день после этого удалось войти в вождеденную Авачинскую губу, в Петропавловскую гавань. А нерешительный командор так и остался лежать вечным вратарем Арктики, на острове, названном его именем, оба же острова получили с тех пор название Командорских островов.

Маршруты экспедиций Беринга и Чирикова не нанесены на карту по недостатку места. Все географические названия, упоминаемые в рассказе, имеются. По ним читатель сам может проследить пути экспедиций

НАРОДЫ УРАЛА В РАССКАЗАХ

ВОЛЧЬИ НОГИ

Рассказ А. Смирнова-Сибирского

После долгих блужданий по темным и сырым ельникам тропа вывела нас к речке. Это был один из притоков Лозьвы. До зимовья, где предполагался ночлег, оставался час ходьбы, но уже темнело, да и лошади еле держались на ногах. Решив не идти дальше, мы развьючили лошадей и стали устраиваться на ночь.

Погода портилась. Дождь сменился снегом, дул сильный порывистый ветер. Костер из сушняка разгорелся скоро, но мы долго не могли найти подходящего леса для нодьи. Нодья — это особый вид костра, дающий много тепла. Ближайший сушняк состоял главным образом из ели, а это дерево горит в нодье плохо. Семену, моему проводнику, нодью хотелось соорудить из сосны или кедра, как это практикуется зырянами.

Наконец, все устроилось: нодья горела, ужин был съеден. Нам оставалось лишь выкурить по последней трубке, чтобы затем последовать примеру нашей лайки: она уже давно спала, пригревшись у огня. Но вдруг собака проснулась. Она подняла голову и насторожилась.

— Белку, верно учуяла, — заметил Семен.

Так прошло с минуту. Ветер раздувал костер, и по поляне бежали багровые отблески. Собака послушала, пошевелила острыми ушами и опять свернулась комочком. Но через минуту снова вскочила и с злобным лаем бросилась в темноту.

— Скорей всего, это медведь, — сказал я.

Семен взял в руки ружье: надо было поугатать зверя. Но выстрелить он не успел.

— Стреляй не надо! — слышалось вдруг из окутанного мраком леса, и немного погодя, к нашему огню вышел маленький человечек.

— Здорово, — приветствовал он нас по таежному обычаю.

— Вот и гость на огонек, — промолвил Семен, рассматривая пришедшего.

Я тоже смотрел на него с любопытством. Снег в эту минуту шел густо, и сначала мне показалось, что мы видим женщину. Присмотревшись, однако, внимательнее, я убедился, что ошибся: это оказался мальчик лет четырнадцати. Одет он был в короткую оленью куртку и такие же унты, голову покрывала шапка из меха рыси, у пояса болтались охотничий нож и две белки. В руках он держал лук, за спиной у него висел мешочек с деревянными стрелами.

— Иду — ночь, смотрю — огонь, вот и пришел, — объяснил необыкновенный охотник свое появление и, сняв с головы шапку, стал отряхивать с нее снег.

— Ты вогул? — спросил Семен.

— Однако так, моя манси, — коротко ответил он.

— Куда же ты идешь?

— Наша юрта иду. Надо лыжи в тайга принести. Зима скоро...

Мальчик держался, как взрослый, и было видно, что он уже давно привык к самостоятельности. На наше предложение поесть он молча кивнул головой и, повесив на дерево свой лук и мешок, подсел к огню.

Ел он с большой охотой, пользуясь при этом своим острым ножом. Засунув в рот большой кусок мяса, он ловко отрезал его у самых губ.

Паренек был любопытный, и мы разговорились. Впрочем, он лишь отвечал на наши вопросы, а сам ни о чем не спрашивал. Мы узнали, что зовут нашего гостя Илюшкой, а его отца Василием, по прозвищу Волчьи Ноги. Это прозвище он получил за то, что зимой на лыжах загонял волка, сделав для этого больше

пятисот верст¹. Потом Илюшка рассказал, что юрта, в которой они с отцом живут постоянно, находится на Лозьеве, а сейчас они оба лесуют в охотничьей избушке, неподалеку от нашей стоянки. Отец бьет зверя из ружья, а он, Илюшка, охотится с луком — ружья у него нет.

— С луком сто лет назад охотились, много им не убьешь, — заметил на это Семен.

— Ничего, маленький зверь моя хорошо стреляй, — сказал Илюшка и указал на своих белок. — Прямо в глаз попади.

— А если с медведем повстречаешься?

— Ему тоже стреляй в глаза, — улыбнулся первобытный охотник и рассказал, как он однажды справился с этим страшным зверем.

— Моя соболиная ловушка смотрел. Иду, смотрю: стоит медведь и мой соболь жрет. Сердитый я стал. Кричу — жрет, иду — стоит. Тогда стреляй ему стрела в глаз. Ой, как, кричать стал, шибко больно стало. Лапа себе морда бей, потом бежать давай. Бежит и дерево цепляй — глаз совсем кончал.

— Так в глаз и угодил косолапому? — воскрился Семен.

— Однако так, — спокойно подтвердил Илюшка, очевидно не видя в этом ничего особенного. — Теперь один глаз ходи.

Стали устраиваться на ночь. Мы с Семеном улеглись по одну сторону нодьи, Илюшка по другую. Чтобы было теплее, набросали под себя веток, но наш гость лег прямо на мокрый снег. На мой вопрос, не будет ли ему ночью холодно, он ответил:

— Моя холода нету, всегда так спи.

Ночь прошла спокойно, а утром, наскоро погревшись чаем, мы отправились в путь. Илюшка пошел с нами. Он вызвался провести нас своей тропой, которая, по его словам, значительно сокращала дорогу к селенью, и это было очезь кстати. Наши лошади уже давно голодали, а эту ночь совсем остались без корма. Снег шел всю ночь — установилась зима.

Некоторое время шли берегом речки, потом круто свернули в сторону. Никаких признаков тропы мы не видели, но наш проводник, помахивая луком, шел быстро и уверенно, как свой человек в лесу. Сначала я не мог понять, чем он руководствуется, выбирая направление и делая повороты. Обычно, когда идешь

в тайге целиной, всегда или залезешь в невылазную чащу или попадешь в болото. Теперь же мы шли, почти не встречая на своем пути никаких препятствий.

Секрет этого однако скоро обнаружился. Илюшка вел нас по особым дорожным знакам, которые находил на стволах деревьев, — это он называл своей тропой, потому что такие знаки делают только лесными людьми. Охотник-манси, бывая в тайге, всегда оставляет после себя след, и для этого существует целая система знаков.

Первый такой знак я увидел на стволе старой лиственницы, когда мы вышли к какому-то ключику. Знак был двухсторонний. С одной стороны на дереве были вырезаны олень и несколько черточек, с другой — нечто вроде избы и тоже черточки, но иного характера. Илюшка тотчас же расшифровал эти знаки.

— Эта сторона ходи, — махнул он луком, — юрта придешь, туда ходи — корм оленю будет.

— А что значат палочки? — полюбопытствовал я.

— Юрта надо ходи полдня, ягель ходи день, — последовал такой же краткий ответ.

Знаки попадались самые разнообразные, и, зная их, можно было читать тайгу как раскрытую книгу.

Мы шли по этим знакам уже часа три. Перешли в брод через маленькую речку, поднялись на увал и стали спускаться в долину, заросшую смешанным лесом. Вдруг залаяли собаки. Илюшка остановился. Снял с плеча свое первобытное оружие и стал всматриваться в вершину ели.

— Белка! — тихо сказал он.

Зверок, мелькнув пушистым хвостом, затаился в ветвях. Но вот с дерева посыпались снежинки. Без малейшего шороха охотник сделал несколько шагов, вынул из мешочка стрелу и приготовился. Снежинки посыпались сильнее, и немного погодя в хвое показалась рыжая мордочка. Стрела запела в воздухе. Белка подпрыгнула и, цепляясь за сучья, пушистым комком упала в снег.

Илюшка спокойно двинулся вперед и подобрал добычу.

— Эта зима, — сказал он, вытаскивая из головы белки стрелу, — моя будет ружье покупай. Белки нынче много.

— Ты всегда стреляешь без промаха? — спросил я.

¹ Такой охотник-манси действительно существовал на Лозьеве (Северный Урал).

— Однако нет,— улыбнулся он.—Когда торопись, всегда стреляй мимо, или вот когда ветер сильный есть.—И, помолчав, добавил:—Но сегодня моя мимо нету.

— Почему?

— Поет шибко хорошо,— и он указал на тетиву лука.

Это была его примета. Если тетива, когда к ней притронешься, гудит громко — охота будет удачная и, наоборот, из охоты ничего не выйдет, если тетива звучит тихо. В этот день она гудела у него, как басовая струна.

Пошли дальше.

Скоро собака опять что-то облаяла, но далеко в стороне, и Илюшка к ней не пошел. Он торопился вывести нас на тропу, чтобы отправиться затем в свой пауль (селение) за лыжами, а потом снова вернуться в тайгу. Первая пороша — драгоценное для таежника время, и упускать его манси не хотел. А до его пауля оставалось еще больше полдня пути.

Метки на деревьях стали попадаться реже и скоро прекратились совсем. В полдень мы поднялись на пологий увал и, выйдя на вершину, остановились.

Мы стояли на тропе, по которой шли с Семеном до встречи с манси. Задача, взятая на себя охотником с луком, была выполнена. Отсюда до селения, куда я шел, по его словам, было не больше двух часов ходьбы.

Табак — таежное угощение. Набив из моего кисета трубку, Илюшка неторопливо раскурил ее и, показывая рукой куда-то в сторону, сказал:

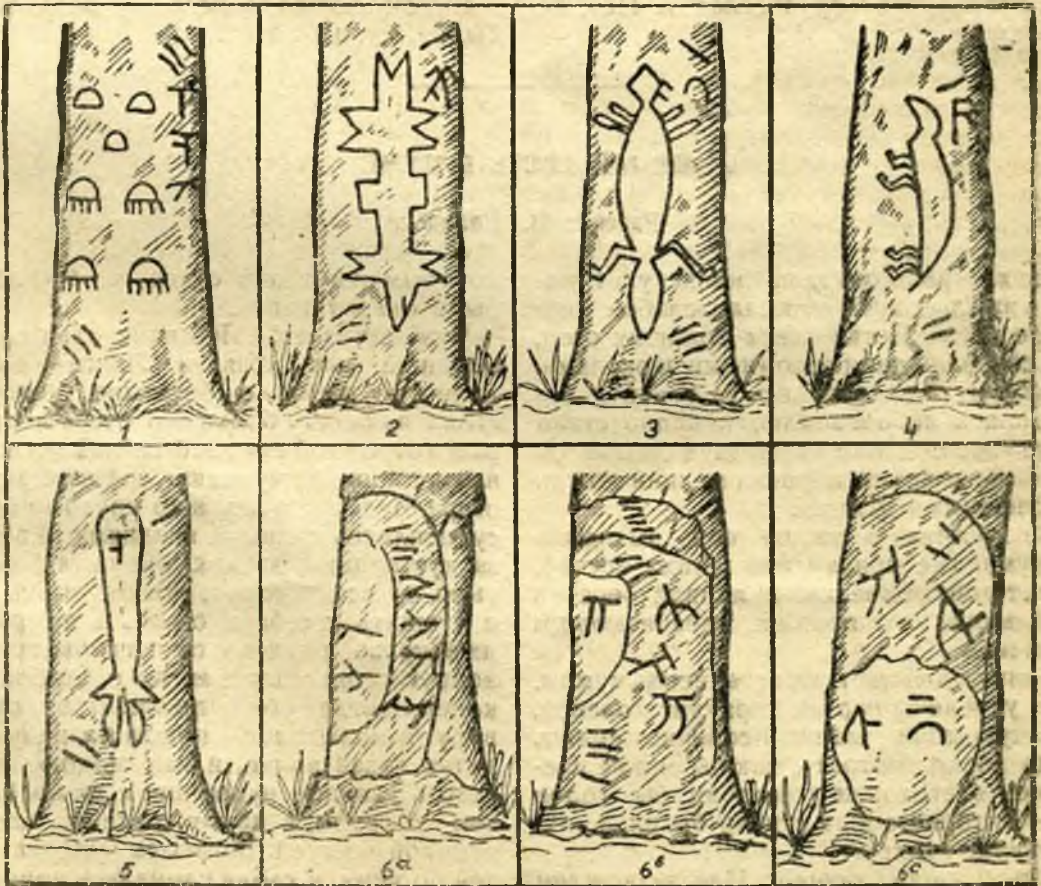
— Теперь моя туда ходи. Прощай!

— А то пойдем и дальше с нами,— усмехнулся Семен.— В Москву приведем.

— Москва?— поднял брови вогул.— Москва шибко далеко.

— А ты слышал про Москву?— поинтересовался я.

— Слышал маленько. Большой, говорят, пауль.

Дорожные знаки манси: 1. Три охотника охотились, убили медведя, с ними было три собаки. 2. Один охотник убил медведя, с ним было две собаки. 3. Охотник убил соболя, с ним было три собаки. 4. Охотник убил росомаху, с ним было две собаки. 5. Охотник убил лося, с ним было две собаки. 6a, 6b, 6c. Три стороны „дерева записей“. Все дерево испещрено старыми и новыми записями, говорящими о прохождении здесь охотников-манси.

Илюша вскинул на плечо лук и зашагал в сторону. Я стоял и смотрел ему вслед. Лук покачивался у него на плече, у пояса болтались белки. Через минуту он дошел до опушки леса и, не оборачиваясь назад, исчез в кустах.

* * *

Прошло шесть лет. Я сидел в Свердловске на вокзале и ждал поезда на Сибирь. Газета была прочитана, папирсы утратили всякий вкус. Чтобы убить как-нибудь время, которое всегда в таких случаях тянется убийственно долго, я подошел к книжному шкафу и стал рассматривать выставленные книги.

Вдруг кто-то дотронулся до моей руки. Я оглянулся.

Передо мной стоял парень лет двадцати, одетый в защитную куртку. На груди — значок „КИМ“. Черные волосы коротко острижены. Но где я встречал это лицо? Оно было типично для туземца: темное, скуластое, нос немного приплюснут, глаз монгольской складки. Нет, не помню.

— Не узнаешь? — проговорил незнакомец. И вдруг при звуке этого голоса вспыхнуло: тайга, ночевка, лук, дорожные знаки, охота на белку...

— Илюшка!

— Однако так. Я тебя сразу узнал...

Через десять минут мы сидели за столом, и Илюшка рассказывал мне историю своего чудесного превращения. История для советской действительности обычная: первая в тайге туземная школа, затем рабфак северных народностей в Ленинграде... И рассказать ему было о чем, но пришедший поезд ограничил нашу беседу. Однако воспоминание об этой встрече я храню до сих пор.

Да, меня узнать было не трудно: за шесть лет я не изменился. Но как было сразу узнать в этом парне с кимовским значком того первобытного дикаря, который так бесподобно бил из лука белок? Паренек шагнул из одного века в другой, и тогда я невольно вспомнил его отца, загонявшего на лыжах волка.

Сынок пошел в него — у него тоже были „волчьи ноги“.

СЕРЫЙ ГОСТЬ В ЧУМЕ.

Рассказ В. Евладова

Глухая ночь окутала Ямальскую тундру. Тяжелые тучи отрезали слабое мерцание звезд. Погас блеск больших озер, что сверкали днем огромными зеркалами. Черная муть надвинулась на тундру, поглотила и небо и землю. Не видно стало даже нарт, стоящих в двух шагах от чума. Временами моросил мелкий дождь со снежными иглами.

Не хочется в такую ночь выходить из чума, где приветливо шипит костер, сушит тонкие ветки полярной березки и тальника и лижет их перебегающим пламенем.

Только два пастуха остались за чумом. Они уехали на нартах караулить оленей. В такую ночь волки особенно смелы. Надо зорко смотреть, как бы они не врзались в стадо, не откололи бы голову сто-полтораста и не угнали бы их в пустынную тундру.

Стадо ушло далеко. Или за дождем не слышно его обычных шумов? Голоса пастухов, перекликающихся между собой с разных концов стада, едва доносятся откуда-то из-за больших озер, к

которым жмут они стадо, чтобы легче было окарауливать.

Чум затихает. Песенник Тэязеда — младший сын хозяина Линга — допел длинную песню о богатыре, который стоял на берегу большого озера и отбивался огромной тяжелой саблей от водяных одноруких чудовищ, вылезавших из озера. Чудовища лезли по крутому берегу, цепляясь кривыми пальцами за песок, за кустарники, за мох, окружали богатыря со всех сторон, чтобы взять его и утащить к себе в озеро. А он рубил их направо и налево, сыпал горы трупов вокруг себя, сталкивая их с берега. Наконец, когда убил последнего, озеро вдруг заколыхалось, пошла по нему сердитая седая волна, и над водой показались главное чудовище с одним глазом в груди, с двумя руками, одетое крепкой чешуей. Богатырь ударил саблей по нему, и сабля сломалась пополам. Тогда он сказал чудовищу:

— Ну, теперь мне нечем больше с тобой сражаться, бери меня. И бросил обломки сабли в озеро.

Оленья упряжка с венцами на нарте.

Рис. Д. Никитина.

С той поры озеро стало называться „Пален-то“, что по-русски значит „Сабельное озеро“, и расположено оно к северо-востоку от озера Ярро-то на полуострове Ямале.

Женщины, испуганные страшными образами, затихли, закутались с ребятами в ягушки и оленьи шкуры и как будто заснули. Хозяин Линг, не снимая малицы, единственной и постоянной одежды, тоже лег. Рядом с ним свернулся и Тэнзеда, жогасив маленькую коптящую лампочку без стекла и верхней части горелки.

Собак не было. Лингу не везло на собак — все пропадали. Остались только две собаки, и они уходили каждую ночь с пастухами в стадо.

Костер в чуме угасал. Сквозь верхнее отверстие чума, ничем не закрытое, сыпал мокрый снег. Костер шипел и потрескивал, борясь из последних сил со снегом.

Вдруг хозяйке показалось, что кто-то вошел в чум... Она села. Ужас острой молнией пронизал сердце. Она хотела крикнуть, но голос осекся. Отблески костра осветили огромную серую морду. Длинные уши настороженно торчали в полумраке чума и два зеленых глаза вспыхивали изумрудами.

Руки женщины инстинктивно поползли по телу, по коленям к ребенку, чтобы прикрыть его, а глаза впились в зеленые изумруды. Волк недоуменно смотрел на женщину.

— Линг! — хрипло выдавила она.

Хозяин вскочил. Волк, вспугнутый неожиданным движением, шарахнулся в полог, но не попал в него. Линг одним прыжком кинулся на волка.

Во вспыхивающих огнях мелькнули белые зубы зверя, руки хозяина, хвост, ударивший по огню, черные волосы хозяина, зеленые изумруды. Линг крепко вцепился одной рукой в ухо волка, не давая ему прыгнуть. Таган над костром был сбит, ведра и чайники опрокинуты.

Нога Линга вступила в самый костер и он разом погас. Чум погрузился в полный мрак. Только слышно было рычание зверя и напряженные гортанные звуки человека. Лапы зверя царапали шкуры, рвали малицу хозяина. Вдруг что-то грохнулось на землю, и борьба стихла.

Сквозь зубы Линг прохрипел:

— Режь скорее!.. Я держу...

Тэнзеда выхватил из-за пояса острый нож, который он не снял вечером, и, метнувшись к отцу, полоснул темноту, где должна быть шея волка.

Резкий крик боли и ужаса содрогнул чум, вылетел в тундру. Тэнзеда продолжал наносить удары, колоть и резать волка, а Линг отскочил в сторону, крича:

— Огня, огня!

Хозяйка, дрожа, чиркнула спичку и зажгла лампочку.

Волк лежал с изрезанным горлом. С обеих рук хозяина текли ручьи крови.

Тэнзеда первым ударом перерезал сухожилия на обеих руках отца.

ВЫСТАВКА „НАРОДЫ УРАЛА“

Редакция журнала „Уральский следопыт“, считая необходимым не только вести журнал, но и стать организующим центром краеведческого движения на Урале, решила организовать серию выставок под названием „Народы Урала“. Одна из них будет посвящена манси и хантэ (вогулы и остяки).

„Следопыту“ известно, что в руках отдельных лиц на Урале имеются случайные коллекции, состоящие из предметов быта манси (вогулов), как-то: луки, стрелы, звериные ловушки, модели нарт и т. п., а также множество фото, отражающих охоту, промыслы и труд этих народов Уральского Севера.

„Уральский следопыт“ обращается к своим читателям, к уральским краеведам, к музейным работникам с просьбой указать, где и у кого еще имеются отдельные предметы, которые могли бы пополнить эту выставку, и может ли „Уральский следопыт“ рассчитывать на получение их от этих лиц или учреждений во временное пользование для этой цели.

Цель выставки — показать, с одной стороны, отживающие формы и черты быта манси и хантэ и, с другой, те огромные социально-экономические и культурные сдвиги, которые совершились среди этих народов под влиянием ленин-

ской национальной политики, осуществляемой т. Сталиным. Поэтому, на ряду с предметами отживающего быта, для выставки необходимы фото, картины, рисунки, карты, диаграммы, модели совхозов, культбаз этих национальных районов, школ, больниц, клубов, красных чумов и других культурно-просветительных учреждений.

Выдвигая идею выставки народов Уральского Севера, редакция однако ставит в первую очередь вопрос о выставках, посвященных народам Свердловской области. Поэтому, не оставляя первой мысли, ныне же связывается с коми-пермяцким национальным центром в Кудымкаре, и первую выставку посвящает коми-пермяцкому народу.

„Уральский следопыт“ вызывает для помощи по организации выставки „Народы Урала“ комсомольскую молодежь как в Свердловске, так и на местах.

Организационные мероприятия по созданию выставки и их результаты будут доводиться до сведения наших читателей в последующих номерах нашего журнала.

Всю корреспонденцию по этому вопросу и выставочные экспонаты следует направлять по адресу: г. Свердловск, Дом печати, заведующему редакцией „Уральского следопыта“ Вл. А. Попову.

Уральские обыщи старые и новые

ХОЗЯИН ПРИЕХАЛ

(Из истории Верхисетского завода)

В 1758 году Верхисетский железодельный завод перешел из государственного в частновладельческое содержание.

Купил завод граф Роман Ларионович Воронцов. Мастеровые и рабочие люди завода поняли: новый хозяин из тех, перед которыми простому народу положено шапки ломать, на колени валиться, трепетать. Как он поставит дело, добрый ли, лютый ли, щедрый или скопидом? Вот какие вопросы волновали их.

Однако больше всего заводских людей мучили догадки: каков будет приказчик? Если покладист — дай бог, если шура — оборони бог...

А новый хозяин жил в Петербурге, наслаждаясь могуществом и богатством. Перед ним заискивали, его боялись и слушались, зная, что Роман Ларионович близок к царице, верховодит в придворных кругах. И хотя граф горько сетовал на свою жизнь, отравленную злой болезнью — подагрой, льстецы называли его счастливейшим из смертных.

Роман Ларионович был истым сыном своей эпохи. Под его расшитым французским кафтаном, буклями и пудрой скрывался пронырливый делец. В нем сочетались горделивость вельможи и предприимчивость купца. Эта предприимчивость толкнула Романа Ларионовича заняться торговлей хлебом, льном, она же толкнула его приобрести Верхисетский завод, суливший немалые прибыли.

Тупоумная царица Елизавета Петровна помнила, что обязана тронном Воронцовым. Поэтому Роману Ларионовичу не стоило большого труда добиться хороших условий на куплю завода от казны.

За 10787 рублей 17 $\frac{1}{8}$ копейки (в расщотку на пять лет) приобрел Роман Ларионович завод, пруд с плотиной, две вододействующих молотовых фабрики с восемью молотами, доменную фабрику с двумя горнами, кузницу ручную, где делался заводской инструмент, мучную

мельницу, контору, амбары, дома, конюшни. А бесплатно положил к себе в карман: 7 рудников, 119 тысяч десятин лесов с 531 закрепощенными за заводом мастерами и рабочими людьми и с 4653 приписными крестьянами, обязанными выполнять все вспомогательные работы: рубку дров, выжиг угля, добычу извести, смолы, возку припасов...

Мастеровым и рабочим людям от всего этого грабежа было ни холодно, ни жарко. Им сказали: „Будете работать на прежнем основании“. Это означало: 12 часов в сутки жариться у кричных и доменных горнов, получать за работу пуд муки на едока и полгину в месяц, за упущения и повинности быть битыми лозами, плетями и палками.

И вдруг на заводе разнесся слух:

— Хозяин едет...

Действительно, приехал хозяин. Но это был не Роман Ларионович, а сын его, Семен Романович.

На дворе лютовал февраль. Заводской поселок, словно спасаясь от мороза, зарылся в снежных сугробах. Улицы — пустыньны. Нагие и босые ребятишки сидели в избах, тоскуя по солнцу и теплу.

Приказчики водили своего хозяина по фабрикам. Показывали, как делают железо, как плавят руды. Старались блеснуть знанием фабричного производства. Мастеровые и рабочие люди снимали шапки, кланялись земным поклоном и молча разглядывали знатного гостя. А он, сунув руки в карманы, сторонился от искр и угля, осматривал хозяйским оком фабрики.

Под плотиной стояла приземистая доменная фабрика — домница. Вокруг нее высились горы шлака, железа. Две трубы на железной крыше пыхали в мутное небо столбами дыма и пламени.

Из складов по мосту на чердак домницы изредка поднимались люди, толкая перед собой вихляющие тачки с углем, рудой, известью. На верхней площадке

моста стоял черный, весь в угле, человек, которого звали „засыпка“, и торопил тачечников:

— Эй, вы, сиволопые! Навались! Пора печь засыпать...

На четверть аршина из бута торчал огненный кратер горна, извергая дым и ламя. Над ним, на чугунных столбах и железных связях покоился кирпичный раструб дымохода, уходивший за крышу.

Двое „засыпок“ отмеривали корытцами пищу доменному горну: пласт угля, пласт руды и флюсов, пласт угля, пласт руды и флюсов...

При первых завалках горн изрыгнул столб пламени. Искры вихрем заметались по палатке; словно осы, ужалили в лицо и устремились в раструб дымохода. Барчуку показалось, что он присутствует при извержении вулкана, и он понял, почему у обоих „засыпок“ опалены волосы и воспалены глаза.

— Самый крепкий „засыпка“ больше пяти лет не выдерживает — калекой делается, — сказал потом кто-то из приказчиков хозяину. Но приказчики не сказали, что „засыпки“, доменные мастера и работники обречены работать без праздников и выходных дней по несколько лет под ряд, ибо командир уральских заводов Татищев, разрабатывая в свое время штаты фабрик, предусмотрел двухсменную работу, но не учел, что доменная фабрика должна работать непрерывно. Это маленькое канцелярское упущение чувствовали потом на своей шкуре все работники домен на протяжении целого столетия...

Под боком домницы, в маленьком холодном амбаре тяжело отдувались две пары огромных кожаных мехов. Хозяин видел: к потолку привешены два коромысла — по одному на пару мехов. Две деревянных тяги от концов коромысла попеременно поджимают и нижние доски мехов, отягощенные грузилом. Все это напоминало плавное колебание больших весов. И шло это колебание от тяги же, подбеденной к кривошипу колесного вала. В меховой терпко пахло дегтем, которым смазывались все трущиеся части тяг. Где-то за стеной слышался заглушенный плеск воды, падавший на водоливные колеса.

Пошли на доменный двор. Там увидели: в низком, темном, прокопченном помещении земля изрыта продолговатыми ямками, соединенными между собой канавами.

Готовились к выпуску чугуна из домны. Приказчики поставили Семена Воронцова в безопасное место, откуда можно было наблюдать за всей работой.

Старый мастер Алексей Просвирнин, — в год ему шло жалованья 30 рублей, — напяливал кожаный фартук. Поковчив с этим, еще раз проверил, правильно ли наклонен жолоб от лещадки к канаве, на месте ли нужные инструменты. Его подмастерья — Никифор Котугин и Яшка Зотин — бороздниками и веничками прочищали канавки.

— Ну, ребята, с богом! — крикнул Просвирнин и, перекрестившись, влез руками в кожаные рукавицы, ухватил лом. Подмастерья подскочили, схватили крюки.

— Пошла, пошла! — Просвирнин из всей силы долбанул ломом в замазанное глиной выпускное оконце. — Пошла, пошла! — кричал он, ударяя второй, третий раз...

Семен Воронцов и не заметил, как выбили пробку из выпуска, — его ослепила огненная струя, бурливо вырвавшаяся из-под лома Просвирнина.

Огненный поток металла вился по извилинам канавок, заполнял ямки. Стало нестерпимо жарко. Мастер с подмастерьями суетились с ломом и крюками у выпускного окна и канавок...

Когда снова вбили затычку в спусковое окно и замазали его глиной, Алексей Просвирнин подошел к Семену Воронцову и, ткнув пальцем по направлению к застывающему металлу, сказал:

— Тут нюхом чувствовать надо, когда чугун дозрел... И не зевать. Был тут подмастерьем у меня Федька Шерстобитов. Зазевался как-то парень или ломом толкнули его, — сам видишь, помещение тесное... Мы и оглянуться не успели, как он лежал поперек канавы над жолобом, пополам прожженный чугуном...

— Помер? — спросил хозяин, чувствуя, что надо что-то сказать.

У Просвирнина от удивления отвисла челюсть. Посмотрел на хозяина, как на диковинку, потом отвел глаза в сторону:

— Конечно, помер! Пополам, говорю, разрубило его... Плечи, голова там лежали, ноги — здесь... А был мне племянник.

Сказал и отошел к подмастерьям...

В кожухе кричной фабрики два рабочих сдвигали пешнями лед, выросший от водяных брызг к боевым валам. Было страшно смотреть, как эти двое балансировали на скользком льду под движущимися колесом и валом. Поскользнется,

заезается кто-нибудь — поминай, как звали. Колесо или вал, как это бывало уже не раз, затянет, подомнет под себя человека, а вышвырнет при следующем обороте кровавый мешок размолютых костей. Или чугуной двадцатипудовой опочиной придавит к стене, задушит. И это бывало.

В фабриках под молотами обжимали крицы. Люди в покоробившихся от жара кожаных фартуках, с испеченными жаром красными лицами, с опаленными бородами и слезящимися глазами торопливо перехватывали клещами огненный металл, подставляя его то одним, то другим боком под молоты. У рабочих, копошившихся около горнов, выступила на высохших рубахах соляная пыль от непрерывного пота.

Хозяин был в восхищении, наблюдая, как из-под многопудовых молотов брызгают золотые зерна нагара.

Он любовался тем, как разбрасываются в полумраке пригоршни огненных звезд, а раскаленные полосы железа, извиваясь,

словно змеи, скользят по наковальням. Его даже подмывало подставить пригоршню под дождь золотых звезд, но он сдержал свой порыв, опасаясь обжечься. Да и голова заболела от угара. Стало поташнивать...

Молодому Воронцову пришлось во время путешествия побывать на некоторых уральских заводах.

«...наш Верхисетский завод, — писал он отцу, — наилучшим после Благодатского назвать можно. Первое, что — плотина очень хороша, другое — что воды довольно. Другие заводы с начала января из-за отсутствия воды останавливаются, а Верхисетский всегда позже всех».

Ни об изнеможенных людях с испеченными лицами, слезящимися глазами, опаленными волосами и просоленными от пота рубахами, ни о подмастерьи Федьке Шерстобитове, пережженном пополам канавкой текущего чугуна, молодой граф ни слова не проронил. Он знал:

— Помрут одни — других дадут. Эти помрут — дадут новых...

В. Вояж

УРАЛЬСКАЯ БЫЛЬ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

(К рисунку на обложке)

Дирижаблестроение в СССР достигло уже таких успехов, когда необходимо заняться подготовкой строительства земных сооружений в отдаленных от центра точках страны. В 1934 году мы построили первый мощный полужесткий дирижабль. Он имеет предельную скорость полета 115 километров в час. Крейсерскую среднюю скорость 90 километров. Радиус действия (без посадки) 3500 километров. Продолжительность полета при крейсерской скорости — 40 часов. Число пассажиров — 20 человек. Полезная нагрузка — 4 тонны.

Имея дирижабль такой мощности и с такими свойствами, нужно подготовиться к тому, чтобы его использовать практически. Для этой цели следует построить целый ряд мачт, которые могли бы служить причалом для стоянки дирижабля и пополнения его запасов газа, горючего, балласта и т. д.

Первая в Союзе такая причальная мачта строится в Свердловске. Расстояние Москва — Свердловск наш дирижабль

будет покрывать в 16--18 летних часов без промежуточных остановок, имея на борту 20 пассажиров (помимо экипажа) и 4 тонны полезной нагрузки.

Во всем мире строительство воздушных кораблей производится в специальных верфях, в закрытых эллингах, которые одновременно могут служить также для стоянки дирижаблей при их летной службе.

Элинг представляет собою довольно сложное инженерное сооружение. Размеры самого большого железо-бетонного эллинга в мире, построенного в Акроне (Америка) следующие: длина 366 метров, ширина 99 метров, высота 63 метра, площадь пола чуть ли не в 4 гектара.

Элинг — прекрасное убежище для дирижаблей, но сооружение дорогое, а для своего обслуживания и обслуживания дирижаблей требует до 250 человек команды. Поэтому элинги обычно устанавливаются на базах, верфях, конечных пунктах воздушной линии и на больших промежуточных станциях.

Там, где стоянка дирижабля временная, где не производится полный осмотр воздушного корабля, устанавливаются причальные мачты, которые требуют всего лишь 2—3 десятка человек команды.

Мировое дирижаблестроение дает нам целый ряд интересных конструкций причальных мачт, которые по высоте могут быть и 2-метровыми и 64-метровыми. *Двухметровая*, немецкой конструкции, была, например, установлена в Ленинграде в 1931 году, при полете дирижабля „Граф Цеппелин“ в Арктику¹, а мачта высотой в 64 метра находится в Детройте (Северная Америка) и является собственностью Форда.

Первая в нашем Союзе мачта, как уже говорилось, устанавливается под Свердловском. Она будет иметь высоту 40 метров и представлять красивую, стройную металлическую конструкцию четырехгранной формы.

Между четырьмя ногами мачты, укрепляемыми на бетонных фундаментах, расположено одноэтажное здание, в котором монтируются все механизмы для приема дирижабля на мачту и из центра которого будет выходить лифт для связи земли с верхней площадкой мачты.

Кроме того, для связи верхушки мачты с землей внутри мачты строится винтовая металлическая лестница, огражденная на всем протяжении провололочной сеткой, а на площадках мачты будут установлены сидения для отдыха поднимающихся по лестнице людей.

Лестницы — запасное средство для сообщения с верхушкой мачты членов команды. Но лестницы эти могут пригодиться и для пассажиров, если подъемные механизмы лифта откажутся работать при морозах.

В верхней части мачты устроена круговая площадка, до которой подымается лифт. На нее будет опускаться трап с дирижабля, по которому пассажиры будут спускаться на верхнюю площадку мачты к лифту для спуска на землю.

Выше верхней площадки мачты, на самом шпиле мачты, будет сооружен верхний конец стрелы, а нижний конец ее опирается на уровне земли на нижнее кольцо стрелы, по которому стрела может перемещаться на 360° вокруг мачты.

На верхнем конце стрелы (на шпиле мачты) устраивается тележка, а на ней—

причальный конус. При помощи его дирижабль закрепляется на мачте.

Поскольку длина стрелы также равна 40 метрам и даже немного больше, необходимо, помимо шпиля мачты, борта верхней площадки мачты и нижнего кольца, опереть стрелу еще в одной точке. Для этого посредине, между уровнем земли и верхней площадкой мачты, устанавливается нижняя круговая площадка мачты. Борта ее являются дополнительной опорой для стрелы мачты.

Сущность причала дирижабля к мачте такова. В зависимости от направления ветра и до приближения дирижабля к мачте стрела устанавливается с *подветренной* стороны. Дирижабль должен подходить к мачте с подветренной стороны. Еще до прихода дирижабля с верхней части мачты на землю опускается причальный трос. Он проходит через причальный конус и снабжен на конце специальным замком.

Подходя к мачте на высоте 80—100 метров с подветренной стороны, дирижабль на расстоянии 100—150 метров от мачты сбрасывает на землю с носовой части конец причального троса, также с замком. Мачтовая команда подхватывает его и соединяет с замком мачтового троса, заранее выложенного на земле.

После соединения этих двух концов троса запускают барабанные лебедки, расположенные в мачтовом здании под мачтой. Наматывая на эти барабаны трос, проходящий через причальный конус, сначала выбирают всю его слабинку, а затем уже подтягивают дирижабль к мачте *против ветра*. Тогда дирижабль, который к этому моменту уже выключает все свои моторы, свободно держится в воздухе.

Трос, сброшенный с дирижабля, проходит также через причальный конус, расположенный в носовой точке дирижабля. После выбора всего троса причальный конус дирижабля входит в причальный конус мачты, их скрепляют чекой, и закрепление дирижабля на мачте закончено.

Для закрепления дирижабля на мачте нужно всего 3—4 человека, тогда как для приема и установления дирижабля в элинг требуется команда в 200—250 человек.

Для того, чтобы отцепить дирижабль от мачты, нужно *снять чеку*, разъединить два конуса, и дирижабль может уходить в полет.

¹ Причал дирижабля в этом случае произвонился не с носа, а за кабинку

Если дирижаблю на мачте придется пробыть длительное время, если требуется произвести ремонт моторов, снять с него тяжелый груз, то при наличии стрелы дирижабль может быть спущен до уровня земли. Вот основное назначение стрелы и вот основная причина предварительной установки стрелы с подветренной стороны мачты.

При изменении направления ветра во время стоянки дирижабля на мачте и при нахождении его в верхней части мачты он сам устанавливается по ветру, поскольку верхушка мачты свободно вращается на 360 градусов, а при нахождении дирижабля на стреле, на уровне

земли, стрела вместе с дирижаблем может быть перемещена в нужном направлении так, чтобы дирижабль мог быть опять установлен в плоскости ветра.

Помимо барабанных лебедок, в мачтовом здании будут установлены механизмы, при помощи которых по трубам можно будет снабдить дирижабль, причаленный к верхушке мачты, горючим, смазочным, водой, газом и воздухом.

Это изящное сооружение скоро украсит собою окрестности Свердловска и, несомненно, явится новым достижением советской техники, а первый прилет дирижабля — большим и радостным праздником для уральцев.

Ф. Ассберг

СТАРАЯ И НОВАЯ БЫЛЬ СВЕРДЛОВСКА

Фото-очерк Б. Рябинина.

Новые огромные здания — и древние избышки, десятиэтажные жилкомбинаты, газоны, асфальт, трамвай — и тут же рядом обомшелые, вросшие в землю хибары — прародители будущего Свердловска.

208 лет простоял дом, положивший основание Екатеринбург. В 1726 году построил его старообрядец Иван Шамшурин, бежавший в уральские леса два столетия назад. Рождались и умирали Шамшурины. Высохла речка Акулинка, на берегу которой он стоял. Заселилось и исчезло болото, окружавшее дом. Покривились и вросли в землю его стены, и через 200 лет оказался он в центре социалистического Свердловска. Этот памятник старины не удалось сохранить — дом мешал уличному движению, и в середине 1934 года он был снесен.

Дом Шамшуриных, построенный 208 лет назад.

Головной корпус Городка чекиста.

Из Уральской книги ПРИРОДЫ

ЛОСИНЫЙ ЗАКАЗНИК

Путь в заказник от реки Тавды идет вверх по речке Черной. Другого пути нет. Вокруг болота и глухие леса.

Извивается Черная по лесу. Десяток раз черпнуть темную воду кормовым веслом — и упрется нос осиновой долбенки в берег. Расступаются угрюмые ели и лохмачи-кедры, открывают новое плесо извилистой лесной речки. По берегам тишина: северный лес сдержан и молчалив. Лишь хохлатый рябчик нет-нет да просвистит тихонько в обомшелом ельнике.

Мы прорезаем водораздел между Тавдой и Кандой — 320 километров лесной пустыни, где нет постоянного жилья человека. Лес, болота и старые заросшие гари. Только кой-где разбросаны избушки охотников. Летом в них не живут, и стоят они пустые, пока не наступит охотничий промысел.

На привале мой проводник разговорился.

— Помню, тому назад годов сорок. В те поры лось кругом богато было. Иной ловкий охотник, бывало, голов по десять, а то и побольше за год добывал. А потом год от году все меньше и меньше. Главное, вовсе зря его портили. Бывало, по последнему снегу набьет иной лосей пять, а то и побольше, а там, глядишь, оттепель, мясо не вывезти — так и бросает в лесу.

— А теперь как?

— Теперь зверь опять на прибыль пошел. Стреляют в срок, маток трогать не велят, а, главное, заказник хорошо помогает. Ведь самые удобные места под заказник отошли, самые лосиные становища! Идешь по заказнику — все лосями истоптано, словно табуны скота ходили. В заказнике теперь лосей столь, сколь в старину даже не бывало. И то сказать, немалое место отведено. Сто двадцать тысяч гектаров. Есть где вестись зверю!

На другой день мы подъезжали к заказнику. На берегу реки невысокий по-

граничный столб. На нем белая надпись: „Заказник. Охота воспрещена“. Теперь мы находимся в запретной зоне. Эти пограничные столбы, пожалуй, не нужны: часто их не поставишь, а охотнику дорога всюду. Надежнее естественные приметы: речки, болота, увалы. Их хорошо знают охотники. Перейти через речки Ломию и Покуй — окажешься в заказнике. Он организован для охраны лося. Вместе с ним охраняются соболь, глухарь, тетерев, рябчик, белка.

Таборинские охотники сами не охотятся в заказнике и другим не дают.

Заказники организуются на определенный срок: 20—10 лет. Тетерев, белка, рябчик становятся взрослыми в течение года и размножаются очень быстро. Для них достаточен короткий срок. Другое дело лось. Он растет медленно. Размножается не ранее трехлетнего возраста. И каждая самка приносит не более двух детенышей. Для лосей устраивают заказники на продолжительные сроки. На этих лесных островках животные могут спокойно размножаться, не тревожимые человеком.

Мы оставляем лодку и, забрав котомки, идем в лес. С нами и ружья, заряженные пулями на случай встречи с медведем или нападения лося. В сентябре, в период спаривания, лось свирепеет.

Путь тяжелый: кочки, деревья, сваленные бурей или просто от старости, коряги — и все спутано высокой травой и молодой порослью. Местами чуть не поколото нога вязнет в зеленом влажном мху.

Чуть заметная тропа прорезает сухие сосновые увалы. Там белый, сухой, чуть хрустящий под ногами мох и красные ковры северной брусники. Мы то и дело поднимаем громадных глухарей, пирующих на ягодниках. При каждом взлете невольно хватаешься за ружье.

Но... стрелять нельзя — здесь заказник.

Еще нет снега, но мы и без него замечаем следы пребывания лосей. Ободранная кора на осинах и черемухе, обглоданная хвоя молодых сосен, а на

грязи около речки старые и свежие следы громадных раздвоенных копыт. Лосей в заказнике и вправду много. Иногда попадаются заметные, по прямой траве, лежки зверей. Кажется, что здесь недавно лежала крупная лошадь или гигантский бык. Одна лежка совсем свежая, и видно, как выпрямляются придавленные зверем сухие былинки. Но лосей не видно. Лось чуток и осторожен и редко подпускает близко человека.

Под корневищем вывороченной сосны находим полусъеденную глухарку.

— Рысь, будь она проклята! — говорит возмущенно проводник. — Развелось тут этой твари. Очень вредит... Чем вредит, говоришь? А тем, что всякого зверя и птицу портит. Рысь, россомаха да медведь — самые лосиные вредители.

— Неужели рысь или россомаха могут одолеть лося?

— Еще как! Заберется на дерево над лосиной тропой и караулит. Иной раз сутки, двое пролежит, а своего дожидается. Как лось подойдет, так рысь, или там россомаха, прыгнет на шею и давай грызть затылок. Ну, старый бык еще отобьется, а самка или теленок, те редко уходят живыми... Медведь открытой силой берет, а рысь и россомаха, — те хитростью.

Отовсюду из окрестностей стекаются в заказник медведи, рыси, россомахи, ястребы и филины. Они находят здесь полный покой, обильную пищу. Вредители иногда грозят уничтожить достижения самых лучших заказников. Вот почему в благоустроенных заказниках хищников усиленно истребляют.

Всюду на нашем пути попадаются обгрызенные и изломанные молодые деревья — это следы лосиных обедов.

Рано или поздно может наступить бескормица, а вместе с ней повалынные болезни и смертность. Цель заказника — размножить промысловых животных, чтобы на них охотиться. Если замечается, что охраняемые животные начинают гибнуть, выгоднее открыть такой заказник для охоты, чтобы разредить слишком сгустившееся население. Возможен другой путь — плановый отстрел зверя.

Проводник, легко ступая обутыми в мягкие бродни ногами, ведет все дальше и дальше в глубь заказника.

Поредели и снизились сосны. Теперь под ногами мох и вода, и совсем затерялась тропинка.

Перед нами, насколько хватает глаз, раскинулось моховое болото, поросшее карликовым сосняком.

Здесь места лосиных боев. Осенью, в период спаривания, „гона“, лоси-самцы отчаянно бьются из-за самок. В это время, обычно робкий и даже трусливый, лось становится опаснее медведя. В таких боях нередки случаи серьезных увечий или даже смерти побежденного.

Вот перед нами место недавнего боя. Истоптанный и выдранный клочьями мох и изломанные деревья.

Здесь, в месте сборища, мы надеемся увидеть лосей. Надо подождать вечерней зари.

Солнце клонилось к западу, когда проводник вдруг прислушался и произнес:

— Слышишь, ревет один!

И вправду, где-то далеко, чуть слышно, донесся до нас не то стон, не то рев зверя. Мы затаились в кустах. Проводник открыл ружье, вынул стволы и затрубил в них, подражая голосу лося.

Зверь ответил.

Проводник снова затрубил в стволы. Лось, заслышав голос соперника, видимо, пришел в ярость. Его грозный вызов приближается... Лось идет в бой.

Но проводник теперь отвечает редко. Когда зверь подходит совсем близко, проводник чуть слышно шепчет мне:

— Сейчас отвечать нельзя. Зверь близко. Маленько сфальшивишь — нипочем не подойдет.

Мы молчим. Наш противник неистовствует совсем близко. Дикая ярость слышна в зверином реве. Лось бродит от нас совсем недалеко, разыскивая смолкшего и куда-то девавшегося „противника“. Проводник торопливо заряжает ружье и говорит:

— Теперь будьте наготове. Бывает, что на человека кидается. Ежели бросится — надо стрелять, не то стопчет. Они сейчас все бешеные...

Наконец, мы увидели. Громадный зверь, высоко подняв голову с мощными ветвистыми рогами, быстро вышел на поляну и остановился. Минуту он стоял совершенно неподвижно. Потом глухо проревел вызов и сердитыми ударами передней ноги стал взрывать мох.

Лось стоял не больше чем в тридцати метрах от нас. Рука невольно крепче сжала ружье... Но здесь заказник — и стрелять можно только в случае, если угрожает неминуемая опасность. Чуть заметно шелухнул ветер. Лось

еще выше поднял голову, сильно потянул воздух и вдруг, круто повернувшись, широкой рысью понесся прочь. Вот он в последний раз мелькнул между сосен и скрылся.

* * *

Но лось не только „краса лесов“. Это прежде всего полезное и ценное животное, играющее большую роль в охотничьем промысле. Жизнь топсуйских, ивдельских и няксимвольских манси, сосвинских и части кондинских хантэ, уватских тунгусов зависит от лоса. Среди этих нацменов не редкость встретить охотника, добывающего в год 10—12 лосей.

Для русского охотника-промысловика лось — завидная добыча: ведь он дает 200—300 килограммов отличного мяса и превосходную шкуру.

Лосей усиленно преследуют, и в более густо населенных районах Урала это животное оказалось накануне истребления. Пришлось на Южном и Среднем Урале совершенно запретить охоту на лосей, а в северных покрепче поставить надзор за соблюдением сроков и правил охоты на него.

В результате, за последние годы лоса стало больше, и он вновь появился там, где, казалось, был истреблен совершенно.

Но только тем, что мы до сих пор еще невнимательно и небрежно относимся к своим природным богатствам, объясняется то, что лось и по настоящее время остался только мишенью для пули охотника.

Лось, как домашнее животное, был бы несравненно полезнее человеку. Громадная сила животного, неприхотливость к корму, способность легко проходить такими топямя и болотами, где лошадь неминуемо погибнет, — все это делает лоса ценным вьючным и ездовым животным в тайге.

Бригада охотников, с караваном вьючных или запряженных в сани лосей, пройдет всюду. Лосю не нужно ни сена, ни овса, для него в лесу всегда готов корм: древесные побеги, кора, сухая трава, лишайники, сосновая хвоя — все это любимая пища лоса.

Вся забота хозяина будет заключаться только в том, чтобы развьючить или выпрячь животное и пустить пастись.

Это не фантазия, это вполне возможно, так как лось, пойманный молодым, замечательно легко приручается.

Сейчас в глухом лесном кордоне на речке Демьянке, Уватского района, уже три года на полной свободе живет лосиха Машка. История этого животного показывает, как просто, легко и дешево можно достигнуть полного приручения лоса.

Браконьер в начале лета убил лосиху и поймал ее теленка. У уличенного браконьера отобрали лосенка, которого взял на свое попечение охотовед.

Но в деревне молодому животному жилось плохо: держать его приходилось на привязи и ему не хватало нужного корма. Лосенок рос плохо, и мы опасались, что он не выживет.

Возникла мысль выпустить лосенка на волю. Как раз в это время я выезжал на моторке вверх по Демьянке на кордон Усайковский. Лучшего места для выпуска пленника не зачем было искать: вокруг кордона расстилались сплошные леса, богатые озерами, болотами и молодой порослью, — самые лосиные уголья. Здесь тоже был заказник, так что лосенку мало угрожала опасность от охотников.

Но сверх ожидания, выпущенная Машка не пожелала воспользоваться свободой и предпочла остаться с людьми. Она основательно покормилась в ближайших кустах и затем вернулась и спокойно улеглась в тени у крыльца.

Нас заинтересовала возможность приручения лоса в условиях полной свободы, и немедленно был выработан план. Он оказался несложен: Машке предоставлялась полная свобода бродить, где она хочет, и делать, что ей угодно, но каждое утро и вечер она была „обязана“ являться на кордон. Машка выполняла это всегда неукоснительно, так как каждый раз получала кусок густо посоленного хлеба — ее любимого лакомства.

Сейчас Машке уже три года. Это громадное, вполне взрослое, совершенно ручное животное. Особенно большое впечатление производит она, когда ее выпускают в комнату.

Попрежнему Машка пользуется полной свободой и живет с человеком на основе добровольности. Она с большим удовольствием принимает участие во всех экскурсиях вокруг кордона, превосходно знает свое имя и, как собака, всюду следует за человеком. Совершенно никаких хлопот по уходу или прокорму Машка не доставляет: она ничего не

требует от человека, кроме его общес-
тва и немножко ласки.

Местные охотники отлично знают Машку, и горе было бы тому браконьеру, который вздумал бы пустить в нее пулю. Впрочем, на всякий случай, на шею Машки висит колокольчик.

Минувшей зимой ее запрягли в санки. Выездка никаких хлопот не доставила: Машка беспрекословно потащила санки, и теперь на ней возят дрова.

Теперь Машка уже не одинока. Заведующему Демьянским биопунктом Уральской охотпромысловой научно-исследовательской станции т. Капанову удалось, с помощью охотников, поймать еще четырех лосят. Они, так же, как и Машка, воспитываются на полной свободе. Их постепенно приучают к узде и, когда животные подрастут, начнется выездка.

Есть полное основание предполагать, что к весне этого года небольшое стадо домашних лосей пополнится уже без ловли. Машка осенью, повидимому, спарилась с диким самцом и на биопункте ожидается первый отел.

Но Машка не исключение. Мне припоминается другой молодой лось-самец, кажется, и сейчас живущий в Московском зоопарке.

Этот воспитывался нами в Таватуйском лисьем питомнике близ Свердловска. Но здесь лосенок оказался нежелательным питомцем: он почему-то не взлюбил лисиц и, повидимому, желая подражаться, разломал несколько клеток.

Пришлось попросить буяна о выходе, но этот лось тоже не захотел уйти в лес, окружающий питомник, и, как „нежелательный элемент“, был отправлен в зоопарк. Ручным этот лосенок был так же, как и Машка.

Припоминается и другой случай. Крупный заводчик-миллионер Поклевский-Козелл организовал близ станции Поклевская (между Свердловском и Тюменью) правильное охотничье хозяйство.

Лосей в окрестных лесах водилось порядочно, но, несмотря на хорошо организованную охрану, случаи браконьерства были нередки, и весной под выстрелы попадали лосихи. Осиротелых лосят отбирали от браконьеров и выкармливали под коровами. Когда лосенки подрастали и становились способными к самостоятельной жизни, их выпускали на волю.

Как-то проезжали лесом крестьяне. Они были страшно напуганы крупным лосем, который, выйдя на дорогу, стал

упорно преследовать телегу. Попробовали подхлестнуть лошадь, удрать от непростенного спутника, но где же крестьянской лошаденке тягаться в скорости с быстроногим лосем!

Лосиха Машка в детстве
(Фото Уральской зональной биостанции)

Лось, шутя, нагнал телегу, подбежал к ней вплотную и потянулся мордой к людям. Он хотел положить голову на плечо человека, но человек выхватил из-за пояса топор и нанес животному сокрушительный удар по голове.

Был ли этот удар мерой самозащиты испуганного странного поведением дикого животного крестьян или просто желанием использовать счастливый случай и поживиться мясом. Дело не в том. Нас интересует вопрос, что побудило осторожное животное так смело и доверчиво искать общества человека?

Ответ может быть только один. Этот лось, несомненно, был одним из питомцев забавляющегося миллионера. Лось при виде людей вспомнил детство, доверчиво подошел к ним, ища их ласки или угощения.

Чрезвычайно характерно, что животное от долгого пребывания в лесу, вдали от людей, не одичало, как это обычно бывает с прирученными дикими животными, но попрежнему сохранило безбоязненное и даже дружественное отношение к человеку.

Лосиная ферма... Где-нибудь в лесу, вокруг небольшого кордона, на свободе пасется стадо домашних лосей в несколько десятков голов. Они не требуют никакого ухода. Сторожа лишь ежедневно проверяют приходящих за лакомством животных.

Часть лосей выезжена и употребляется для работ, но основное стадо — это племенной материал, весь приплод

от которого направляется в охотничьи колхозы для работы.

Но, конечно, есть и трудности, и важнейшие из них — крайняя свирепость лося во время спаривания. Дикий лось в этот период, несмотря на весь свой страх перед человеком, все же иногда нападает на него. Разумеется, лось домашний, не боящийся людей, несравненно опаснее взбесившегося быка. В это время самцов-лосей приходится запира́ть в прочные загородки и туда подпускать к ним самок для спаривания.

Таких „лосиных заводов“ еще, к сожалению, нет. Но их предполагалось устроить в Таборинском районе, Свердловской области, и Уватском, Об-Иртышской. Все дело стало из-за каких-нибудь 10—15 тысяч, которые никак не смогли „изыскать“ союзпушниновцы из своих миллионных оборотов.

Ну, может быть, когда-нибудь и разыщут...

В. Виницкий

СМЕРТЬ ОЗЕРА

Мы выехали на озеро Щелкун в хмурое дождливое утро. С вечера моросил мелкий дождь. Временами падал мокрый снег.

На топком и вязком берегу озера правильными рядами параллельно воде лежали засохшие водяные растения. Озеро сильно мелело. Нам предстояло ознакомиться с грунтом дна и измерить глубину озера крест-накрест.

Озеро поражало своей неподвижностью. Несмотря на сильные порывы ветра, перед нами лежала зеркальная гладь, нетронутая даже мелкой рябью.

Николай — мой помощник — с трудом греб веслами. Лодка шла среди сплошной зеленой каши. Она не могла разрезать густых клубков зарослей, которые поднимались снизу и ползли по бокам лодки, собираясь плотными складками.

Через каждые двадцать взмахов весел Николай переставал грести, и лодка останавливалась, а я бросала в воду бечевку, на конце которой висел лот. Я с большим усилием вытягивала из воды бечеву, сплошь покрытую массой „водяной чумы“ — водоросли элодеи. Дно озера покрывал сплошной ковер элодеи. Маленькие розоватые цветы элодеи, как мошки, покрывали воду.

Во время одного из промеров наш лот так сильно запутался в сплошных зарослях, что мы вдвоем не смогли его вытащить и только оборвали бечеву. К счастью, у нас был взят запасной лот, и мы продолжали измерения.

— Посмотрите, сколько уток! — воскликнул Николай, указывая на плывущую в отдалении большую стаю темных птиц. — Как жаль, что нет ружья!

Спугнутые подъехавшей лодкой, птицы грузно взлетели кверху, подняв вокруг себя тучу водяных брызг. Неожиданно для нас утки оказались курочками, лысухами. Они летели над самой водяной гладью озера и неуклюже махали лапками. Некоторые же так и не смогли подняться в воздух, запутавшись в стеблях элодеи.

Мы закончили промеры и поехали вдоль берега. Низкий берег порос осокой и тростником. Тройчатые листья трюфоли погружались в воду. Изредка среди зелени попадались темнозеленые стебли камыша и бархатные коричневые головки рогоза. Трюфель и рогоз появляются всегда на берегу заболачивающегося озера.

Рассматривая прибрежную растительность, мы доехали до фоминой избушки. Здесь, по рассказам старых рыбаков, били ключи, снабжавшие озеро чистой, свежей водой. Мы долго искали их, бродя по берегу, но не обнаружили их признаков. Очевидно, ключи исчезли уже давно. Вот почему так сильно мелело озеро.

Мы снова сели в лодку и стали пересекать Щелкун.

На самой середине озера было свободно от зарослей элодеи. Этот клочок чистой воды терялся среди огромной заросшей площади и напоминал „окно“ в болоте. Лодку начало покачивать: здесь ветер уже поднимал сильные волны. Мы благополучно добрались до берега и, отдохнув немного, тронулись дальше, на следующее большое Сысертское озеро.

* * *

Нам предстояло одолеть на лошадях 30 километров тяжелой лесной дороги. С нами поехали два рыбака из Щелкунского колхоза. Мы выехали из села. С пригорка озеро Щелкун было видно, как на ладони. Я в последний раз посмотрела на него. Озеро раскинулось на огромное пространство, площадью

не менее 500 гектаров. Низкие берега явно носили следы недавно отступившей воды: было заметно, что за одно только лето вода отступила не меньше как на 10 метров.

— Большое озеро, а рыба в нем перевелась вовсе,— пожаловался один из рыбаков.— Прежде и щука была, и окунь, чебачишка не плохой. Сейчас один карась остался, да и того не достанешь.

Мне было ясно, почему в озере пропала рыба. Раньше рыба заходила в него из реки Багаряк через речку Исток. Теперь питавшие озеро ключи иссякли, озеро настолько обмелело, что Исток пересох, и рыба не могла больше проникать в него. Оставшаяся в Щелкуне рыба погибла зимой из-за недостатка кислорода. (На „заморы“ рыбы нам жаловались рыбаки). А летом в воде, согретой до дна солнечными лучами, стала быстро размножаться элодея — „водяная чума“. Она вытеснила остальные водяные растения и заполнила все озеро.

Осока, тростник, рогоз распространились на обнажившиеся от воды берега, заболочивая их. К ним присоединилась трепфоль. Озеро явно было смертельно больным.

* * *

Мне представилась дальнейшая судьба озера. С каждым годом оно будет становиться все мельче и мельче. Испарение воды усилится. Каждую зиму „водяная чума“ будет опускаться на дно и уменьшать глубину озера на десятки сантиметров.

Весной в мелеющем водоеме еще сильнее будет разрастаться элодея. Осока, тростник и рогоз с каждым годом будут отвоевывать все большие пространства у озера, направляясь к середине, и спустя два—три десятка лет больное озеро умрет и превратится в болото.

— А что, товарищ, можно еще спасти наше озеро?— спросил у меня один из рыбаков.

— Спасти можно. Его надо лечить,— ответила я.— Вот расчистите прибрежные ключи, вода прибудет в озере, и оно станет глубже. Весной, когда Щелкун вскроется ото льда, перетяните его несколько раз веревкой, как неводом, и вытащите все водоросли на берег. Сожгите их или скормите свиньям. Они охотно едят их. Только не оставляйте

ни одной маленькой веточки элодеи. Иначе она вновь разрастется и затянет озеро.

Мы подъехали к небольшому узкому ложку, пролежавшему среди леса. Вдоль ложка росли тальник, камыш и тростник. Обычно эти растения встречаются у воды. Но никаких следов воды в ложке не было заметно.

Мы ехали по руслу бывшей когда-то здесь речки Истока. Зеленая полянка, тростник и тальник, обвитый хмелем,— вот все, что осталось от Истока, соединявшего Щелкун с рекой Багаряк.

Когда расчистят озеро Щелкун, этот ложок снова наполнится водой, и по нему, как по каналу, опять поплывет в Щелкун щука, чебак и окунь метать икру. Молодь и взрослая рыба будут откармливаться на подводных лугах, а на зиму рыба вернется в Багаряк, и там в проточной воде она не погибнет уже от недостатка кислорода.

* * *

Лес сменился молодой порослью, редившей все больше. Мы подъезжали к болоту. Вот низкорослая корявая сосна, тощие маленькие березы, появился болотный кустарник-богульник. Еще немного,— и Окункульское болото показало перед нами.

Большое пространство в несколько сот гектаров поросло осокой. В просветах изредка поблескивали маленькие лужицы воды. Из-под ног проступала темнокоричневая, как крепкий чай, вода.

Почва становилась все более зыбкой. Мы подъехали к слани, проложенной по краю болота.

Ехать было не легко. Лошадь, непривычная к подобной дороге, шла очень осторожно: ноги скользили, проваливались и застревали между бревнами; отдельные бревна опускались под ногами, как клавиши у пианино, и она погружалась по брюхо в воду.

Все вздохнули с облегчением, когда слань осталась позади.

— Вот во что превратится Щелкун через двадцать—тридцать лет, если вы не возьметесь серьезно за его лечение,— сказала я, обращаясь к рыбакам,— такая судьба ждет все заболочивающиеся озера.

Дорога пошла вдоль склона горы.

Утомленные долгим и трудным переходом, мы шли молча. Вдруг за поворотом дороги между деревьями что-то блеснуло. Это было большое Сысертское озеро, к которому мы направлялись.

Т. Раухвергер

ЛЕДНИКИ УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА

В учебниках географии и геологии — даже самых авторитетных — относительно Уральских гор сообщалось, примерно, следующее: а) самой высокой горой на Урале является гора Тельпос-ис (1684 метра высотой), находящаяся на широте 64°; б) на Урале совсем нет ледников.

Последняя североуральская экспедиция Академии наук внесла серьезную поправку в учебники. Она открыла горные вершины, намного превышающие Тельпос-ис, она открыла на Урале действующие ледники!

Экспедицией обнаружена гора Народная, которая на 200 метров выше „самой высокой горы Урала“. Но она — не единственная. Гора Карпинского достигает 1795 метров над уровнем моря, гора Дидковского — 1764 метра. Уральский хребет — 2000-километровая горная цепь на рубеже Европы и Азии — на 65° северной широты достигает наибольшей высоты. Здесь открыт еще ряд гор, вершины которых возвышаются над Тельпос-исом. Эта гряда высоких вершин Урала названа экспедицией „Исследовательским кряжем“.

В 1929 году на горном массиве Сабля, граничащем с Печорской равниной, были открыты неизвестные до сих пор на Уральских горах ледники. Что это за ледники? Действующие? Да ледники ли это вообще? Через несколько лет эти вопросы были разрешены.

Для изучения открытых ледников в 1932—1933 годах на север Урала направилась специальная „ледниковая экспедиция“. За два года работы она открыла здесь 16 ледников.

Наибольшим ледником Урала считается сейчас ледник Гофмана, названный в честь известного исследователя Уральских гор в пятидесятых годах прошлого столетия. Ледник достигает 1 километра в длину, его толщина (предположительно) — 100 метров. Леднику Гофмана 200 лет. Он беспрерывно течет, передвигаясь на 4—5 метров в год.

В районе гор Народной и Дидковского обнаружено 8 маленьких ледников рудиментарного (зачаточного) характера. Из них самый большой ледник Манси. Он немногим уступает леднику Гофмана.

Уральские ледники относятся к остаточным, так называемым реликтовым ледникам. Когда-то они выходили даже за пределы Урала, достигая Печорской и Западносибирской низменностей.

Итак, на Урале есть действующие ледники, а самая высокая гора совсем не Тельпос-ис.

Н. Андреев

ГУСИ НА КУРОРТЕ

В колхозах Урала даже дорогую птицу, гуся, никто не оставляет дома. Едва сходит снег, гусей массами выгоняют на озера, в леса, часто за много километров от деревень. Чтобы не спутать птиц, каждый хозяин делает на лапах каждой своей пары особые отметки.

Первое время, пока стадо не привыкнет к новому месту, его охраняет пастух. Но через несколько дней пастух уходит, гуси остаются одни и, разбившись по парам, мирно оседают на курорте.

Им не только не оставляют кормов, но в течение нескольких месяцев никто обычно даже и не заглядывает в эти места. И тем не менее птица благополучно проводит на далеких пастбищах все лето, и когда глубокой осенью, необычайно здоровая, крепкая и откормленная, возвращается домой, каждая пара ведет еще за собой целую стаю наротившегося и успешного уже подрасти на свободе молодняка.

ПУТЕШЕСТВИЯ

ПО КНИГАМ И ГАЗЕТАМ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Приютский день кончился. Все укладывались спать в повалку на кошемных войлоках, разостланных прямо на полу. Под головами вздымались узкие мешки, набитые сеном. Сверху было накинуто большое, общее для всех одеяло.

Не найдя на краю места, я устроился в изголовьи. Я не люблю спать в середине, поэтому часто просыпался, чувствуя, что моя рубашка или колени мокрые. Пришла надзирательница Александра Петровна.

— Ты это почему тут улегся? — спросила она.

— Не лягу в середину, — ответил я упрямо.

— Почему?

— Федька Колесников все время прудится.

— Ложись!

— Не лягу.

— Я тебе приказываю! Ну!!

Я почувствовал, как старые, мягкие, но проворные руки потянули меня в середину ребят, и я ткнулся коленком в голову Федьки. Он завозился, запищал, как прижатая мышь.

Мне не спалось. Я смотрел на щель притворенной двери, сквозь которую пробивалась полоска света из соседней комнаты.

Я знал, что там занимается Аркашка Аляев — один из старших приютских мальчиков. Он учился в школе и, наверно, теперь готовил уроки.

Я тихонько встал и, приоткрыв дверь, заглянул в освещенную комнату.

За столом над книжкой сидел Аляев, положив голову на ладошку. Я тихонько вошел и подсел к столу.

Я думал, что он меня сейчас же выгонит, но Аркашка спокойно посмотрел на меня и спросил:

— Ты захем прихол?

Он говорил тихо, не выговаривая шипящих звуков, словно что-то мешало ему во рту.

— Так, — ответил я. — Я тебе не помешаю, Аркашка? Ты дай мне какую-нибудь книжку, я посмотрю картинки.

Мой покорный и ласковый тон, должно быть, подкупил Аркашку. Он улыбнулся и спросил:

— А ты хитать умееш?

— Умею.

Аляев снова улыбнулся, порывшись в ворохе книжек и сунул мне толстую книгу в переплете.

— Перелистывать будеш, пальцы не муслякай, от этого книга портится, — предупредил он.

Я с замиранием сердца раскрыл книгу и прочитал про себя: „География“. Я не знал, что это значит, но спросить не решался. Аляев углубился в книгу.

Я посмотрел сбоку на Аркадия, на его коротко остриженную лобастую голову. Аляев старательно что-то вписывал в тетрадь. Его оттопыренная толстая нижняя губа шевелилась.

Я, сдерживая дыхание, стал бережно перелистывать книгу, осторожно раздувая солнувшися листки. Я никогда не испытывал такого волнения при виде книжки, как сейчас. Передо мной раскрывались горы, люди, звери, реки.

Аляев же вдруг отодвинул свои тетради в сторону, повернулся ко мне и, перелистывая книжку, стал пояснять:

— Вот видишь? Это в роде карманных хасов. Это компас. С ним ходи по лесу и не заплутаешься.

— Куда хочешь, туда и выведет? — спросил я.

— Аха.

Всегда серьезный, деловитый Аркашка пришел с кипой книжек и тетрадей из школы. Много раз я видал, как он, прячась от приютского шума, залезал с книгой на сеновал или уходил в огород, в баню.

Как-то раз Аляев вышел из бани со свертком бумаги. Сергей, сын нашей надзирательницы, насмешливо встретил его:

— Эй, банный ученый!

— Тебе хорошо, — скороговоркой проговорил Аляев, — у тебя есть где заниматься, а мне негде. Но он не был злопаметным. Вскоре я видел, как он жарко поспорил с Сергеем, рассматривая пеструю карту.

Сергей, брезгливо поджав тонкую нижнюю губу и запустив руки в карманы штанов, недоверчиво слушал, как Аляев, тыча пальцем в карту, разъяснял:

— Берингов пролив открыт казаком Дежневым. Он ходил собирать ясак в 1668 году. А потом исследован Витусом Берингом Иваном Ивановичем, первым русским мореплавателем.

Мне казалось, что Аркашка все знает, о чем бы его ни спросили. И я радовался, что Сергей был бессилиен показать свое превосходство перед Аляевым.

Однажды Аляев развернул передо мной большой лист бумаги и, сияя какой-то особенной улыбкой, сказал:

— Смотри-ка, Ленька.

Лист был исчерчен кривыми линиями, похожими на тонкие змейки.

— Это что? — спросил я.

— Карта Европейской России. Я к экзамену ее делаю, — и мечтательно добавил: — Конху эту жлолу, буду дальше ухититься...

Между нами завязалась крепкая дружба. Вечерами я ходил к нему. Он мне давал тетрадку. Я списывал с книжки буквы, цифры, и уже через месяц научился писать. Я чувствовал, как Аляев окружал меня теплой заботой. Было в нем что-то приветливое, братское.

Я часто любовался его работой. Он, должно быть, тоже был доволен, особенно когда раскрасил карту.

— Вот это губернии. Это — Московская, а это вот — наха, Пермская.

— А мы где живем? — спросил я.

— Вот здесь. Видишь — синяя змейка? Это наха река Тагил... А это вот горы.

— А это что? — спросил я, показывая на синие фигуры.

— А это моря, озера.

Я вспомнил, как когда-то смотрел на Тагил с Лысой горы. Был ясный тихий день... Я видел широкий пруд, как синее озеро, а река Тагил легла синей лентой, извиваясь среди селения. Загнувшись замысловатым зигзагом возле скалистого выступа „Красный камень“, она ушла в далекий лес и там затерялась.

Я смотрел на карту в немом восторге.

Аляев словно угадал мою мысль и, улыбаясь, стал пояснять:

— Вот если подняться высоко-высоко, так Россия можно видеть, как на карте.

Аляев заканчивал карту. Оставалось написать только последние условные знаки, и карта готова. Я каждый день подходил к карте и с удивлением и восторгом всматривался в голубые жилки на карте.

Однажды я подошел, как всегда, к Аляеву и оцепенел. У стола стоял Сергей и держал над картой пузырек с чернилами. По красиво раскрашенному листу карты текли жирные фиолетовые ручьи. Я вскрикнул, а Сергей, увидев меня, помутнел, подошел ко мне и, взяв меня за волосы, зловеще спросил:

— Скажешь?

Я чувствовал, как отрывается кожа от моего черепа и в глазах выступили слезы. Я стиснул зубы и молчал.

— Кто облил карту?— вдруг переменяв тон, спросил Сергей.

— Ты!— крикнул я.

— Я?

— Ты.

В эту минуту вошел Аляев.

Сергей продолжал допрашивать меня:

— Кто облил карту?

— Ты!— вскрикнул я и рванулся.

Аляев упал на стол, зажав голову в руки, и тихо зарыдал. Спина его вздрагивала.

Сергей выбежал из комнаты, громко крикнув мне:

— Сам тут напакостил, да на людей сваливает. Паршивец!

Я тоже заплакал. На шум пришла Александра Леонтьевна. Надзирательница побелела. Глаза ее широко раскрылись. Она грозно спросила меня:

— Кто облил карту?

— Сергей.

— Сергей?!— заострив брови, переспросила она.

— Сергей!— закричал я и чуть не толкнул ногой.

Аляев с мокрым печальным лицом смотрел на меня. Мне было больно. Я не мог подобрать слов, чтобы доказать Аляеву свою правоту. Аляев быстро поднялся, выпрямился и грустно спросил:

— Ты скажи, Ленька, правду, ни хево тебе за это не будет.

Голос его дрожал, а нижняя губа еще больше отвисала.

— Сергей!..— крикнул я и снова заплакал.

Александра Леонтьевна посмотрела на облитую карту. Ее сухое лицо сжалось в темный комок, и она молча вышла.

Аляев свернул карту трубкой и направился к выходу. Я посмотрел ему вслед. Не твердо шагая, он уходил сгорбленный, разбитый.

После этой истории я долго не ходил к Аляеву.

Сергей в приюте больше не показывался. А я в наказание не получил на зиму валенок.

Я остался снова в худых, без подметок сапогах, которые можно надевать только на голые ноги, и то с большим трудом.

Недели через две Аляев, поймав меня в коридоре, ласково спросил, заглядывая мне в глаза:

— Ты хе, Ленька, ко мне не ходишь?

— Боюсь. Ты думаешь, это я карту испортил?— сказал я.

— Знаю я кто. Серехка это. Ты приходи.

И снова я стал вечерами посещать Аляева.

Эта глава взята нами из книги „Моя школа“ уральского писателя А. Бондина. Наши читатели много потеряют, если не возьмут в руки ту книгу,

а начав читать, уж не выпустят ее из рук — она захватит их, станет одной из любимых книг — старый уральский рабочий — описывает в ней свое детство, жизнь в сиротском приюте, так как он сам остался сиротой в школьные свои годы. Эта правдивая история юного пролетария, рано узнавшего нужду и суровый труд на уральском заводе дореволюционной эпохи, показывает нам, как беспросветна и тяжела была жизнь бедняка-подростка в царское время. Это одна из тех редких книг, в которой нет лишних и неинтересных страниц. В ней все интересно, все значительно, и вся обстановка, в которой росли дети, вызывает глубокое негодование, а все их страдания и лишения — горячее сочувствие читателя.

В. П.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧКИ

Каждое отдельное рудное месторождение — загадка, даже головоломка. И чтобы разгадать эту загадку, надо залежь руды представлять себе не как готовый неподвижный клад, а видеть ее в движении. Напряги фантазию и ускори движение геологического времени. Вот жидкий огонь проплавляет твердые каменные тела, как воск. Вот идет вековое движение горных пород в глубь земной коры и их поднятие обратно. Горы не выдерживают испытания временем, стираются в низкие плоские холмы. Разноцветные осадки коятся на дне глубокого моря. И непрерывно создаются и разрушаются минералы. Они то собираются в большие однородные массы, то рассеиваются крупинками в толщах пород по поверхности земного шара.

Как же образовалось вот это, найденное тобой месторождение? Откуда взялся вот этот кристаллик? Какие процессы и силы и в какой последовательности сменяли друг друга, чтобы создать его?

На первых порах охотник за камнями будет ошибаться и в определении минералов и в объяснении их происхождения. Это не беда. Особенно, если случай действительно сложный и головоломный. Но и лишнего мудрить тоже не стоит. Сначала надо попробовать найти самые простые объяснения.

Как-то остались молодые коллектора одни на промывке песков. Начальник партии уехал в базу. И вымыли они интересный материал. Несомненно рудный, почти круглой формы и черту дает на бисквите темносеру. Галенит, что ли? Но форма не та. Вечером хотели сделать химический анализ, да все спорили: можно ли отщипнуть от него кусочек для этого? Не испортят ли небывалый кристалл? Тут приехал начальник. Показали ему. Улыбнулся.

— Где нашли?

— При промывке на вашгерде.

— А вашгерд где стоит?

— У болота, вы же знаете.

— Так. А утки там есть?

„Что, — думают, — издается человек?“

— Есть. Видали не раз.

— Раз утки ест, так и охотники, наверно, прихоят?

Рассердились коллектора.

— Не видали мы охотников. Вы бы лучше кристалл определили...

— Вот я и определяю. А охотники там непременно бывали. Иначе откуда бы вам в песок дробинка попала.

Погруднее было разобраться в случае под Сысертью. Там в лесу нашли обломки малахита — торчали в корнях поваленного дерева. Корнями крепко обвиты, видно, что не подброшены. И

очень хорошие куски. Сверху немного выветрились, а сердцевина зеленая, лучистая. Порылись еще, и в другом месте леса нашли куски малахита. Находка важная — малахита давно нигде не находили, а знаменитые когда-то Гумешевские копи были заброшены и залиты водой. Геолог приехал. И он подтвердил, что по геологическому строению малахит здесь вполне возможен. Ведь и самые Гумешки не очень далеко отсюда. Назначили уж шурфы, да один старый горняк догадался.

— Малахит и раньше был дорогой породой, — сказал он. — Когда на Гумешках его добывали, то рабочим строго запрещено было уносить даже осколки. Весь шел в императорские дворцы на разные безделушки. Но шахтари иной раз потаскивали за пазухой кусочки. Потом сбывали гранильщикам в Уктус и Екатеринбург. Те хорошо платили за контрабанду. Перед праздниками гумешевские шахтари, которые родом из Сысерти, шли с Гумешек домой. В бане помыться. И, конечно, малахит несли. Дорога — через этот самый лес. А горная полиция здесь устраивала облаву. Что делать шахтарям? Бросить жалко, и под штраф, а то и под розги попасть нехота. Они наскоро закапывали малахит под соснами и делали на дереве метку. Вот, наверно, их малахит и нашелся теперь, через 40—50 лет. Видно, не всем удавалось потом вернуться за кладом.

Сделали несколько шурфов для очистки советски и убедились, что старый горняк прав: на глубине малахита не оказалось.

Чтобы найти что-нибудь, надо уметь смотреть. Это не так просто, как кажется. Глаза есть у всех, и все смотрят, а что видят? — „Обыкновенные горы! Обыкновенные камни!“

А разведчику надо смотреть, я бы сказал, сквозь геологические очки.

Маленький кусок каменного угля с отпечатком древесного листа, если его рассматривать через геологические очки, разрастается в пышные неправдоподобно богатые леса, которые поднимаются здесь сотни миллионов лет назад.

Обломки „обыкновенных камней“, — если в них разглядеть историю их образования, — станут документом прошлой жизни Урала.

И те же обломки могут оказаться полезными ископаемыми. Они-то и будут тем кладом, на поиски которого ты собираешься идти в горы.

А где взять геологические очки? Пусть их, на первый случай, заменит эта книжка. Если она научит тебя по-новому смотреть на „камни“ — и то хорошо.

Эту главу мы находим в книжке „Охота за камнями“ А. Бармина, автора другой книжки — „Каменный пояс“. Обе они изданы Свердловским. Хорошие книжки, нужные, полезные для всех начинающих уральских следопытов. Написаны они просто, доступно и увлекательно. Это — первые книжки, которыми следует вооружаться начинающим камнеискателям. Несомненно также, что многие читатели, не занимавшиеся ранее георазведкой, прочитав их, станут в ряды уральских георазведчиков-добровольцев и займутся этим полезным и увлекательным делом. Цена книжки вполне доступная — 1 рубль 20 копеек.

В. П.

ГНЕЗДО ВЕТРОВ

26 марта. Снегопад прекратился. Ветер немного стих. Небо чисто. Только на юге, где должен быть Тельпос-ис, клубятся облака, непрерывно изменяя свою форму.

Часам к 10 утра мы увидели изумительную картину. Облака на юге еще не совсем рассеялись, но высоко над ними показались острые белые зубцы Тельпос-иса. Они имеют вид гигантской пилы. С севера, вдоль хребта, примыкающего непосредственно к Тельпос-ису, ползли облака и, перевалив через вершину, скатывались вниз, как водопад. Между ними и Тельпос-исом располагается неширокая, покатая к северу долина. Лес, как волна, взбегает по ней, но дойдя до вершины, как бы изнемогает, разбивается на группы деревьев, рдеет и останавливает свой бег. Здесь — предел лесной растительности. А за ним только снег и скалы. Все деревья имеют значительный наклон к северу от Тельпос-иса, как будто это причесанные волосы. Все это было залито лучами яркого солнца. Никто из нас не предполагал, что Тельпос-ис может быть таким внушительно прекрасным.

Скорей на лыжи, вперед — к Тельпос-ису. Правда, пока только на предварительную разведку. Пусть олени отдыхают сегодня, а мы поработаем. Пересекая долину, стремимся прямо к вершине.

По мере продвижения к вершине ветер все время усиливается; мы нагибаемся ниже и упорно идём вперед. Как иглы, летят навстречу колючие снежинки. Куртки хорошо застегнуты, шлемы крепко натянуты, глаза защищены темными очками — консервами, и только небольшая часть открытого лица чувствует ледяные уколы.

Входим в узкую долину между двумя невысокими возвышенностями. Ветер здесь достигает невероятной силы. Он рвет и мечет. В карманы, в шлем, в куртку набивается снег. Он смерзается у нас на бороде, образуя сплошные наледы. Очки залепило снегом. Снимаем их, но тотчас же на ресницах образуются комки льда. Невозможно открыть глаза. Стоит провести рукой по щеке, и в ней — полная горсть льда.

Скован вой бури не слышно слов идущего рядом товарища. Заметив что-то чернеющее на склоне, я кричу, надрываясь, но никто не останавливается. Задыхаясь, обгоняя всех и палкой показываю на склон. Идем обследовать. Странная картина перед нами: куча оленьих черепов, рогов и отдельные кости сложены здесь между камнями, а рядом с ним стоят длинные жерди.

Это капище. Здесь манси и ханты приносили думам Тельпос-иса жертву. Это было давно, кости уже покрылись плесенью и почернели.

Пробуем идти дальше. Уже видны крутые склоны вершины. Но силы наши истощаются. Больше двух часов боремся с ветром. Лыжи широко раздвинуты, наподобие ножиц. Корпус согнут под прямым углом.

Ищем защиты между скалами правого склона. Вот уже мы подошли к ним и уселась, очищая лица от снега. Но неожиданно налетел новый, еще более сильный порыв ветра. Он ворвался между корнями. Как из гигантской трубы, с воем и свистом вырвалось облако снега. Добрая порция снега попала каждому из нас под куртку, заставив искать спасения в бегстве.

Ветер дует теперь в спину. Пишем лыжами змейки. И скоро мы в лагере.

Тельпос-ис и сегодня доказал, что имя „Гнездо ветров“ принадлежит ему по праву.

В лагере значительно тише. Выколачиваем забившийся всюду снег, даже под курткой на спине он лежит толстым слоем. Никто из нас никогда не переживал такого ветра. Ненец Рокин говорит: „Не всякая гора на Урале имеет каждый день свежий ветер, но у Тельпос-иса ветра всегда много“.

Я стараюсь найти причину, почему, несмотря на господствующие здесь ветры северных румбов,

у Тельпос-иса они неизменно дуют от вершины, часто в совершенно противоположном направлении. И думаю, что мне удалось найти причину: она заключается в рельефе хребтов, окружающих эту долину.

Река Дурной-ель, в долине которой мы расположились лагерем, течет на север, впадая в Шугор. На востоке и западе ее ограничивают хребты высотой в 1200—1300 метров над уровнем моря. Прямым продолжением западного хребта на юге является Тельпос-ис, расположенный почти перпендикулярно к нему, а продолжением восточного — другая значительная вершина, отсленная от Тельпос-иса только перевалом. Ветры южных румбов врываюся в долину через перевал, а северные в узкой долине, встречая на своем пути высокую стену, постоянно заворачивают вдоль дуги от вершины. Примерно в трех километрах от вершины сила этого ветра почти уничтожается, здесь полоса затишья. Тельпос-ис стоит, как гигантский щит, отражая удары северных ветров.

К вечеру небо прояснилось. Ветер утих. Заходящее солнце бросало красные лучи, отчего белая стена Тельпос-иса становилась розовой, возвышавшаяся перед нами во всем своем величии. Мы насчитали пять зубцов, из которых каждый последующий был выше предыдущего, а что было за пятым, мы не знали. Немного восточнее был виден разрыв, а за ним вновь поднимались скалы, немного уступавшие Тельпос-ису по высоте.

Книга В. Горбунова „Гнездо ветров“, из которой мы приводим здесь отрывок, представляет собою отчет экспедиции Общества пролетарского туризма, совершенной на Северный Урал зимой 1933 г. Этот отчет может служить хорошим руководящим материалом для тех, кто пожелает посетить вершину Тельпос-ис со спортивными или научно-исследовательскими целями. Эта полезная книга издана Свердловгизом. Ц. 1 р. 60 к. 1933 г.

ПОЛЮСА РАЗГОВАРИВАЮТ

Мы зимовали в 1931/32 году на самой северной научной станции мира — советской полярной станции на острове Гукер, в группе островов — архипелаге, — называемых Землей Франца Иосифа.

Связь с Большой землей (так называется материк у зимовщиков полярных станций) проходила по радио. Каждый зимовщик имел в месяц 60 слов бесплатной передачи; за превышение насчитывала бухгалтерия Арктического института после зимовки. Радист в свою очередь вел кредит контона каждого зимовщика.

Очень приятно было получать известия с Большой земли. Обычно радист приносил радиogramмы во время ужина. Все с нетерпением ожидало его появления в кают-компании.

Громкоговоритель связывал нас со всем Союзом. Мы не чувствовали себя отрезанными. Дикторы Ленинградского радицентра, Московской станции имени Коминтерна и других городов знакомили нас с последними событиями и достижениями в жизни Советского союза.

Кроме того, Арктический институт устраивал радиопереклички с полярными радиостанциями, в том числе и с нашей. Радиопереклички всегда происходили после 24 часов. У микрофона выступали представители Арктического института, геофизического и гидрографического управления и других научных организаций Ленинграда. Они делились с нами последними новостями науки в Союзе и за границей; давали указания о нашей работе, передавали почту. Говорили также наши семьи и знакомые.

После каждой радиопереклички приходилось много работать нашему радисту, передававшему служебные и частные радиogramмы.

Во время зимовки у нас было две радиопереклички — обе во время полярной ночи. Летом наладить радиоперекличку труднее, так как мешают частые электрические разряды.

Говоря о радиосвязи, необходимо вспомнить об этом интересном моменте во время первой зимовки в бухте Тихой (1929/30 год). Это была беседа „двух полюсов“.

— Двенадцатого января в одиннадцать часов сорок минут ночи, — рассказывает радист товарищ Кренкель¹, — закончив служебные передачи на Маточкин Шар, я решил дать радиовывоз — сигнал „всем, всем“. Четыре минуты я выстукивал в эфир точки и тире.

Выключив мотор для приема, я услышал, что на мой сигнал меня вызывает какая-то станция. Я услышал позывную американского правительства. Я был очень удивлен, так как правительственные станции обычно не отвечают на вызовы слабых станций, к каковым принадлежала и наша.

Неизвестная станция попросила сообщить наши координаты и уведомить, кому она принадлежит. Я передал, что наша станция находится в сердце Арктики, на Земле Франца Иосифа, и принадлежит первому в мире социалистическому государству. В ответ я услышал приветствия. Выяснилось, что я завязал связь с Антарктической экспедицией адмирала Берда, находившейся вблизи барьера Росса, в море Росса в Антарктиде. Географические координаты этой станции — 78° 35' 30" южной широты и 163° 35' западной долготы. Разговаривали между собой два полюса. Южный сообщил:

„Сегодня летний день, — только 2 градуса мороза. Конец лета. Под влиянием солнечных лучей лед тает. Большая облачность мешает подняться самолетам. Суда экспедиции „Сити оф Нью-Йорк“, миновав берега Новой Зеландии, приближаются к ледяной кромке, чтобы сменить зимовщиков. Наша экспедиция располагает тремя самолетами и другими машинами, приспособленными для изучения полярных областей. Для получения воды из льда пользуемся мощными эвапораторами. Главная база расположена на ледяном барьере Росса и состоит из 42 человек. Цель — достигнуть южного полюса. Имеем много ездовых собак. Недавно вернулась береговая партия, прошедшая 400 миль по ледяной пустыне. Полгода назад прошла полоса 60-градусных морозов. А как у вас?“

— Станция в бухте Тихой ответила:

„Сейчас непроглядная ночь. За окном завывает пурга, нас всего 7 человек. Все живы и здоровы. Живем дружной семьей. Держим связь с Советским союзом. Ежедневно посылаем метеорологические сводки в Главную геофизическую обсерваторию. Ленинградская общественность организовала для нас два раза беседу через радиостанцию. Слушаем приветствия родных, близких, детей“.

В последнем ответе Антарктическая радиостанция передала зимовщикам приветствия от летчика, который в 1928 году летал над Землей Франца Иосифа, разыскивая Роальда Амундсена, пропавшего без вести.

¹ Кренкель был старшим радистом на пароходе „Челюскин“. Благодаря его усилиям, челюскинцы, находясь на пловучих льдинах, в так называемом „лагере Шмидта“, все время имели хорошую связь с Большой землей и соседними радиостанциями.

После этого передача прекратилась. Сила радиостанции Берда — 800 ватт. Сила станции в бухте Тихой — полкиловатта. Расстояние между радиостанциями — более 17 тысяч километров.

Товарищ Кренкель по отдаленности радиосвязи побил мировой рекорд.

После этого товарищ Кренкель многократно пытался связаться с Антарктической станцией, но безрезультатно.

Об этом интересном эпизоде рассказывается в книжке М. Иванчука „14 месяцев на Земле Фрэнца Иосифа“, Харьков, Изд. „Украинский рабочий“, 1934, ц. 1 р. 70 к.

„НА ВЫСОТАХ УРАЛЬСКИХ ГОР...“

Недавно в газетах появилось сообщение: Произошло крушение товарного поезда. Паровоз и все вагоны свалились под откос.

Дорога была в исправности. Путьевой сторож Ли Фу, работающий на разъезде пять лет, за час до прихода поезда, как обычно, очень тщательно осмотрел путь. Он был лучшим путевым сторожем дороги. Причину крушения не выяснили.

...Пять лет назад в необычной обстановке, в 1929 году, во время конфликта, он был взят в плен, как сейчас он говорит, к счастью. После беседы и знакомства с нашими бойцами Ли Фу изъявил желание работать на Дальнем Востоке и остался там.

Вот что рассказывает Ли Фу по этому поводу: „На нашем разъезде, к моему стыду и печали, произошло большое крушение. Путь осмотрел утром и перед приходом поезда. Рельсы звенели в один тон. Шипы все были на месте. Мой глаз не мог пропустить ни слабой гайки на стыке рельсов, ни слабости шпала. Вдруг вечером на закате солнца товарный поезд свалился под откос. Сколько добра погибло, сколько вагонов! Погибли люди — машинист, кочегар и главный проводник Ой, сколько горя!“

Наехали к нам и начальник дороги, и начальник района, и мастера. Собрались все у груды досок и железа. „Кто повинен?“ — спрашивали все друг у друга. И я спрашивал себя: „Ли Фу, неужели ты не доглядел?“ „Нет, Ли Фу, — отвечал я себе, — ты смотрел, ты не мог не заметить лопнувшего рельса, разломов“.

Прошла эта страшная ночь, и еще день, а я все думал: почему? На второй день, к вечеру, ко мне зашел колхозник Чан и принес горе: у них погорел хлеб и поселок. Сто китайцев-колхозников остались без крова и хлеба.

Потом Чан как-то про себя сказал: „На дороге утром видели низкорослого человека“. И я вспомнил, что перед крушением, когда я шел с осмотра, сзади меня через путь прошел низкорослый человек.

В ту же ночь я пошел в сторону сгоревшего поселка. Чан рассказал мне, куда ведут тропы от поселка через тайгу.

Я направился по тропе в сторону Приморья. Три дня я шел по тайге. Я присматривался к следам, прислушивался. В последнюю ночь на сопке, откуда виднелось море, а слева в бухте, на новом заводе, горели огни, я отдыхал под камнем. Вдруг до меня долетели тихое пение и слова:

И там, на высотах Уральских гор,
Водрузим знамя восходящего солнца.
Прогоним их в леса,
В лесные течи.

И я вспомнил песню и узнал голос. Пять лет назад я возвращался на пароходе из Японии. На пароходе были сотни таких же обездоленных рабочих-китайцев, как и я. Среди нас ехал японец Такици. Он говорил, что хочет искать работы в Корее. Однажды вечером Такици пел на палубе в одиночку эту песню про Страну советов.

Я не стал отдыхать, а тихо, прямо через тайгу спустился в бухту к пограничникам. Нельзя было терять время. Низкорослый человек был Такици. Я узнал его“.

„Правда“.

МАТЛЮ ЗАВОЕВАТЕЛЬ ОСТРОВА.

На съезд народов Севера во Владивосток явились делегаты из тундры. Они шли сотни километров пешком, бежали на лыжах, ехали на собаках, на оленях. За их плечами остались тысячеверстные просторы тундры, горных теснин и тайги.

Нужно было видеть, с какой страстностью делегат из Калымской тундры рассказывал о школе, о первом человеке, научившемся грамоте, о том, что стойбища объединены в товарищества и убивают зверя в два раза больше, чем раньше. Люди, которые десятилетиями отдавали пушнину за бутылку водки, люди, которые вымирали при царизме, влились в великую семью народов СССР и под руководством партии и советской власти идут к новой, счастливой жизни. 104 делегата: чукчи, удэ, эскимосы, гольды, ногайцы.

Среди них находился чукча Матлю. Матлю скучал по морю. Он тоскливо ходил по широким улицам Владивостока, испуганно оглядываясь на пронесившиеся автомобили и пасмурно возвращался в общежитие.

— Я в городе первый раз, — объяснял он виновато. — И боялся сюда ехать. Наши люди на Севере тоже начинают строить свои города.

Имя Матлю известно по всему побережью Чукотки. О нем говорят как о самом отважном чукче, который нарушил вековые законы тундры и завоевал остров Аракан — излюбленное лежбище зверя.

— Этим островом завладел шаман, — рассказывает Матлю. — В сезон охоты шаман набирал себе батраков и начинал зверовать. Никого, кроме шамана, на острове не охотился. Шаман объявил запрет, наложил тайну: „Кто убьет зверя на острове Аракан, тот погибнет сам“, — говорил старый шаман. Чукчи били зверя далеко в море. В иные годы моржи находили себе лежбище далеко от побережья, куда не могли попасть самые смелые и опытные охотники. Тогда приходили черные дни. Мы питались вяленой рыбой, но и ее запасы быстро таяли. Голодные собаки уходили в скалы, терялись, замерзали или попадали на волков. Наступали морозы, пурга. Все чукчи отсиживались в ярангах. „Чукчи не должны гневаться“, — говорил шаман. „Надо терпеть“, — добавляли старики, поучая молодых.

Но вот стихла пурга. Только в сопках носилась поземка, голубым шарфом заметая следы вьюги. Тогда Матлю пошел к чукче Ляко. Несколько лет они вместе охотились.

Ляко чистил винчестер, когда вошел Матлю. — Доброе дело Ляко! — поздоровался Матлю. — Идем бить зверя. Я знаю большое лежбище. Все люди стойбища будут бить зверя. Будет тепло в ярангах, все будет.

— Где?

— Зверя много. Только надо людей созвать. Пять человек пока хватит.

— Где? — снова спросил Ляко.

— На Аракане!

Ляко отложил винчестер... Он в упор смотрел на Матлю. Матлю сказал страшное слово. Матлю надумал нарушить тайну. Матлю может погибнуть.

Две ночи в яранге охотников не угасал огонь. Пятеро охотников обсуждали предложение Матлю. На третий день, тщательно вычистив ружья, они пошли к острову Аракан.

На острове стояли две яранги. В одной жил шаман, в другой — три охотника-батрака. Матлю первым вошел в ярангу шамана. Старый колдун с гневом набросился на пришельцев.

— Вы нарушили закон и погибнете. Первым погибнет тот, у которого появилась дума нарушить закон, за ним умрут остальные!..

Бормоча проклятья и грозя смертью, шаман кинулся к ружьям. Матлю с силой отстранил его.

— Ты лжешь, седой чорт! Остров больше не твой!

Другие охотники пошли к батракам, захватили ружья и предложили им вместе с шаманом сейчас же уходить с острова. На другой день батраки присоединились к пришедшим и начали охотиться вместе с ними.

С тех пор остров носит имя Матлю.

— А я живу и буду жить,— смеясь, заканчивает рассказ Матлю.— Правда два раза шаманская пуля проделала след у моей головы, но мимо. Шаман сбежал. В нашей зверобойной артели двенадцать человек. В прошлом году в стойбище приехал учитель, и сейчас у нас есть школа и первые грамотные с тех дней, как появились на свете чукчи.

„Правда“.

Каменная курица.

Фото-очерк Б. Рябинина.

Высоко под облаками, над горным озером Аракуль, на вершине Аракульской горы стоит камень — Курица. Природа — скульптор своим тысячелетним трудом обработала глыбу серого уральского гранита, придав ей форму курицы-наседки, сидящей с высоко задранной головой. Озеро Аракуль находится в южной части Урала, недалеко от завода Касли, входит в группу озер, имеющих общее название „Зауральские озера“. Высота горы над уровнем озера — более 300 метров. Вся Аракульская гора сложена из серого уральского гранита. Отдельные скалы и утесы ее имеют чрезвычайно причудливую форму. Есть например камень „Верблюд“, силуэт которого удивительно похож на голову верблюда. Есть камень „Чертов палец“, на вершине которого лежит камень „беседка“ — пустой внутри и опирающийся на пять ножек. Есть камень „алтарь“, „тумба“ и много других.

Географическая Викторина „Следопыты“

КАК БЫЛ НАЗВАН НОВЫЙ ОКЕАН

Мореплаватели вышли из открытого ими пролива и вступили в новое, неведомое море, по которому плыли в течение трех месяцев и двадцати дней, совершенно не имея свежей пищи.

Сухари, которыми они питались, представляли собою мучную пыль, смешанную с червями и загрязненную мышами; она издавала невыносимое зловоние. Вода, которую они принуждены были пить, была гнилая и тоже вонючая. Чтобы не умереть с голода, люди однако ели кожу, которой покрывают спаси, чтобы веревки не перетирались о дерево. Эта кожа под действием морской воды, ветра и солнца так затвердела, что ее надо было размачивать в морской воде в течение четырех — пяти дней. Затем мореплаватели пекли ее на углях и ели. Часто питались они опилками, и даже корабельные мыши сделались для них изысканным блюдом.

Но самое большое несчастье состояло в том, что люди стали один за другим заболеть неизвестной болезнью, при которой десны распухали до такой степени, что совершенно закрывали зубы как верхней, так и нижней челюсти, так что невозможно было жевать никакой пищи. Девятнадцать человек из них умерло.

За эти три месяца спокойного плавания по неизвестному морю мореплаватели не встретили никакой земли, за исключением двух пустынных островов, на которых нашли только птиц и деревья; на них не было ни фруктов, ни орехов. Поэтому они назвали их Злополучными. Они не достигли лотом два у берегов этих островов и видели лишь множество акул.

Когда их флотилия находилась среди океана, то капитан-командор указал кормчим направление, которого следовало держаться, а немного спустя спросил, какого они держатся курса. Те отвечали, что держатся курса согласно данным им приказаниям. Тогда он возразил, что они наметили неправильный курс и что нужно ввести поправку, ибо, находясь в южном полушарии, магнитная стрелка компаса не так чувствительна, как в северном.

Плывя по этому новому океану, мореплаватели убедились, что южное полушарие не имеет тех же созвездий, какие имеет северное. Так, они открыли на западе пять блестящих звезд, расположенных в форме креста.

За три месяца и двадцать дней плавания по этому океану мореплаватели не испытали ни разу ни малейшей бури, а потому и назвали его соответствующим именем, которое удержалось и поныне.

Вопрос: Из какого же пролива, соединяющего два океана, вышли мореплаватели? Кто командовал эскадрой и назывался капитаном-командором. Как мореплаватели назвали новый океан, которым они плыли столько времени?

ОСАДА ВУЛКАНА

Двигаясь все вперед и вперед, избегая больших дорог, пробираясь тропинками среди полей и виноградников, отряд восставших рабов-гладиаторов пробирался к подножью вулканической горы, ко-

торая была целью их похода. Их вождь решил, что, поднявшись на эту гору и выбрав себе подходящее место для укрепленного лагеря, они получат возможность защищаться от правительственных войск, которые, как он знал, уже готовятся подавить восстание и разгромить силы гладиаторов.

По пути движения отряда к нему присоединялись все новые и новые группы рабов из имений патрициев, расположенных по пути следования повстанческого отряда, в котором было уже пятьсот человек хорошо вооруженных воинов.

Разведчики отряда, взобравшись на гору, нашли удобную поляну для лагеря. С одной стороны поляна примыкала к ряду высоких, неприступных утесов, с другой шел крутой обрыв, по которому не могли бы подняться нападающие. Таким образом повстанцы могли ожидать нападения лишь с той узкой тропинки, по которой поднялись сами.

Отряд гладиаторов тотчас же устроил лагерь и заготовил на краю обрыва и тропы груды камней. Этими камнями восставшие решили бомбардировать нападающих. И действительно, на заре второго дня лагерь на вулкане был атакован прибывшими войсками. Неприятель подвигался той же узкой горной тропой, которой взобрались и повстанцы.

Тогда артиллерия осажденных пустила в ход свои метательные снаряды — камни, давя и сбивая нападающих с тропы.

Неожиданность этого маневра и условия местности привели нападающих в замешательство, а потом заставили их отступить и обратиться в бегство. Атака была блестяще отбита с уроном для нападающих. Повстанцы преследовали отступающего врага и захватили брошенное им оружие.

Пока новые правительственные войска снаряжались в поход против восставших, силы последних быстро увеличивались, так как к ним прибывали все новые и новые группы рабов. Владея вулканом и соседними равнинами, вождь повстанцев ежедневно обучал своих воинов, готовя их к новым сражениям.

На этот раз военачальники неприятеля прибегли к хитрости. Разделив свои силы, они поднялись на вулкан с двух противоположных склонов его и разбили два лагеря на полугоре, намереваясь взять осажденных измором. Мышь в западне! Через пять дней они сладутся все! — решительно заявил командующий карательными войсками.

И действительно, припасов у осажденных хватало бы немногим больше, чем на пять дней. Но их гениальный вождь нашел лазейку, чтобы спасти повстанцев от неминуемой сдачи. Он разыскал отвесный обрыв в стороне от неприятельских лагерей и приказал своим воинам плести из кожаных ремней и толстых ивовых прутьев висячую лестницу. Когда длинная лестница была сплетена, ее укрепили на остром пике скалы и спустили в пропасть.

Один за другим воины под покровом ночи начали спускаться на дно пропасти. Около 36 часов длился этот спуск, пока, наконец, не спустились все. Разделившись на две группы, повстанцы обошли гору с двух сторон, поднялись до того и другого лагеря осаждающих и напали на них врасплох, с тыл

Никак не ожидавшие нападения с тыла и глубоко уверенные в том, что „мышь в западне“ и ей никуда из нее не уйти, войска осаждающих были разбиты и отброшены с большими потерями.

Вопрос: Кто же был этот гениальный вожьд восставших рабов-гладиаторов и крестьян? Что это была за вулканическая гора, на которой устроили они свой вооруженный лагерь, где она находится и к какой эпохе относятся эти события?

АРКТИЧЕСКАЯ САХАРА И ЕЕ ПОЭТ

Осенним вечером 1885 года, в Нью-Йорке, молодой американец, который готовился к карьере морского инженера, зашел к букинисту, которого он часто навещал. Рассматривая лежавшие на прилавке книги, он увидел среди них небольшую книжку Норденшельда о материковых льдах одной огромной полярной страны, которая представляет собой целый материк, не уступая своими размерами Австралии. Еще будучи мальчиком, он с увлечением читал историю полярной экспедиции Кенна, ходившего в Арктику на поиски пропавшей экспедиции Франклина, и воспоминание об этом ожило в нем. Он принялся читать купленную у букиниста книжку об этой загадочной и неисследованной стране, и решил отправиться туда сам. В это же время в нем зародилась и мысль об экспедиции к северному полюсу, который тогда никем еще не был открыт.

Вот каким образом молодой американец и будущий инженер американского флота сделался арктическим путешественником.

Сначала он решил сделать небольшое подготовительное путешествие в ту страну, о которой впервые познакомился по брошюре Норденшельда. Он отправился туда в следующем же году вдвоем с своим товарищем датчанином с намерением проникнуть в глубь страны.

Совершив это путешествие и вернувшись на родину, он почувствовал, что в его кровь попала

„арктическая бацилла“. И действительно, эта „бацилла“ никогда с тех пор не покидала его и была источником его постоянной болезни, которую он называл „полярной лихорадкой“.

В эту страну он совершил несколько экспедиций, приучая себя к путешествиям в арктических условиях и расширяя свои знания об Арктике. Ни в какой мере не будучи поэтом, он, тем не менее, как влюбленный, следующими словами воспевал эту суровую страну:

„Эта гряда земли, вытянувшаяся к югу, опоясана, как драгоценным ожерельем, искрящимися льдами полярного моря. Это — самая интересная страна Арктического мира, страна полуночного солнца и полуденной ночи; страна, над которой раскинулось тропическое небо цвета незабудки и которая закована навеки мощным ледяным панцирем. Это страна, где вершины гор покрыты не тающим снегом, тогда как на склонах их видны еще следы огня древних вулканов, где у подножия ледников растет желтый арктический мак, а на берегу морской из-под снежных сугробов вырастают пышные цветы; где весело чирикает полярный воробей, а море кишит утками, чайками, морскими ласточками и другими птицами; где воздух полон звоном струй, бегущих из-под снежных пластов. Ее выпуклая грудь представляет собой огромную блестящую и искрящуюся пустыню твердого смерзшегося снега и смело может быть названа Арктической Сахарой.“

В этой снежной пустыне нет даже следов органической жизни, глаз не видит ничего, кроме снега и голубого неба и солнца или тумана, такого густого, что нельзя различить даже собственных следов под ногами. Ветры никогда не перестают завывать над этой великой ледяной пустыней, превращаясь нередко в ураганы ужасающей силы. Тогда воздух наполняется ревом, свистом и колючими кристаллами снега, которые ослепляют и, словно раскаленными иглами, жгут лицо путешественника“.

Вопрос. Что же это за удивительная страна и кто этот влюбленный в нее поэт?

О НОВОЙ ВИКТОРИНЕ

Викторина „Уральского Следопыта“ построена по новому принципу. Обычно задается вопрос, который, порою, ставит в тупик даже человека, имеющего широкое образование. Просто не всегда в голове сохраняются исторические или биографические даты и готовые формулировки на данный вопрос.

Участник такой Викторины принужден нередко, если у него есть охота, время и справочные издания, сделать некое путешествие по книгам, чтобы правильно ответить на вопрос. Это не плохо, конечно. Но дело в том, что часто участнику нет ни времени, ни особой охоты, ни справочников под рукой, и он бросает „игру“. Мы строим свою географическую

викторину по принципу: дать участнику „игры“ сначала некоторую порцию знаний в наводящей, образной форме и тем натолкнуть его на более или менее правильный ответ.

Помещаемые здесь миниатюрные рассказы-загадки нашей новой Викторины могут послужить нашим читателям примером для постройки собственных рассказов. Урал богат всевозможной тематикой и географического, и краеведческого, и исторического порядка. Предлагаем нашим читателям продолжать начатую нами Викторину в порядке самостоятельности и присылать свои миниатюры в редакцию. Наиболее удачные из них будут помещаться в этом отделе.

Вл. Штарк.

Ответственный редактор Н. Виницкий.

Зав. Редакцией Вл. Я. Попов.

Обложка и техническая редакция Г. А. Иванова.

Корректор О. Д. Березина.

Сдано в производство 17/1 1935 г. Подписано к печати 25/III—35 г. Уполномоч. Свердловлита В—2008. Огиз № 1184. Индекс V—П. Бумага Троицкой ф-ки. Формат бумаги 72×110¹/₁₆. Печатных листов 5. Бумажных листов 21¹/₂. Печатных знаков в бум. листе 150 700. Учетно-автор. листов 9,8. Тираж 5000.

Заказ № 28.

Отпечатано в Свердловской типографии треста „Полиграфкнига“ Огиза, Банковский пер., дом 3.

Шахматная доска „Следопыта“

ИСТОРИЯ ШАХМАТ

НА УРАЛЕ

Много лет назад, в декабре 1649 года, по указу царя Алексея Михайловича верхотурским воеводой Раф Всеволожским был дан приказ приказчику Ирбитской слободы Григорью Барыбину о строгом наблюдении за тем, „чтобы и в зернию, и в карты, и в шахматы, и лодыгами не играли, и, изломав, те бесовские игры велеть жечь“.

Имея в виду, что Ирбит основан в 1633 году, мы можем утверждать, что шахматы на Урале были известны и распространены еще 300 лет назад.

За неимением источников нельзя установить развития шахмат на Урале в XVIII веках, но надо полагать, что запрещение шахмат оказало губительное влияние на их распространение в эту эпоху. Поэтому вполне понятно, что их развитие шло не по линии широкого распространения, а по линии отмирания. Немудрено, что в начале XIX века шахматной жизни на Урале, как мы ее представляем, сейчас не существовало.

Проходили годы. Шахматы на Урале развивались самобытно, без всякой организации и руководства.

В конце XIX века шахматы начинают проникать и получать некоторое распространение в таких городах Урала, как Тобольск, Тюмень, Пермь. Весьма скудные сведения имеются о развитии шахмат в это время в Нижнем Тагиле, Кабаковске (бывший Надеждинск), в Перми, в Пермско-Сергинском районе (бывшей Пермской губернии).

В 1900—1901 годах в Нижнетуринский завод переезжает один из активных шахматистов первой категории, бывший секретарь московского шахматного кружка Д. Н. Павлов и один из талантливых шахматистов первой категории С. М. Левитский, который впоследствии (в 1911 году) получил в Петербурге звание мастера и подтвердил его на международном турнире в Бреславле в 1912 году. Он был единственным мастером на Урале и скончался уже в эпоху революции, в 1923 году. Память о нем и до сих пор жива у шахматистов Свердловска, где он неоднократно бывал по делам службы и изредка давал сеансы одновременной игры.

Из сильных игроков, проживавших до революции на Урале, следует еще отметить товарища Зубакина из Пермского района и товарища Стяжкова (бывший Екатеринбург).

Вот по существу весь актив дореволюционной шахматной жизни на Урале. Правда, уместно отметить еще, что Демидовы были большими любителями шахмат. Но Демидовы больше покровительствовали им, чем играли, так как игроки они были плохие. Так, один из них, будучи атташе при русском посольстве в Лондоне, покровительствовал международному шахматному конгрессу в Гастингсе в 1896 году. Он выбросил сотни фунтов стерлингов на призы, на разные пари, на что угодно, но только не на развитие шахмат в своей уральской вотчине.

Последний из отпрысков Демидовых, князь В. П. Демидов-Сав-Домато, был немного внима-

тельнее по отношению к шахматам. Он мелкими подачками поддерживал время от времени шахматное дело в России, но опять-таки не на Урале. На организацию 4 всероссийского шахматного турнира 1906 года он отвалил целых сто рублей. Будучи почетным вице-председателем организационного комитета международного шахматного конгресса 1909 года в Петербурге, он „разорился“ на три сотни рублей. Но будучи членом совета всероссийского шахматного союза, этот же Демидов ни чуточку не позаботился о развитии шахмат на своих уральских заводах.

Даже выписать на свои заводы выходивший в то время журнал „Шахматное обозрение“ им и в голову не приходило. Нижнетагильское общественное собрание, например, выписывало его за свой счет. А в остальных заводах и этого не было.

Убога была шахматная жизнь на Урале до революции. За исключением двух турниров, проведенных в бывшем Екатеринбурге, нечем ее даже и отметить. Шахматных кружков не существовало. Шахматы были лишь достояние местной буржуазии и дворянства.

Революция уничтожила демидовский Урал с его укладом жизни. Вырос новый, социалистический Урал с мощной индустрией, резко изменивший свое лицо. И только в эпоху революции шахматы на Урале получили права гражданства. За десять лет существования шахматно-шашечной организации на Урале проведено сем областных шахматно-шашечных съездов с приглашением мастеров из центра. В 1925 году с большим успехом прошел сезон, одновременной игры, данный сербским мастером Костичем. Организовывались междугородные встречи. Стала расти сеть шахматно-шашечных коллективов. Команда Урала заняла первое место на Урало-Кузбасской спартакиаде 1932 года. Шахматы проникают в быт трудящихся, на предприятия, в колхозы, где стали неотъемлемой частью культурного отдыха.

Сейчас только по одной Свердловской области насчитывается 10 шахматистов и шашкистов первой категории СССР, второй категории — 40 человек, третья категория насчитывается уже десятками, четвертая и пятая — целыми тысячами.

В 1934 году имели место такие крупные события, как I областной шахматный турнир иностранных рабочих и специалистов, массовый шахматно-шашечный матч на 456 досках, первенство области, полуфинальный шахматно-шашечный турнир на первенство РСФСР при участии двух республик и двух областей, где представители Свердловской области заняли первые места. По линии профессиональных союзов проведено около пятнадцати областных турниров отдельных союзов.

Шахматное движение на Урале растет и крепнет. „Уральский следопыт“ горячо желает ему еще большего развития в 1935 году, введя для этой цели на своих страницах специальный шахматный отдел.

С. Ю.

ЗАДАЧА 1

О Стокки (Италия). Первый приз на международном конкурсе задач памяти Исаева. 1934 год.

(12 + 12)

Белые: Кр f7, Лс8, g3, Фg6, Сb3, h7, К a3, ab; пешки: b3, b4, f4, f6. (12)

Черные: Кр d2, Фа2, Лd1, e1, Сf3, c1, К g1, пешки: b7, d6, e2, g2, g4. (12)

Мат в два хода

Эта задача входит в наш 1 конкурс решений задач и этюдов за первое полугодие 1935 года. За решение—8 очка

Фамилии правильно решивших будут опубликованы.

ШАХМАТНАЯ ХРОНИКА СВЕРДЛОВСКА

Начался очередной шахматный турнир на первенство города при 44 участниках. В числе участников лучшие шахматисты города: товарищи Иванов, Алексеев, Докицкий, Киселев, Горский и др. Турнир проводится по группам с финалом и закончится в феврале 1935 года.

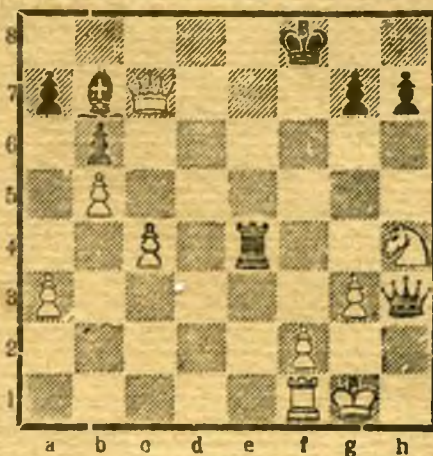
Турнир на шашечное первенство города решено проводить с 20 января 1935 года. В нем примут участие все лучшие шашечисты города во главе с третьим призером шашечного первенства РСФСР товарищем Каннудель (Уралмаш).

В декабре начался шахматный командный турнир техникумов города при 120 участниках.

Во второй половине января 1935 года проводится 1 областной шахматный турнир медицинских работников.

ОКОНЧАНИЕ 1

Из партии, игранный в Кстовичах на чемпионате Польши в 1934 году.

Белые: Мезович. Черные: Кободьян

Ход черных

29. Ф h3 — h1 +

30. Кр. g1. Ф h1 Ле4: h3 и мат на h1, в следующий ход

Просто и убедительно.

К ШАХМАТИСТАМ УРАЛА

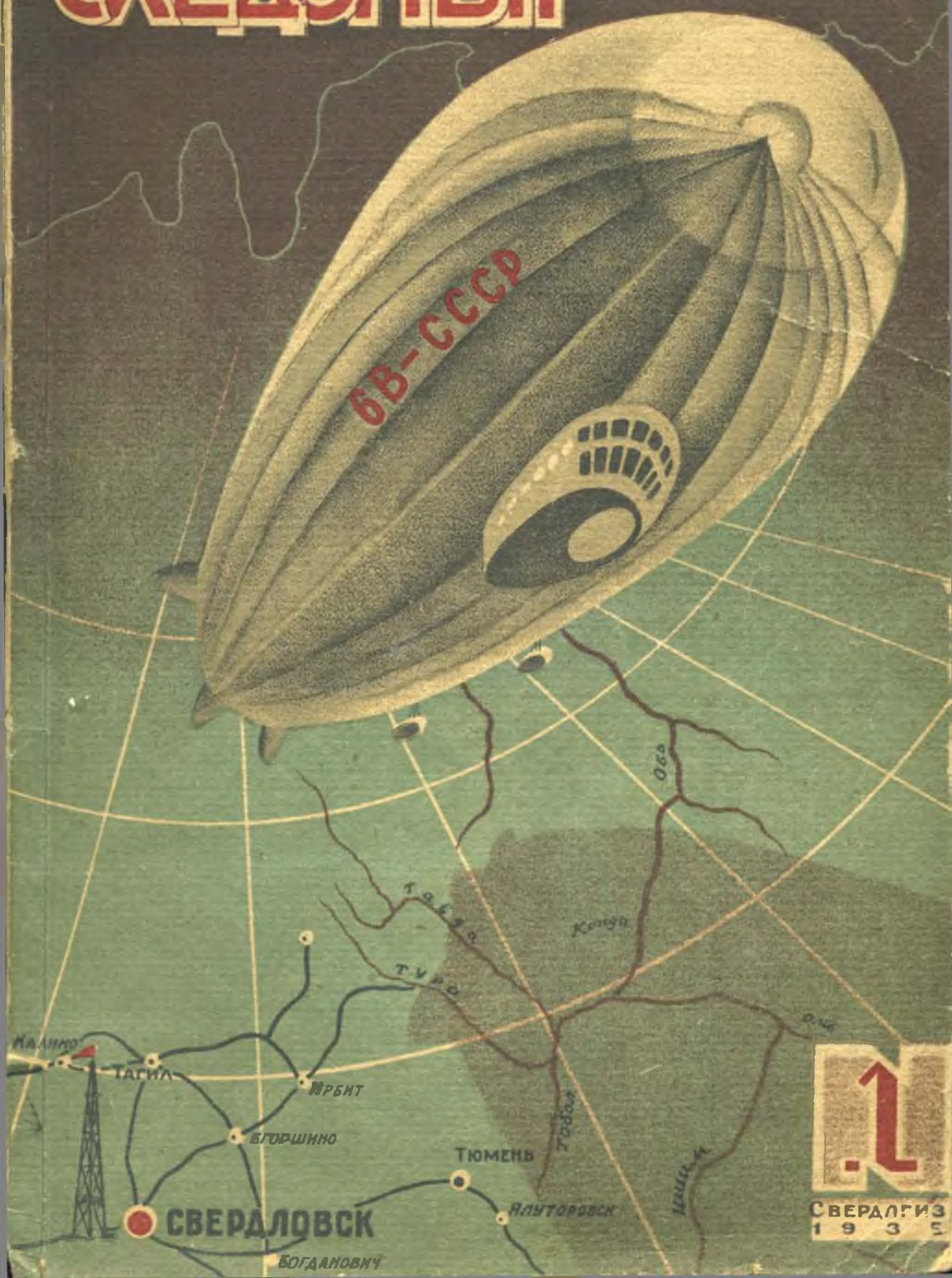
В течение 1935 года журналом „Уральский следопыт“ будет организовано два конкурса решения задач (первый открывается помещенной выше задачей Стокки, второй будет организован во второй половине 1935 года). Один конкурс составления задач и две шахматно-шашечных викторины с призами.

В отделе „Шахматная доска Уральского следопыта“ будут печататься новости шахматно-шашечной жизни по СССР и за границей. Одновременно будет даваться ряд задач и этюдов мастеров шахматной композиции, интересные окончания из практических партий и т. д.

Шахматный отдел выходит регулярно. Всю корреспонденцию по отделу направлять по адресу редакции „Уральский следопыт“ Свердловск, Дом печати с обязательной надписью „Для шахматного отдела“. Обращаемся ко всем читателям с просьбой присылать материалы для отдела (задачи, воспоминания, этюды, партии, хронику и т. п.).

Редакция „Уральского следопыта“

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1935 г.

НА НОВЫЙ УРАЛЬСКИЙ ежемесячный иллюстрированный ЖУРНАЛ ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ставит своей целью содействовать исследованию, раскрытию и освоению величайших естественных богатств Урала, Предуралья, Зауралья и Башреспублики, их истории и освещению жизни народов, населяющих их.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

подает свой материал в форме увлекательной исторической повести, сюжетного рассказа, художественного или занимательного научно-популярного очерка, расширяя и углубляя знания учащихся школы и широких слоев советского читателя в области истории, географии и краеведения.

ОТДЕЛЫ „УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“

ИСТОРИЯ

ГЕОГРАФИЯ

КРАЕВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ПРИРОДА И ОХОТА

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ — СТАРЫЕ И НОВЫЕ

УРАЛЬСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ СЛЕДОПЫТА ВОКРУГ СВЕТА

УРАЛЬСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ СЛЕДОПЫТА ПО КНИГАМ

СРЕДИ УРАЛЬСКИХ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

НАРОДЫ УРАЛА

ШАХМАТНАЯ ДОСКА „УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ систематически будет следить за научно-исследовательскими экспедициями по Уралу и сообщать о результатах их работ

В „Уральском следопыте“ принимают участие следующие писатели-краеведы и научные работники Урала: А. БОНДИН (природа и охота), А. БАРМИН (история и геология), Ф. ТАРХАНЕЕВ (георазведка), М. КЛЕР (геология и археология), В. ШЛЕЗИГЕР (зоология), В. ЕВЛАДОВ (народы Уральского севера), В. ЕЛОВСКИХ (георазведка), В. ВИННИЦКИЙ (природа и охота), Т. РАУХВЕРГЕР (гидробиология), Д. КАЗАНЦЕВ (плодовая селекция), В. БИРЮКОВ (краеведение), С. КАЧИОНИ (природа и охота), Н. ПОПОВА (история), А. БЕРС (археология) А. КЛИМОВ (народы Севера) и другие.

В „Уральском следопыте“ принимают участие следующие сотрудники журналов „Всемирный следопыт“, „Вокруг света“, издававшихся в Москве: Вл. А. ПОПОВ, А. БЕЛЯЕВ (научная фантастика), В. БИАНКИ (биоохотничьи рассказы), Ю. БЕССОНОВ (рассказы), А. СМЕРНОВ СИБИРСКИЙ (краевые очерки и рассказы), Н. ЖЕЛЕЗНИКОВ (научная фантастика), В. ВЕТОВ (краевые и охотничьи юмористические рассказы), М. ЗУБ-ОРДЫНЕЦ (историко-революционные повести и рассказы), а также московские и ленинградские писатели: А. ПАУСТОВСКИЙ (краевые очерки), В. ТАН-БОГОРАЗ (краевые рассказы) и др.

„УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ“

выходит в книжно-журнальном формате, объемом 5 печ. листов (80 стр.) в многокрасочных обложках, с иллюстрациями, зарисовками и картами в тексте лучших уральских, московских и ленинградских художников и графиков.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год — 18 руб., на 6 мес. — 9 руб., на 3 мес. — 4 руб. 50 коп. Отд. номер — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: магазинами, киосками и конторой подписных и периодических изданий, их уполномоченным; и всюду на почте и в КОГИЗе, Свердловск, улица Ленина, 40.

АДРЕС РЕДАКЦИИ Г. СВЕРДЛОВСК, ДОМ ПЕЧАТИ

Ответственный редактор **Н. А. ВИННИЦКИЙ**.

Зав. редакцией **ВЛ. А. ПОПОВ**.

Свердловское областное государственное издательство.
Центр подписных и периодических изданий КОГИЗ.